

ЗВѢРСТКА ПРОТИВНИКА

ОБЪЕДИНЕННАЯ
146306
БИБЛИОТЕКА
И. К. П. ✓

КАДЕТСКОГО
БИБЛИОТЕКА
КЕРПУСА

ПЕТРОГРАДЪ

ЛМ
343

Решено поре
30.10.12
С/С

ЗВѢРСТВА ПРОТИВНИКА

ВЪ ОЧЕРКАХЪ И ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ДОКУМЕНТАХЪ

ИЗДАНИЕ СОСТОЯЩАГО ПОДЪ ВЫСОЧАЙШИМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАря ИМПЕРАТОРА ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ
СКОБЕЛЕВСКАГО КОМИТЕТА О РАНЕНЫХЪ. ПЕТРОГРАДЪ, МЫТНИНСКАЯ УЛ., 27.

Очерки настоящего альбома составлены В. Л. КУБЛИЦКИМЪ-ПОТТУХЪ на основании исследований, произведенныхъ на мѣстахъ, а фотографическіе снимки, не исключая и цвѣтныхъ, сдѣланы авторомъ непосредственно съ объектовъ звѣрства.

Скобелевскій Комитетъ.

Кругомъ спруится мягкая, прозрачная и дымчатая ночь Полѣсъя. Небо покрыто нескончаемой пеленой облаковъ, легкихъ и недвижныхъ. Луны не видно, но она чувствуется вездѣ: въ пяпнахъ тающего снѣга, въ темномъ и причудливомъ кружевѣ голыхъ вѣтвей лѣса, въ черной, какъ уголь, дорогѣ съ глубокой, развѣзженной колеей, наконецъ, въ равнинной дали полянъ, вдругъ вырывающихся изъ одного лѣса и спокойно убѣгающихъ въ другой, далекій и невѣдомый... Всюду ровно до скуки... Всюду неясно и туманно, какъ лѣтнею ночью въ пихой заводи.

Мы идемъ вчетверомъ вдоль лѣсной дороги, скользя по осклизлымъ откосамъ, цѣп-

лясь шинелями за порчащія сучья, временами увязая ногами въ топи небольшихъ кочковинъ.

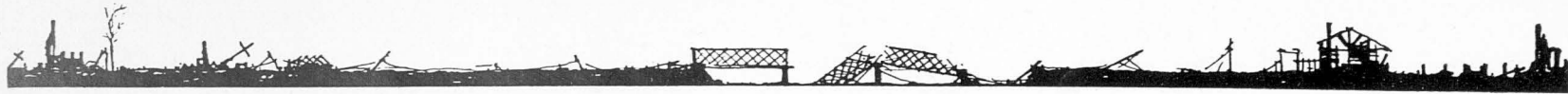
Со мной—унтеръ-офицеръ и два рядовыхъ. Унтеръ-офицеръ идетъ непосредственно за мной, и я ясно слышу его громкое дыханіе и недовольный шопотъ, когда онъ спотыкается о сучья или попадаетъ въ грязь:

— Э-э... чорпъ! Набросало васъ шупы!.. или:

— Вотъ-то грязь, прости Господи... Бѣдпо нѣмецъ напакостиль...

Лѣсъ кончился... Попянулась унылая равнина поля съ бѣлыми пяпнами талаго снѣга... Несмотря на дымчатый свѣтъ невидимой луны,

ЧАРТОРИЙСКЪ.

заволакивающій рѣзкостѣ контуровъ, пятна снѣга контрастно бѣлѣютъ среди мрака земли и какъ-то надавливаютъ на душу, поселяя въ ней рядъ поскливыхъ движеній.

Намъ надо пробратъся въ Чарторійскъ. Это грязное всегда, а особенно теперь, мѣстечко находится въ такъ называемой нейтральной зонѣ. Всякій, кто бывалъ на войнѣ, знаетъ, что такое нейтральная зона. Это по проклятое мѣсто земли, гдѣ днемъ воютъ наши и вражескіе снаряды, свистятъ, не умолкая ни на одну минуточку, пересѣкающіяся траектории пуль, а ночью, прилипши къ землѣ, бродятъ и сперегутъ врага черныя тѣни дозорныхъ и развѣдчиковъ, насупившіяся и угрюмыя...

Мы идемъ быстро и по нашимъ предположеніямъ находимся уже недалеко отъ цѣли... Подходимъ къ линіи нашихъ окоповъ, густо населенныхъ, но какъ-то жупко-молчаливыхъ и кажущихся бездонными... Разыскиваемъ ропнаго командира. Онъ только-что забылся превожнымъ сномъ войны, а потому недоволенъ, что его разбудили, и подходитъ къ намъ медленной и раскачивающейся походкой человека, вся брюзжащая фигура котораго говоритъ: «Ну, вамъ-то еще какого чорта здѣсь надо?» Ежасъ отъ холода и часто сплевывая, онъ рѣшителнымъ движеніемъ нахлобучиваетъ на глаза шапку и выше поднимаетъ воротникъ шинели. Видными оспаются только тем-

ные, глубоко сидящіе въ орбитахъ глаза и очертанія мягкаго славянскаго носа.

Нехотя приложивъ къ козырьку руку, онъ говоритъ:

— Командиръ роты. Чѣмъ могу служить? Я объяснилъ...

— Пепряевъ! Назначь кого-нибудь полковаго... Вотъ, съ ихъ благородіемъ въ Чарторійскъ пойдетъ... Назначь лучше изъ развѣдчиковъ... Есть кто-нибудь?

— Такъ точно, Ваше Высокородіе...

Черезъ пять минутъ мы уже впятеромъ, молча, сливаясь съ мглой ночи, двигаемся впередъ... Прозрачныя облака уже куда-то сбѣжали съ неба, уступивъ мѣсто болѣе темнымъ клубящимся тучамъ... Кругомъ спало сумрачнѣе, а потому и тише. Человѣкъ всегда почему-то, въ обманчивой игрѣ упомленныхъ нервовъ, сочепаетъ свѣтъ съ шумомъ, если даже такового нѣтъ, а темноту съ тишиной... Здѣсь сказывается, вѣроятно, ассоціація привычныхъ жизненныхъ впечатлѣній, приучившихъ насъ считатьъ день синонимомъ движенія, дѣйствія, звуковъ, а ночь—синонимомъ тишины и покоя...

Идя, мы напалкиваемся на полевой караулъ:

— Кто идетъ?

— Свои.

Откуда-то вылѣзаетъ черная, какъ все кругомъ, тѣнь и подходитъ къ намъ, оцупы-

вая насъ острѣмъ взглядомъ почти невидимыхъ глазъ.

— Кто свои?

Разсказываю «кто свои» и «почему именно свои»...

По мѣрѣ движенія впередъ солдатики все больше съеживаются, инстинктивно замедляютъ шагъ, спараются ступатъ осторожноѣе и какъ-то запахаютъ. Даже идущій за мной унтеръ-офицеръ начинаетъ дышатъ не такъ громко, забываетъ свою добродушную воркопню, и я перестаю его слышатъ.

Тьма и одиночество рождаютъ осторожность, подчасъ, нервную и болѣзненную...

Иногда мы коротко останавливаемся при звукѣ шороха, внезапно колбнувшего уха изъ липкаго мрака, и прислушиваемся...

— Никакъ ходитъ ктой-то...

На минуточку всѣ мы вросаемъ въ землю и

пронзаемъ темное пространство иглами пяти паръ глазъ и ушей. Унтеръ-офицеръ отдѣляется, осторожно ползетъ въ сторону слышавшагося шороха и постепенно таетъ

въ темнотѣ ночи... Минута... двѣ... три... пять... Мы всѣ прилипаемъ взглядомъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ исчезъ.

Его фигура, однако, въраспадетъ неожиданно какъ упавшій камень, но много правѣе, двигаясь во весь ростъ съ какой-то аффектированной бодростью.

— Никакъ нѣтъ... Никого... Послышалось, значитъ...

Идемъ дальше... Вдругъ мы всѣ, какъ по командѣ, замираемъ

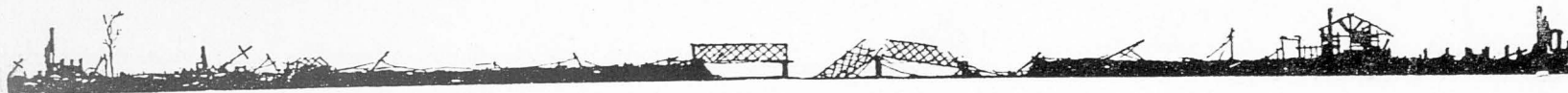
и прижимаемся къ землѣ... Впереди два человека...

— Нѣмцы!..

Гораздо больше движеніями рукъ, чѣмъ шопотомъ, слышимъ однимъ намъ, мы рѣшаемъ планъ «атаки»... Я съ двумя нижними чинами

Храмъ въ Чарторійскѣ до разрушенія.

«наступаю» слѣва, унперъ-офицеръ съ двумя—справа, а съ фронта—молодой солдапикъ, который еще передъ отправленіемъ въ Чарторійскъ все говорилъ, самодовольно ухмыляясь:

— Повидите, что нѣмца опять колотъ будемъ... безъ энпаго нелззя... Я два раза лазилъ въ Чарторійскъ... Два раза кололъ... Ей Богу— правда...

Извиваясь какъ змѣи, мы полземъ по землѣ, охватывая колцомъ двухъ стоящихъ людей... Мы совсѣмъ уже близко... Вдругъ со стороны солдапика, два раза уже коловшаго пропивника въ Чарторійскѣ, раздается смѣхъ, и онъ вскакиваетъ...

— Нѣмцы... Хороши тебѣ нѣмцы...

Передъ нами стоятъ два столба...

Наконецъ, мы въ Чарторійскѣ... Онъ весь разрушенъ и сожженъ пропивникомъ... Передъ нами церковъ, странно бѣлѣющая своими исперзанными стѣнами среди мрака. Это—старинный костелъ князей Чарторійскихъ, обращенный впослѣдствіи въ православную церковъ. До разрушенія онъ былъ однимъ изъ тѣхъ храмовъ, которые красивы той простой красотой, какую умѣли выявитъ въ архитектурѣ прошлаго люди, вѣроятно болѣе здоровые и болѣе цѣлостные, чѣмъ мы... Выстроены въ стилѣ бароко... Бѣлый, какъ только что выпавшій снѣгъ... Внутри его замѣтна стран-

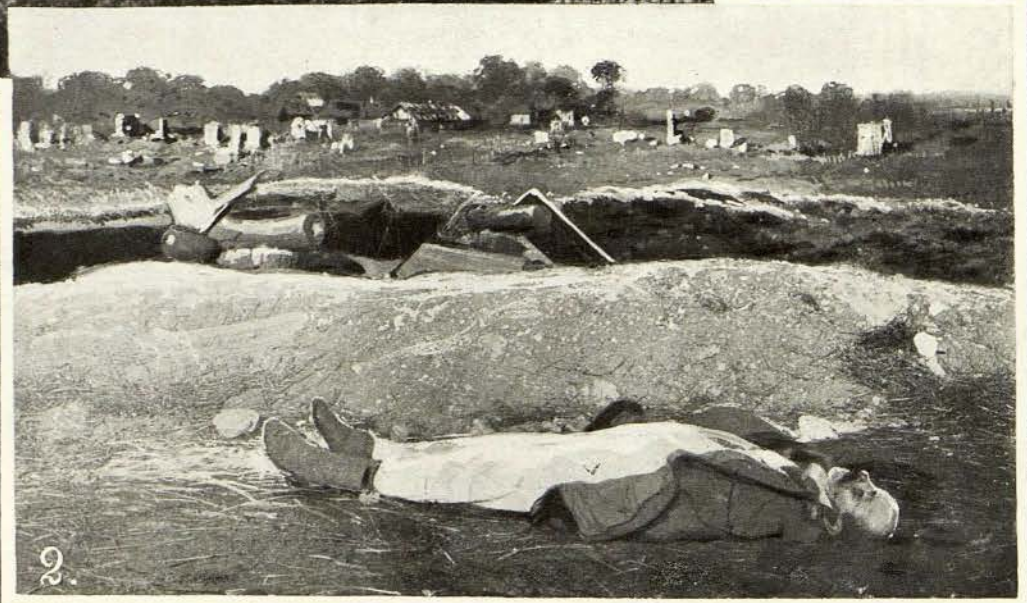
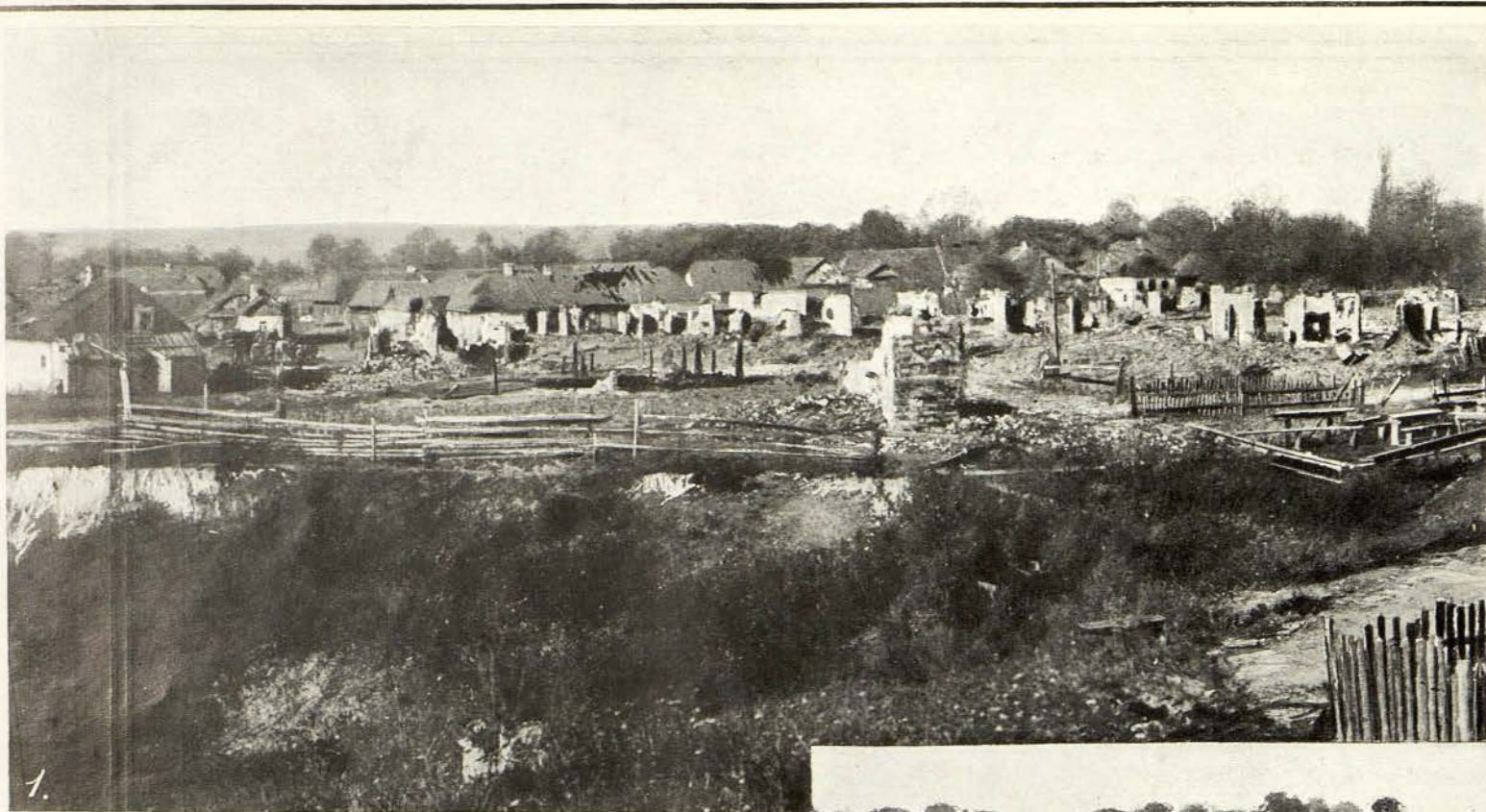
ная смѣсь православія съ католицизмомъ, въ одно и то-же время и колющая, и прогательная. Большой алтарь—православный, но справа и слѣва оставлены католическіе малые алтари. Стапуи нѣтъ нигдѣ, но сохранилась слѣва, у колонны, характерная для католическихъ костеловъ «амвона», съ лѣсенкой, откуда произносятся проповѣди. Уцѣлѣли огромные хоры, рассчитанные въ прошломъ, очевидно, на мощный органъ...

Мы съ трудомъ отыскиваемъ въ беспорядкѣ разрушенія крошечный лазъ внизъ, въ подземелье, и спускаемся туда по каменной лѣстницѣ. Холодная тѣма и отсырѣвшіе кирпичи стѣнъ цѣпко впиваются въ напряженные нервы... Зажигаемъ свѣтъ... Входимъ въ сводчатый коридоръ, узкій и кажущійся безконечнымъ... По сторонамъ его—ниши. Въ этихъ нишахъ въ продолженіе долгихъ вѣковъ стояли гробы, заключавшіе въ себѣ набальзамированные останки князей Чарторійскихъ. Гробы всѣ—деревянные, старательно сдѣланные изъ потемнѣвшаго отъ времени дуба и частью запыленные праурной маперіей.

Съ этими гробами и съ столь долго покоившимися въ нихъ, въ оковахъ смерти, трупами, пропивникъ поступилъ жестоко и кощунственно. Всѣ безъ исключенія гробы взломаны, причемъ это сдѣлано съ той грубостью и

Разгромленный склепъ князей Чарторійскихъ въ Чарторійскомъ храмѣ.

Чарторійськ. 1. Видь сожженой и разграб-
 ленной части селенія. Женщинъ поголовно
 насиловали. Напр. Хавронью Бойко на 2-й
 день послѣ родовъ, не обращая вниманія
 на ея молббы, изнасиловали подрядъ, зара-
 зивъ страшной болѣзнью, 6 нѣмцевъ. Каж-
 дый совершилъ преступленіе по три раза.
 Изнасилованіе было совершено въ присут-
 ствіи 80-лѣтняго Григорія Судуса и его
 жены, которыѣхъ заставили смотрѣть на
 ужась. Многие жители заколоты (90-лѣт-
 ній крестьянинъ Большакъ и
 др.). 2. То-же. На первомъ
 планѣ—трупъ убитаго
 жителя.

попорностью, которой опличаются всегда дѣйствія пропивника, когда онъ спановится звѣремъ. Трупы вываленны изъ гробовъ — замѣтите — именно вываленны, въ спрашныя груды закоснѣвшихъ тѣлъ безъ головъ, безъ начала и безъ конца... Очевидно, вначалѣ пропивникъ для удобства работы выпаскивалъ гробы изъ нишъ, подносилъ ихъ ближе къ входу, гдѣ сверху, въ небольшое отверстіе лаза, струились тихіе лучи дня, и здѣсь производилъ свою операцію разгрома. Въ этомъ мѣстѣ замѣтенъ особенно жупкій безпорядокъ и особенно много костей, череповъ, обрывковъ одежды и дерева. Попомъ это ему, вѣроятно, надоѣло, и онъ началъ неистовствовать вездѣ, гдѣ находилъ мертвецовъ: въ нишахъ, на полу коридоровъ, даже наверху, въ храмѣ.

Я нашель, у лаза, выходя изъ подземелья, двѣ высохшія головы и оспорожно опнесъ ихъ обратно, положивъ въ гробъ... Пусть лежатъ, пока не прійдутъ снова злые люди, и снова ихъ не оскорбятъ...

По трупамъ, видимо, ходили, дробя ихъ сухіе остатки каблуками солдатскаго сапога... Въ сторонѣ валяется желѣзная лопата и ломъ... Орудія преступления...

Большинство головъ отбито, и онѣ одиноко скалятъ изъ мрака свои желтые зубы...

Въ углу — груды исплѣвшихъ костей...

Нѣкоторые мертвецы, благодаря какой-то

спранный игрѣ рока, болѣе другихъ пощаженны и временемъ, и врагомъ... У одного можно различить даже выраженіе желтаго, какъ оберточная бумага, съ исплѣвшими волосами лица. Сохранилась даже полосатая лента, одѣтая черезъ правое плечо... На груди шипя звѣзда...

Въ одной изъ нишъ покоилось 7 труповъ, по всей вѣроятности, цѣлое поколѣніе князей Чарпорійскихъ... Среди нихъ молодая женщина, одѣтая въ парчевый нарядъ, покрытый какой-то спранный корой... Очевидно, благовонныя масла, смѣшавшись съ выдѣленіями тѣла, просочились, уже на мѣстѣ вѣчнаго упокоенія, сквозь мертвую кожу и плаще и застыли въ видѣ спрашной костяной массы... На крошечныхъ ножкахъ — парчевыя туфли... Миниатюрная головка, прелестъ которой чувствуется еще и теперь, съ ровными, какъ жемчугъ, зубами, съ длинными, великолѣпно сохранившимися каштановыми волосами, отбита и отброшена въ сторону на нѣсколько шаговъ... Я благоговѣнно кладу ее на мѣсто...

Вотъ часть того спрашнаго цѣлаго, которое обожгло меня гримасой ужаса въ подземельѣ Чарпорійскаго храма...

Что касается самой церкви, то она, конечно, ограблена и изнасилована, какъ многія церкви, встрѣтившіяся на пути пропивника... Взломаны и измяты кружки для сбора пожертвованій обездоленному человечеству... Взло-

мана стойка для продажи свѣчъ, взломаны шкафы, взломаны ящики... Алтарь опустошенъ: престолъ разрушенъ, священные предметы частью испреблены на мѣстѣ, частью унесены... Одно паникадило уцѣлѣло, а другое разбило, и куски его брошены у храма... Металлическія ризы съ иконъ сорваны, но попомъ выяснилось, что онѣ не серебряныя... Онѣ также брошены... Всюду на полу — иконы... Онѣ оскорбительно валяются среди мусора, жалкія и измятыя ногою преступника... Все говоритъ о томъ, что кощунство въ Святомъ Мѣстѣ производилось длительное, спарательное, оканчивавшееся сегодня для того, чтобы снова начаться завтра... Жители утверждаютъ, что въ храмѣ кощунствовали не только нижніе чины, но и офицеры германской арміи.

...Мы возвращаемся обратно, къ своимъ линиямъ, въ глубокомъ, ничѣмъ ненарушимомъ молчаніи...

На востокѣ начинаютъ уже теплиться первыя, неясныя полосы утра. Ночной холодокъ

заползаесть за воротники шинелей и въ рукава, заставляя насъ ежиться и прибавлять шагъ...

Уже когда мы находимся далеко отъ Чарторійска, молодой солдатикъ, дважды коловшій въ немъ нѣмцевъ, вдругъ нервно дергается, какъ-бы спряхивая съ себя тяжесть послѣднихъ впечатлѣній, и говоритъ:

— Э-э-хъ! Сегодня-бы нѣмца заколотъ славно!

А попомъ, вдругъ спохватившись, онъ снова съеживается и тихо, съ разстановкой, словно про себя, прибавляетъ:

— Скверно онъ «энто» сдѣлалъ... Не будетъ ему отъ Бога прощенія...

Унтеръ-офицеръ пягостно вздыхаетъ и дѣлаесть рукой какой-то неопредѣленный жестъ — не по угрозы, не по мучительнаго недоумѣнія...

— Ваше Высокородіе.. Разрѣшите закурить... Замерзли больно... Да и на душѣ ужъ очень неладно...

И въ сѣрѣющемъ воздухѣ поля вспыхиваютъ огоньки никакъ не зажигающейся спички...

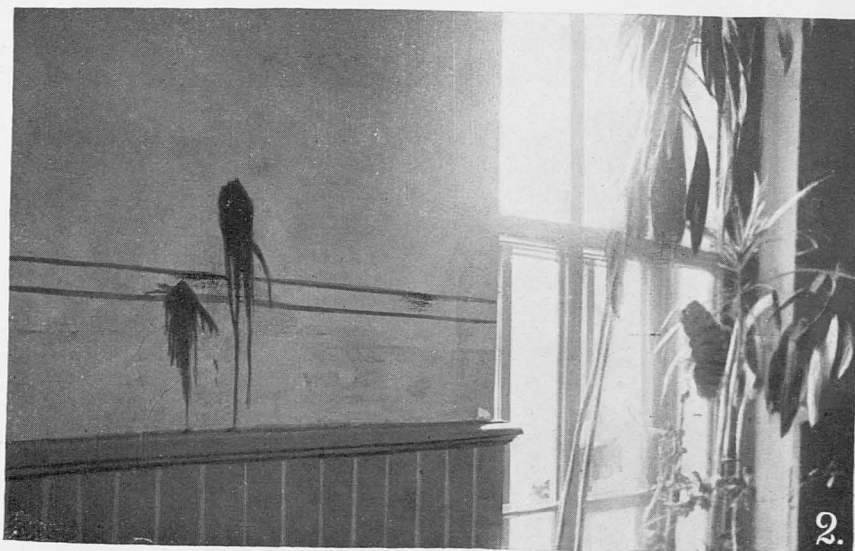

Разгромленные гробы въ склепѣ князей Чарторійскихъ.

УЖАСЪ НА СТАНЦИИ РАДЗИВИЛИШКИ.

Вхожу въ залъ 1-го и 2-го класса въ Радзивилишкахъ, одной изъ станцій желѣзной дороги Курляндскаго театра войны, приковавшей къ себѣ упорное вниманіе пропивника. Въ самомъ началѣ кавалерійскаго налета она была захвачена непріятелемъ, обращена имъ въ конюшню, а затѣмъ, подъ напоромъ нашихъ войскъ, оставлена имъ грязной, наполненной навозной соломой и отбросами. Тотчасъ по мѣрѣ силъ и возможности ее привели въ порядокъ, разставили чудомъ уцѣлѣвшіе нѣскольکو стульевъ и скамеекъ, открыли

примитивный буфетъ...

Сидя въ залѣ и слушая нервныя свистки маневрирующихъ паровозовъ и металлическій стукъ буфетовъ, ударяющихся другъ о друга при сцепкѣ вагоновъ, вамъ не можетъ прійти и въ голову, что еще столъ недавно въ этомъ самомъ залѣ разыгралась драма, закончившая жизнь четверыхъ нашихъ сѣрыхъ героев. Только подозрительныя коричневапо-сѣрыя пятна на штукатуркѣ оконныхъ простѣнковъ и у большой печи невольно вырываютъ у васъ болѣзненный вопросъ:

1. Залъ ст. Радзивилишки съ 2-мя печами, гдѣ былъ произведенъ разстрѣлъ. 2. Пятна крови на стѣнѣ станціи.

1.

2.

3.

Окрестности станці Радзивиличи. 1. Дер. Векшняны, Ковенск. губ. Послѣ разграбленія сожжена при помощи особѣхъ зажигательныхъ ракетъ, которыя бросались въ кровли. Женщины, какъ вездѣ, насилывались. Населеніе, включая стариковъ и дѣтей, подверглось различнымъ истязаніямъ. Напримѣръ, старикъ 75 лѣтъ Шишко былъ до полусмерти избитъ прикладами. 2. Дер. Жовеники, Ков. губ. совершенно разграблена и сожжена. Во всей деревнѣ не осталось ни одного запора, который не былъ-бы взломанъ. Взломаны всѣ запертыя двери и окна избъ, сараевъ, амбаровъ, кладовыхъ, сундуковъ, шкаповъ и т. п. 3. Сожженная и разграбленная дер. Шапнаги, Ковенск. губ. Населеніе этой деревни подверглось особенно сильнымъ истязаніямъ.

— Что это такое?

Изъ опросовъ оставшихся послѣ эвакуа-
ции нами станціи лицъ*), вамъ удастся вы-
яснить въ общихъ туманныхъ чертахъ, ра-
зыгравшійся здѣсь ужасъ. Схема его, какъ
всегда и вездѣ, проста. Германцы взяли въ
плѣнъ 4-хъ раненыхъ нижнихъ чиновъ-опол-
ченцевъ. Задали рядъ вопросовъ о распо-
женіи нашихъ войскъ. Въ отвѣтъ—гробовое
молчаніе. Вслѣдъ за молчаніемъ—звѣрское из-

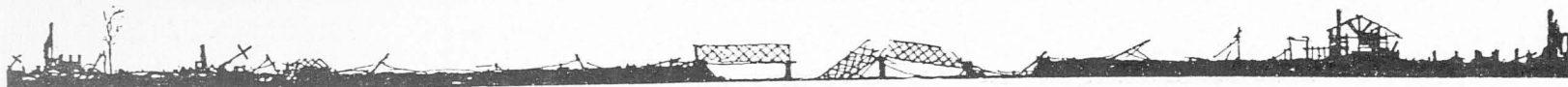
*) Среди многихъ другихъ заслуживаетъ вниманія показаніе
Анны Головки, нѣмки по происхожденію.

біеніе раненыхъ плѣнныхъ, утонченная пытка
и, наконецъ, роковая спѣна...

Поставили, путь-же на глазахъ зарядили
винтовки и путь-же однимъ залпомъ рѣшили
спрашный вопросъ о четырехъ жизняхъ...

Мнѣ не удалось узнать ни именъ четырехъ
прагически погибшихъ нижн. чиновъ, ни полу-
чить какихъ-либо свѣдѣній о вражеской части
расквартированной на станціи Радзивилишки,
но я знаю, что легенды, которыя будутъ мрачно
бродить около кровавыхъ пятенъ, надолго пе-
реживутъ совершившихъ злое дѣло людей, при-
зывая насъ и дѣтей нашихъ къ мести...

СЕСТРА
МИЛОСЕРДІЯ
ПЕТРОВСКАЯ.

Я ее нашелъ въ одномъ изъ госпиталей Поневѣжа, уѣзднаго города Ковенской губерніи, тихаго, чистаго, широко-разбросавшагося своими окраинами, застроеными почернѣвшими отъ времени рублеными домами...

Вхожу... Маленькое, щедушное, милостивое существо съ огромными недоумѣвающими глазами газели — неподвижно распластано на больной койкѣ... Худая, испомленная... Вся какая-то не наспоящая, восковая, похожая своей желтой головкой и тѣльцемъ на тѣ фигуры изъ воска, которыя выставляются обыкновенно въ стеклянныхъ витринахъ паноптикумовъ. Отворачивается, упорно молчитъ, боязливо озираясь по сторонамъ... Временами застѣнчиво и расперянно улыбается не вамъ, а чему-то своему, ей одной извѣстному и при этомъ

краснѣетъ не только лицомъ, но шеей, маленькими ушками, плечиками головы... Фамилія ее Петровская. Она — сестра милосердія б-го

Сестра милосердія Петровская.

головного рижскаго перевязочнаго опрѣда, случайно взятая въ плѣнъ германскими войсками въ Курляндіи и явившаяся безпомощнымъ объектомъ ихъ безчеловѣчности. Съ нею самой, конечно, не о чемъ было разговаривать. При звукѣ незнакомаго голоса она начинала безпокойно метаться, молчала, но всѣмъ своимъ существомъ настойчиво и упорно говорила: «уйдите»...

Трагедію этой маленькой жизни, этого крошечнаго женскаго тѣла, я узналъ отъ

врачей госпиталя, въ которомъ она лежала. Одинъ краткій рядъ выписокъ изъ официального документа, лежащаго передо мной, рисуешь весь ужасъ пережитаго несчастной

дѣвушкой. Вотъ эти выписки въ той ихъ часпи, которая можетъ бытъ оглашена въ печати:

«Болъная была найдена въ безсознапельномъ состоянїи въ лѣсу, въ окрестностяхъ города Шавель, однимъ изъ нашихъ опрядовъ, доставившимъ ее въ госпиталь... Взавъ въ плѣнъ, германцы отвезли болъную на подводѣ въ окопы... Здѣсь ее раздѣли до нага и въ печеніе 1½ недѣль издѣвались надъ нею, насилывали ее десятками и сотнями, причемъ въ этомъ принимали участїе не только нижнїе чины, но и офицеры германской арміи... Подробностей всего происшедшаго съ ней болъная не можетъ разсказать, такъ какъ при воспоминанїи о всемъ пережитомъ начинаетъ истерически рыдать... Осмотромъ, произведеннымъ черезъ сестру милосердія, установлено, что на тѣлѣ ея имѣется нѣсколько значительныхъ кровоподтековъ: на лѣвомъ плечѣ, бедрахъ и правой голени... Болъная жалуется

на боли внизу живота... Температура поднялась до 42°, боли въ животѣ усилились, появилась рвота. Развилась полная картина воспаленїя брюшины и клѣпчатки, окружающей матку... 18 мая въ 10 час. вечера съ болъной случился первыи припадокъ, выразившїйся въ сильныхъ поническихъ судорогахъ во всемъ тѣлѣ, запрокидыванїи головы, длительномъ помраченїи сознанїа... Во время одного изъ позднѣйшихъ, часто слѣдовавшихъ одинъ за другимъ припадковъ, болъная часто повторяла фразу: «Боже мой, за что вы меня мучаете, лучше убейте меня».

Ко всему этому надобно прибавитъ, что несчастная заражена роковой болѣзнью.

Вотъ все, что я увидѣлъ и узналъ въ посѣщенномъ мною госпиталѣ. Больше ничего. Дразу одной маленькой женской жизни, исковерканной фундаментально и навѣки. Но какимъ извергомъ надо бытъ, чтобы такъ ее исковеркать!

Шопень... Послѣдніе дни я много и грустно думаю о немъ...

Въ жизни часто случается такъ, что мысль, вспугнутая какимъ-нибудь ужасомъ, начинаетъ биться, какъ птичка о золоченіе прутья клѣпки, одновременно и стараясь уйти отъ этого ужаса, и мучительно возвращаясь къ нему все снова и снова.

Такъ и со мной эти дни. Въ душѣ моей прочно поселился обаятельный образъ, и я не могу и не хочу уйти изъ его болѣзненного плѣна... Молодое, задумчивое лицо съ тонкой улыбкой и вьющимися волосами, лицо, на которомъ горятъ розовыя пятна румянца, зажженного чашкой, глядитъ на меня, куда бы я ни шелъ и что бы я ни дѣлалъ... Въ душѣ воскресаютъ милые звуки проникновенныхъ мелодій, въ одно и то же время легкихъ и глубокихъ, ясныхъ и возвышенныхъ, улыбающихся и мощныхъ... А надъ ними снова мигающій образъ великаго человека, но уже въ хороводѣ ласкающихъ вальсовъ, бодрящихъ мазурокъ, полонезовъ, балладъ и ноктюрновъ...

Причиной этому — нѣсколько грустныхъ часовъ, проведенныхъ у дома, гдѣ когда-то жилъ и творилъ Шопень, и гдѣ недавно еще все дышало дорогою тѣнью. Въ залѣ стоялъ «его» рояль, его любимый рояль. Въ огромномъ помещеніи библиотеки хранились «его» рукописи, до такой степени ревниво чтивья въ семьѣ

владѣльца, что онѣ не были даже изданы, чтобы никто другой не могъ услышать ихъ дивныхъ мелодій. Въ спальнѣ стояла «его» кровать, «его» столикъ, маленькіе и прогапелльные предметы «его» домашнего обихода. Все это находилось еще столь недавно въ одномъ изъ самыхъ богатыхъ помѣщичьихъ домовъ Томашовскаго уѣзда, я бы сказалъ даже во дворцѣ, принадлежащемъ ВѢДЖГѢ, преемнику наслѣдниковъ генерала МИРРА, известнаго строителя знаменитыхъ Мирровскихъ казармъ въ Варшавѣ, у котораго сто лѣтъ назадъ часто гостилъ композиторъ *).

И всего этого теперь уже нѣтъ...

Жестокій врагъ, совершая прошлой осенью свое опустошительное, хотя и мимолетное вторженіе, предалъ все дорогое и, по существу, невозвратимое огню и мечу, несмотря на то, что оно дорого и невозвратимо, а, можетъ быть, именно поэтому.

Весь домъ превращенъ въ черныя развалины. Въ немъ стоялъ Штабъ одного изъ крупныхъ непріятельскихъ войсковыхъ подразделеній, чины котораго, по своему уходѣ, отдали домъ войскамъ на разграбленіе. Отъ зала, отъ библиотеки, отъ спальни остались лишь мрачныя и страшныя остатки стѣнъ.

*) Имѣніе расположено у Вожучина, Холмск. губ.

посягнули. Великое—какъ мраморный богъ. Оно съ молчаливой надменностью переноситъ удары дерзновенной руки, оно падаетъ ею сраженное, но оно знаетъ, что прійдетъ часъ, когда надъ преступной головой посягнувшаго пропянется карающая рука, которая воздастъ ему въ мѣру его преступленія.

Смѣется по настоящему поэтъ, кто смѣется послѣднимъ.

1. Сожженная библиотека, гдѣ хранились рукописи Шопена.
2. Комнаты, въ которыхъ жилъ Шопень.

Вездѣ — груды чернаго кирпича, проемы оконъ и дверей, широко глядящія пустыми глазами, и жуть, припавшая во всѣхъ углахъ, ползущая изо всѣхъ щелей.

Какъ-то безопчечно грустно становится всегда на душѣ, когда видишь дерзновенно низверженное великое. Становится грустно, не за это великое, ибо оно вѣчно и неуничтожаемо, а за маленькихъ и жестокихъ людей, которые на него

«Доношу, что 26-го Апрѣля сего года въ дер. Верши былъ доставленъ казакъ 5-й особой Донской казачьей запасной сотни, отряда генерала Потапова—ФЕОДОРЪ ЦѢПИНЪ, 38 лѣтъ отъ роду, раненый и, уже послѣ раненія, изувѣченный нѣмцами при слѣдующихъ обстоятельстввахъ:

18 Апрѣля сего года, въ 8—10 верстахъ отъ дер. Верши, ночью, германцы внезапно напали на деревню, названія которой казакъ ЦѢпинъ не помнитъ. Находясь въ дозорѣ, ЦѢпинъ закричалъ: «нѣмцы, нѣмцы», но при этомъ былъ раненъ пулей и упалъ на землю. Немедленно къ нему приблизилось нѣсколько нижнихъ чиновъ противника, которые начали его, уже раненаго, избивать ногами и прикладами, а затѣмъ какимъ-то острымъ орудіемъ, но не шашкой, перерѣзали ему горло и бросили. Отъ кровопотери онъ потерялъ сознание. Когда онъ очнулся—неприятель былъ уже отброшенъ, и ему подавали помощь наши санитары. Показанія онъ даетъ

письменно, такъ какъ говоритъ совершенно не можетъ, вслѣдствіе перерѣза дыхательнаго горла и передней стѣнки пищевода. Главный врачъ коллежскій совѣтникъ Оапъ. Старшій

ординапоръ, докторъ медицины Эліасбергъ».

Все вышеизложенное включено въ рапортъ Главнаго врача лазарета № 1 одной изъ пѣхотныхъ дивизій *)).

Казакъ Феодоръ ЦѢпинъ скончался отъ звѣрски нанесенныхъ ему ранъ въ одномъ изъ военно-лечебныхъ заведеній, гдѣ онъ долго и напряженно страдалъ.

Я видѣлъ его въ послѣдніе дни его жизни, задыхающагося, желтаго и худого, но все еще красиваго той страшной красотой, которая свѣтилась, вѣроятно, въ лицахъ первыхъ христіанскихъ мучениковъ...

Что можно еще добавить къ потрясающимъ словамъ рапорта и къ факту мученической смерти, которой несчастный запечатлѣлъ свой жизненный подвигъ?..

*) 38-й пѣхотной дивизіи.

Казакъ ЦѢпинъ.

Меня окружаетъ молчаливая и сосредоточенная природа Карпатъ *). Смѣло и широко брошенные кряжи горъ дремлютъ, согрѣваемые солнцемъ весны. Спрогя ели, то грустно-одинокія, то собирающіяся небольшими группами, то темными полосами лѣса бѣгущія по горнымъ хребтамъ, и ласкаютъ, и дразнятъ, и манятъ

Невдалекѣ, у опушки лѣса, десятокъ могилъ. На одномъ изъ крестовъ чернильнымъ карандашемъ сдѣлана надпись: «Здѣсь погребены 6 нижнихъ чиновъ такого-то полка. Миръ праху». Могилы сиропливо жмутся одна къ

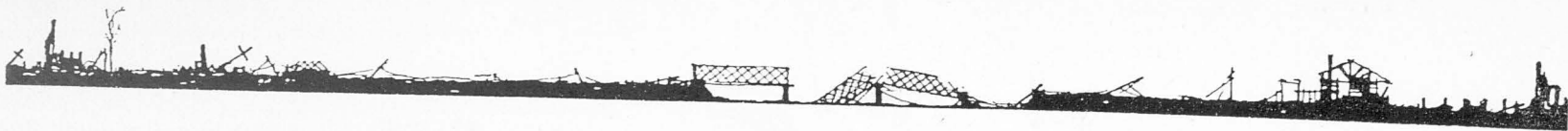
другой, сѣрвя, покрытыя крупными комьями неразбитой земли

Отхожу опъ нихъ и въ ужасѣ замираю. Что такое?

Передо мной, рядомъ съ какимъ-то незнакомымъ и замысловатымъ приборомъ и двумя жестянками съ бензиномъ, разбросавъ ноги и мучительно запрокинувъ голову, лежитъ человекъ, обращенный въ кусокъ угля. Мясо на ногахъ его выжжено до костей, сожжены даже кости, а вмѣсто лица—гримаса безобразной черной маски, безъ носа, безъ глазъ, безъ кожи. Сожжены сапоги, сожженъ поясной ремень, папронныя сумки, но мепаллическіе патроны остались лежатъ на своихъ мѣстахъ,

ГОРЮЧАЯ
ЖИДКОСТЬ.

*) 21-го Апрѣля 1915 года, Макувка.

справа и слѣва, на высотѣ поясицы. Верхняя часть шинели, невѣдомо почему, уцѣлѣла и лишѣ мѣстами покрыва копотью...

Передо мной—нижній чинъ 147 пѣх. Самарскаго полка, одна изъ попрысающихъ жертвъ противника и его новаго средства борѣбы съ нами. Ему недостапочно всего того ужаса, которій имъ посѣянъ уже на поляхъ этой страшнѣйшей войны. Онъ не успаетъ и, вѣроятно, никогда не усанетъ бытъ чудовищемъ. Онъ методически направляетъ въ живые глаза человека тонкое жало своего прибора, выбрасывающее струю огненной смерти... Онъ дѣлаетъ это, вѣроятно, такъ-же просто и

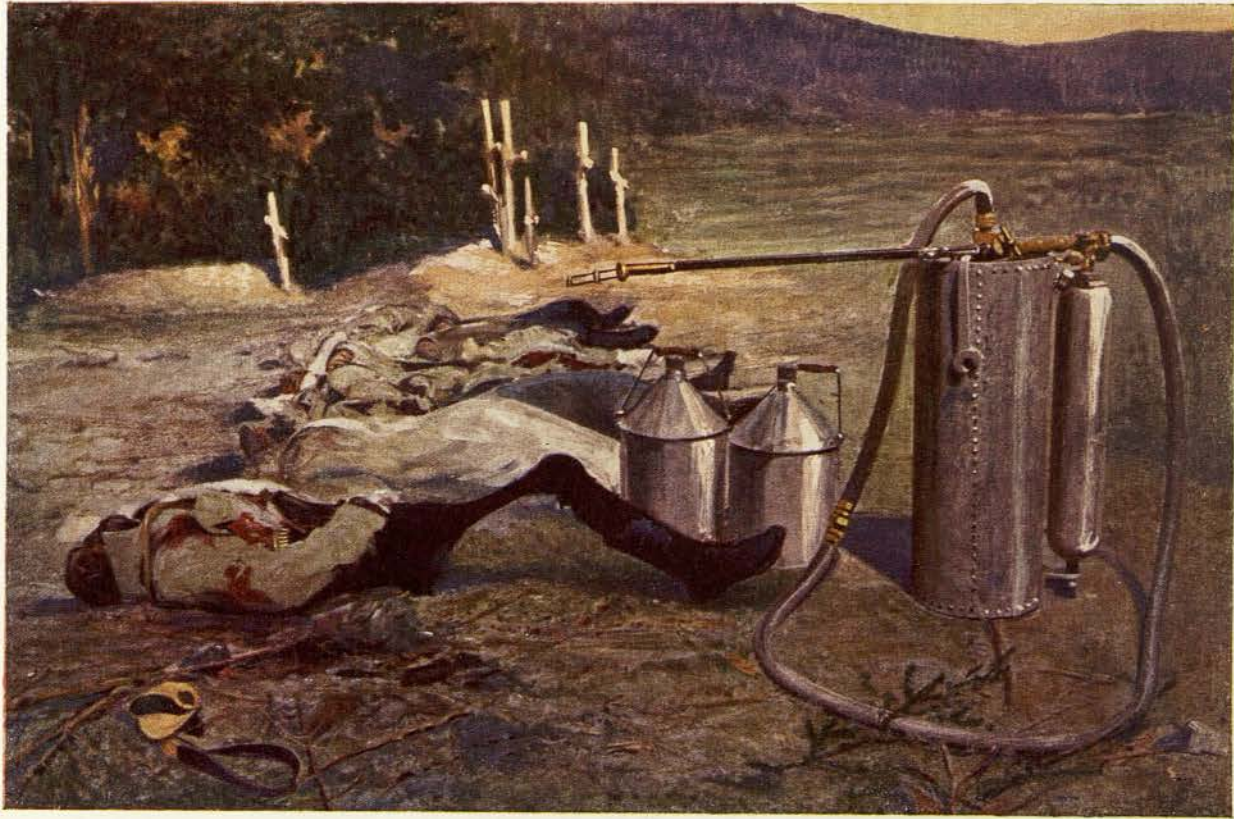
такъ-же спокойно, какъ дышитъ, какъ пишетъ письмо на родину, какъ мѣняетъ вонючее бѣлье... Можетъ бытъ, даже еще спокойнѣе!

.....
Трупъ, надъ которымъ я спою—не одинъ. Около него и за нимъ лежатъ еще много другихъ труповъ, превращенныхъ въ уголки . .

.....
Кругомъ тишина... Изъ-за горъ, какъ звуки отдаленной грозы, временами доносится какое-то густое погромыхиванье. Донесется... и угаснетъ... И снова тихо . . .

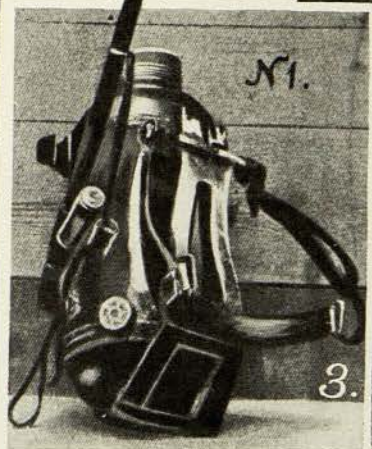
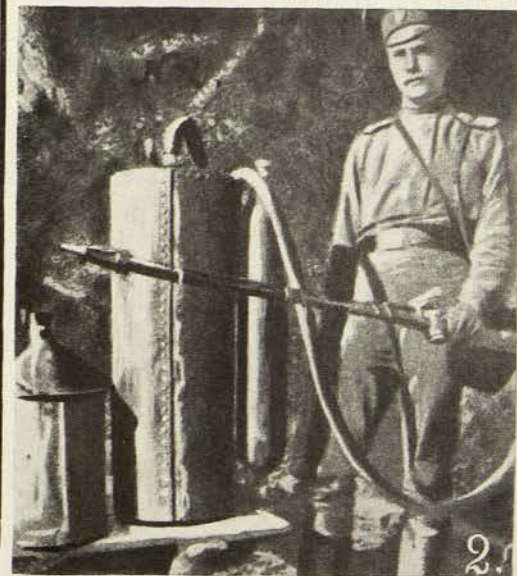
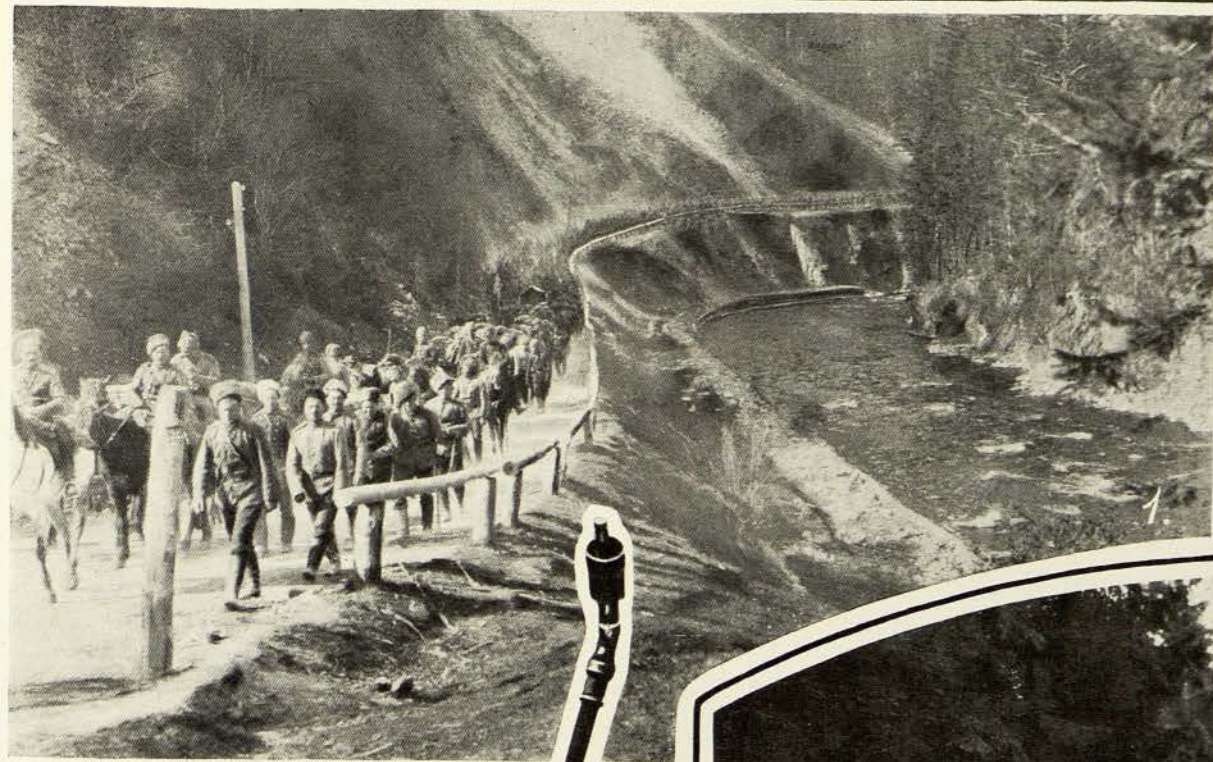
.....
А въ душѣ?..

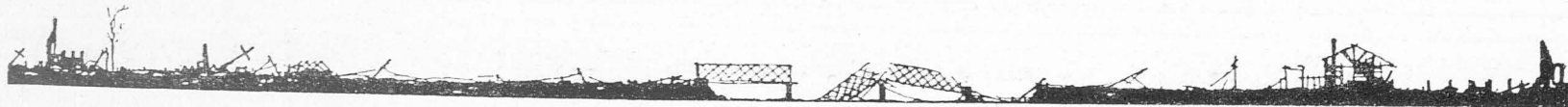
Карпаты. Нижні чини 147 п'ях. Самарського полка, сожженные горючей жидкостью.

Операції въ Карпатахъ.

1. Полкъ на походѣ. 2. За-
хваченный нами австрій-
скій приборъ для выбрасы-
ванія струи горячей жид-
кости. 3. Германскій при-
боръ, служащій для той-же
цѣли. 4. Малый приваль.

ХОЛМЩИНА.

Стою на високомъ холмѣ вблизи одного изъ нѣсколькихъ Майдановъ, разбросанныхъ въ Томашовскомъ уѣздѣ, у самой Галиційской границы, и жадно гляжу кругомъ.

Надѣво опъ меня пянутся безконечныя цѣпи родныхъ холмовъ, зеленыхъ и изрѣзанныхъ змѣвидными долинами, а направо, переряса въ фіолетовомъ туманѣ пространства, спелаясь безбрежныя равнины Галиціи. Широкия и привольныя, насыщенные золотомъ весенняго солнца, ласкающія желтою зеленью своихъ луговъ и синевой далекаго лѣса, онѣ любовно и настойчиво зовуть къ себѣ, какъ море, какъ разверзшаяся у ногъ пропасть, какъ все истинно-прекрасное или все истинно-большое.

Сегодня я покидаю Холмскую Русь, гдѣ мнѣ было и такъ больно, и, временами, такъ сладко. Покидаю милый уголокъ земли, гдѣ мягкое и очаровательное въ человѣкѣ такъ гармонически сочетались съ мягкимъ въ природѣ... На долго-ли?... Кто знаетъ... Уѣзжая, я вмѣстѣ съ послѣднимъ «прости» мысленно возлагаю на могилу, подъ насыпью которой превожно бѣдется въ агоніи исперзанное тѣло Холмщины, маленькій вѣнокъ, сплетенный изъ чувствъ глубокой симпатіи къ ней, болѣзненной жалости и мучительнаго возмущенія.

Теперь я нахожусь уже далеко опъ нея, слышу новыя стоны и вижу иные огни пожа-

ровъ, освѣщающихъ жуткую мглу ночи, а все-же жадною памятью, не знающей границъ времени и пространства, лечу къ ней, къ незабываемой Холмской Руси.

И все это, не смотря на то, что послѣдніе нѣсколько часовъ моего пребыванія въ ней она отправила мнѣ ядомъ напряженнаго горя, преслѣдовавшаго меня всюду, куда бы я ни ѣхалъ, съ какой-то фатальной настойчивостью.

Подумайте только. Всего нѣсколько послѣднихъ часовъ... Слѣдовательно, на языкѣ разстояній — всего два-три десятка послѣднихъ верстъ, а мимо пропекло столько ужаса, подлиннаго и огромнаго, что онъ не вмѣщается ни въ сердцѣ, ни въ головѣ обыкновеннаго человѣка.

Всѣ приводимые ниже факты относятся, къ небольшой территории Томашовскаго уѣзда, Холмской губерніи, въ той ея части, которая придвигается совсѣмъ близко къ границѣ Галиційской Руси.

Деревня Майданъ-Криницкій совершенно разграблена и сожжена. Когда население сдѣлало попытку спасти имущество изъ горѣвшихъ построекъ, оно было загнано въ яму и подвергнуто расстрѣлу. Изъ многихъ убитыхъ, между прочимъ, называютъ Томаша Колпуняка и Онею Внукъ (7 лѣтъ), а изъ раненыхъ Каперину Внукъ и Яна Внукъ (3 лѣтъ). Всѣ, оставшіеся въ живыхъ жители, подъ конвоемъ, были угнаны въ Томашовъ, гдѣ надъ ними

произведенъ цѣлый рядъ звѣрствъ и издѣвательствъ. Женщины подверглись гнусному насилию.

Деревня Домрова также разграблена и сожжена. Всѣхъ крестьянъ деревни 2 раза гнали въ Томашовъ и обратно, при чемъ нѣкоторыхъ гнали въ связанномъ видѣ «какъ дикихъ животныхъ», по выраженію австрійскихъ солдатъ. Во время пуги въ Томашовъ и обратно крестьянъ били и испязали безъ всякихъ поводовъ. Напримѣръ, Франца Пюро избивали кулаками и прикладами по головѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не поперялъ сознанія и совершенно не оглохъ. Онъ глухой и по сей день. Михаилъ Галкъ былъ убитъ; Екаперина Саганъ—ранена. 7 человекъ сожжены вмѣстѣ съ ихъ избами, изъ которыхъ имъ не позволили выйти (Турчинка, Покрасы и др.).

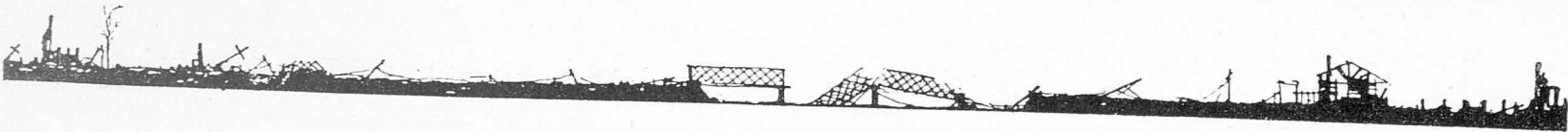
Въ преданномъ огню и разграбленномъ Майданѣ-Сѣлецкомъ сожжено 13 человекъ, изъ нихъ четверо дѣтей и 3 женщины, которыхъ градомъ пуль не выпустили изъ пылавшихъ «халупъ». Всѣхъ крестьянъ деревни, до умирающихъ включительно, въ связанномъ видѣ гнали въ Томашовъ и обратно. Женщинъ поголовно насильовали. Трехъ крестьянъ взяли съ собой въ Галицію, гдѣ ихъ, по словамъ очевидцевъ, умертвили. Женщинъ послѣ изнасилованія вмѣстѣ съ дѣтьми гнали въ окопы, выспавляли на брусвера, а когда онѣ падали

сраженныя пулями нашихъ солдатъ, принимавшихъ ихъ издали за непріятеля, ихъ добивали со словами: «Такая падала не стоить того, чтобы ее убивать нашими пулями. Пусть ихъ убиваютъ свои-же. А ужъ мы добьемъ».

Крестьянина деревни Звяршувекъ-Коспрудца застрѣлили за то, что онъ, самъ голодая 2 дня, пытался дать кормъ своимъ лошадямъ, когда всѣ жипели названной деревни были загнаны въ Томашовъ, гдѣ ихъ избивали, не давая пищи въ продолженіе 2-хъ дней.

Въ деревнѣ Козья Воля, попутно съ грабежомъ и поджогомъ, закололи 5 крестьянъ: Шаевского, Пахлю, Войтаса, Левандовскаго и Кожана и 12-лѣтнюю дѣвочку Елену Пахлю. Въ этой деревнѣ пропивникъ проявилъ особую жестокость. Жипелей деревни разобрали по рукамъ и мучили ихъ, такъ сказать, въ розницу. Каждый пьяный нижній чинъ вражеской арміи, которому было не лѣнь, придумывалъ для населенія тѣ пытки, которыхъ наиболѣе соотвѣтствовали его темпераменту и его склонностямъ въ данный моментъ. Небольшіе застѣнки были устроены вездѣ: въ канавахъ, за уцѣлѣвшими заборами, въ полѣ, подъ тѣнью деревьевъ. Въ этихъ застѣнкахъ терзали отдѣльныя тѣла беззащитныхъ крестьянъ.

Женщины были немедленно выдѣлены въ особую категорію, и ихъ держали отдѣльно отъ мужчинъ. Причина этого понятна. Этимъ

способомъ офицеры и солдаты пропивника съ наибольшимъ удобствомъ могли удовлетворить своимъ низменнымъ и преступнымъ инстинктамъ звѣря. Помимо изнасилованія, женщинъ раздѣвали, всячески издѣвались надъ ними, били, снова насиловали и снова били... Многихъ заставляли рыть для себя могилы, молились, приготовлялись къ смерти, прицѣливались въ нихъ изъ ружей...

Помѣщиковъ: Мѣсячкевича, Водинскаго и Ксендза изъ с. Деронжни солдаты, по приказанію офицера, впрягли въ автомобиль и заставили везти его изъ деревни Сельца въ дер. Михалевъ—на протяженіи 11 верстъ. На переднее сидѣніе былъ помѣщенъ крестьянинъ съ кнутомъ, котораго заставляли бить падавшихъ отъ упомленія и позора ксендза и помѣщиковъ, при чемъ вмѣстѣ съ крестьяниномъ ихъ избивали и непріятельскіе солдаты, но уже не кнутомъ, а прикладами ружей. Когда крестьянинъ переставалъ бить несчастныхъ, нижніе чины врага немедленно начинали избивать его самого.

Одинъ изъ пьяныхъ нижнихъ чиновъ пропивника для потѣхи хотѣлъ «пришпилить» шпыкомъ къ землѣ «какъ жука для коллекціи», по его словамъ, крестьянина Каэтана Сему, но послѣднему какимъ-то чудомъ удалось уползти на «четверенькахъ» отъ пьянаго изверга.

Посадъ Лашувъ сожженъ при помощи особыхъ приспособленій, которыя, по словамъ жителей, прикрѣплялись къ стѣнѣ поджигаемаго строенія. Сгорѣло болѣе 160 дворовъ. Много жителей застрѣлено, среди нихъ женщины. Нѣкоторыхъ женщинъ послѣ изнасилованія выставляли на брусстера окоповъ, подъ наши пули, потомъ, полумертвыхъ, снова насиловали, снова выставляли на брусстера и, наконецъ, закалывали.

Двѣ молодыя женщины: Пальчинская и Урбанская—скончались во время совершенія надъ ними гнуснаго акта изнасилованія.

При опустуленіи пропивникъ взялъ съ собою около 40 человекъ, которые, по имѣющимся въ посадѣ свѣдѣніямъ, разстрѣляны.

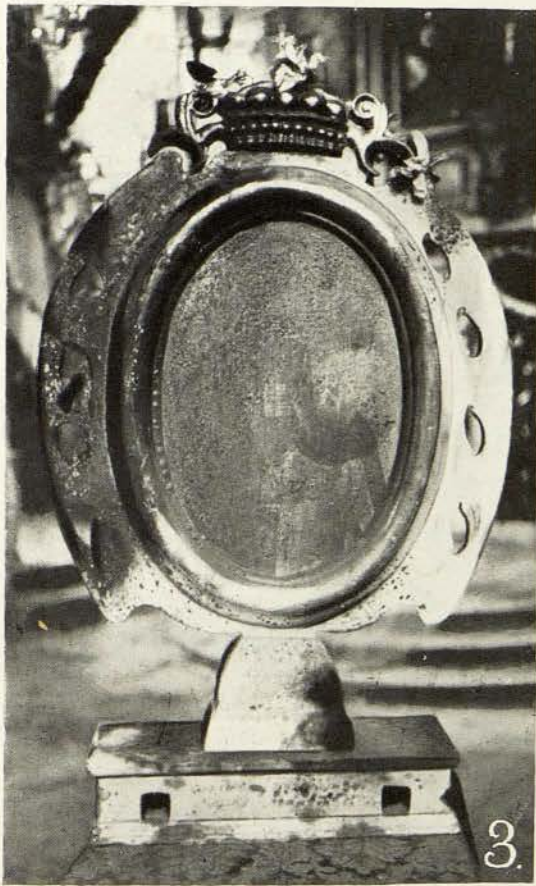
Юркевичу въ видѣ шутки выбили всѣ зубы.

Православная церковь разграблена, иконы въ ней кощунственно сожжены, святыни поруганы.

Въ дер. Новоселкахъ, вблизи Лашува, въ церковной оградѣ, повѣсили 7 человекъ, изъ нихъ двѣ женщины, а въ дер. Юровъ загнали въ землянки и сожгли въ нихъ 126 крестьянъ со стариками, женщинами и дѣтьми...

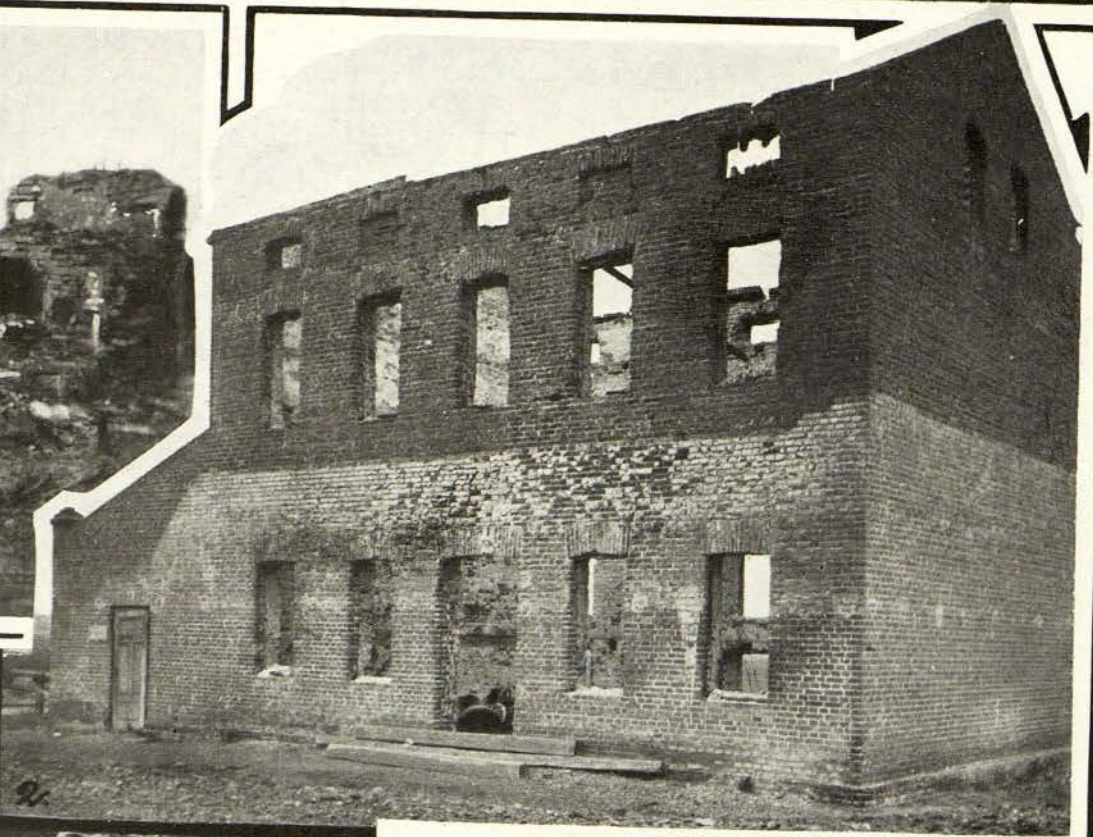
За Юровымъ слѣдуетъ Комаровъ, за Комаровымъ Кринице, за Кринице Чарповчикъ, Юзэфовка, Тарноватка и т. д., и т. д. Вездѣ ужасъ, ужасъ и ужасъ...

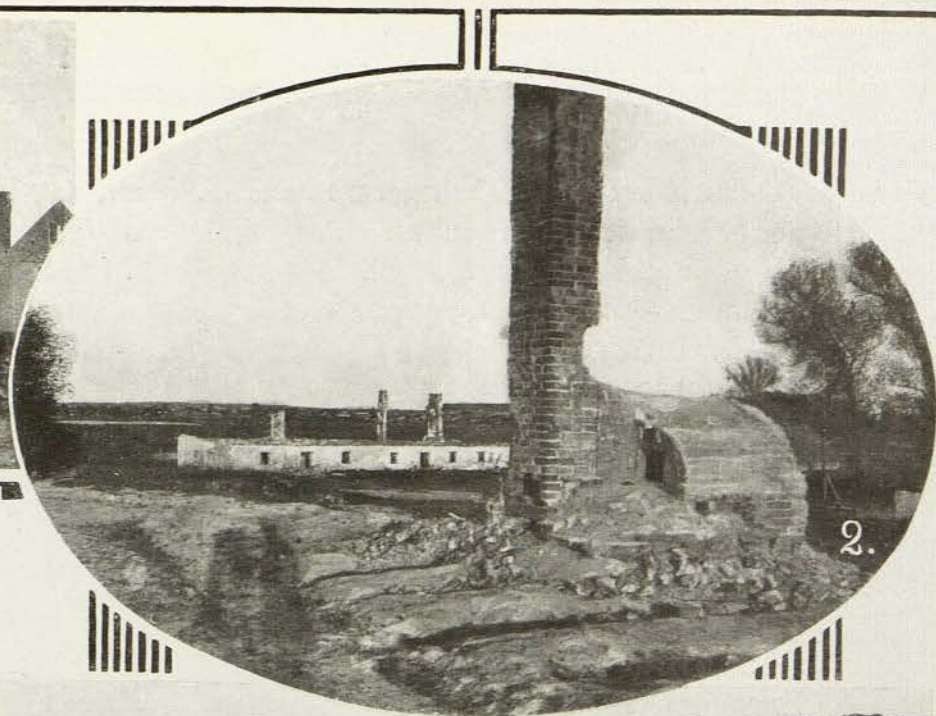
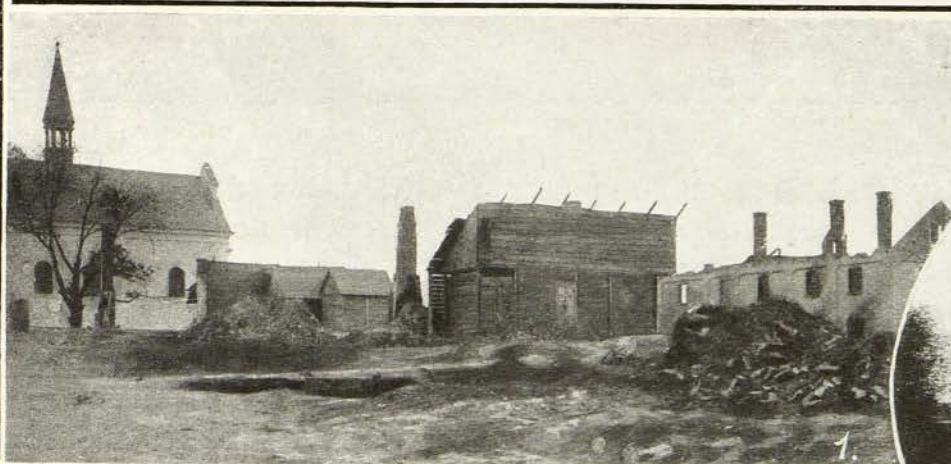

Посадъ Лашувъ, Томаш. уѣзда.

1. Общій видъ сожженной (не снарядами, а путемъ спеціальнаго поджога) площади. 2. Видъ православной церкви съ взломанной стѣнной (здѣсь-же священникъ и псаломщикъ). 3. Видъ одной изъ обгорѣлыхъ иконъ церкви, которую бросили въ костеръ, но она вслѣдствіе какой-то причины не сгорѣла. 4. Метла, при помощи которой нѣмцы смачивали бензиномъ соломенныя кровли и стѣны домовъ передъ поджогомъ.

1. Видъ части сожженной дер. Домбровы, Томашовскаго уѣзда. 2. Посадъ Комаровъ, Томашовскаго уѣзда. Общій видъ сожженной паровой мельницы бр. Канторъ. Всѣ машины разрушены. Зерно разграблено. 3. Мельница бр. Канторъ. Видъ одного изъ отдѣленій.

Холмщина. 1. Посадъ Лашувъ. Видъ площади у костела. 2. Разграблен-
ный и сожженный фольваркъ графа Шептыцкаго у пос. Лашувъ.
3. Видъ разрушеныхъ, произведенныхъ пожаромъ (поджогъ) на площади
посада Лашувъ. 4. Видъ одного изъ сожженныхъ сараевъ фольварка.

Въ Холмщинѣ, какъ, впрочемъ, и вездѣ, гдѣ население католическое или живеть среди католическихъ традицій, до вражескаго нашествія — Богъ былъ вездѣ...

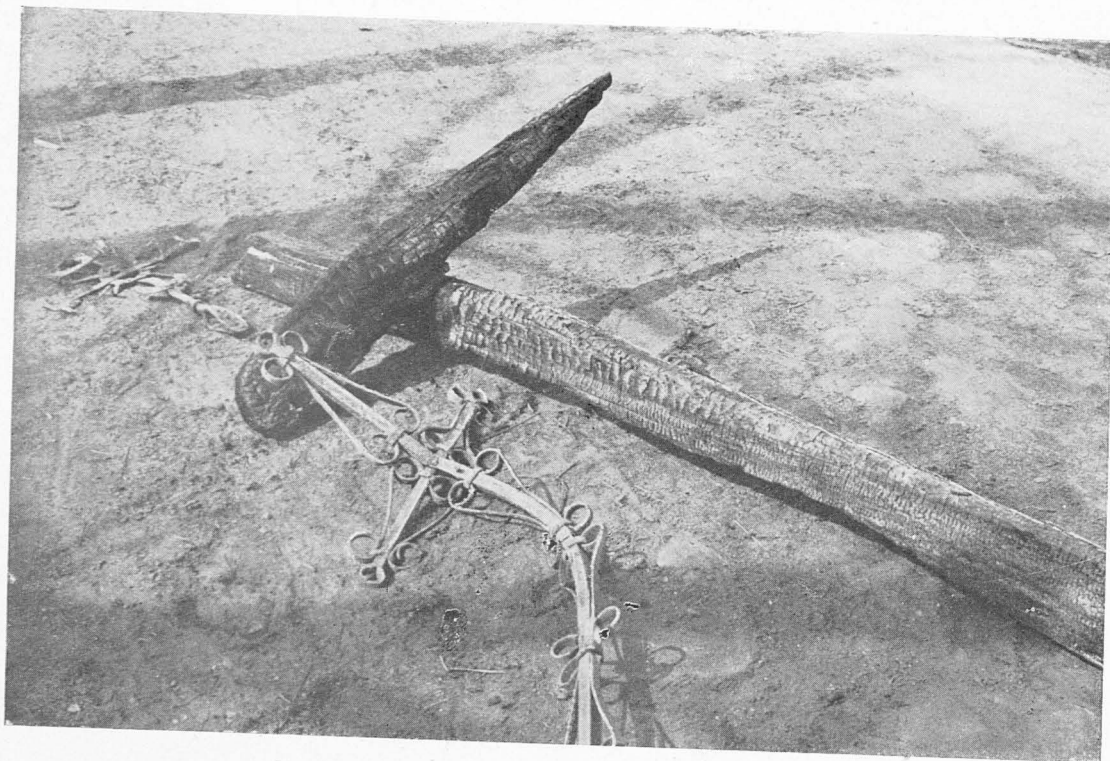
Человѣкъ не нашель въ себѣ силы ограничиться тѣмъ, что носилъ Его въ своей душѣ, и тѣмъ, что воздвигалъ Ему храмы... Съ мыслью о Богѣ онъ заполнилъ до потолка иконами и религиозными картинами стѣны своихъ жилищъ, оплѣтилъ статуями и крестами перекрестки дорогъ, въѣзды въ деревни, площади сель, отдѣльные хупора, колодцы... Населилъ колѣнопреклоненными фигурами церковныя паперти...

Вся страна дышала какъ-бы подъ живительной сѣнью Священнаго Символа...

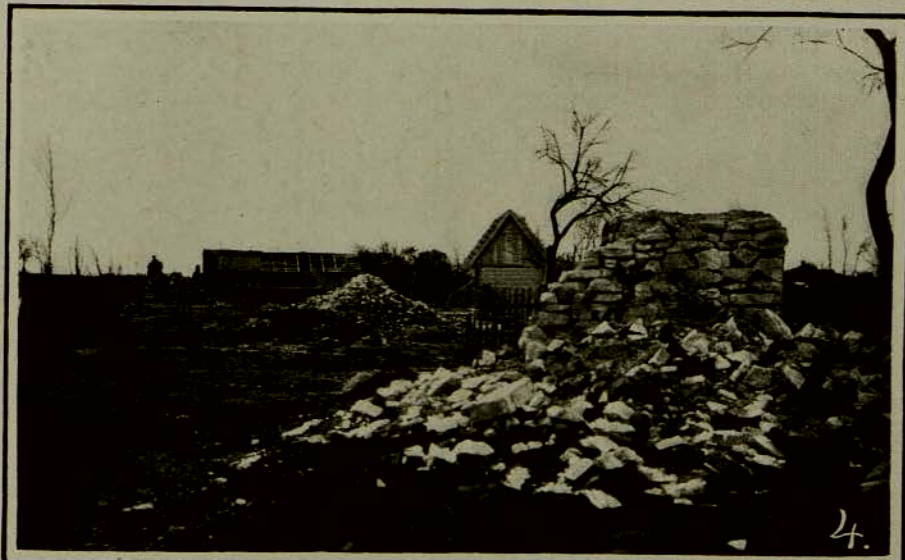
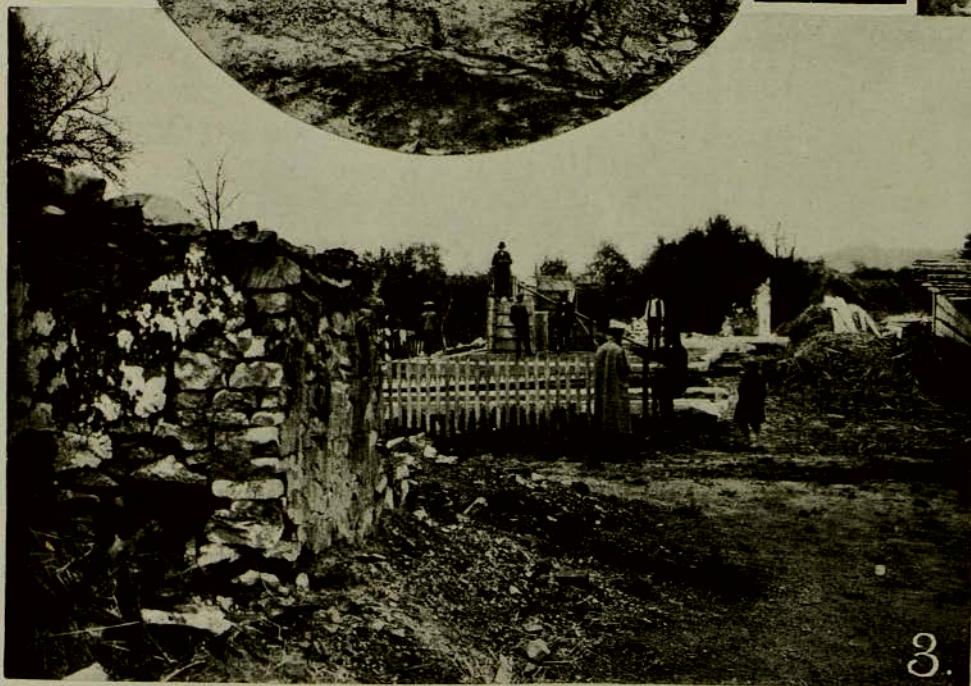
Для свѣжаго человѣка было особенно опрадно то обстоятельство, что этотъ символъ не только мыслился, не только подразумевался въ жизни, но находился постоянно передъ глазами, составляя необходимый ея элементъ, неотъемлемую часть быта...

Сколько религиозной фанпазии и наивнаго шворчества было влито человѣкомъ въ дерево и камень,

призванные символизировать Бога!... Вы ѣдете... Вокругъ благодатныя поля Холмщины... Вдоль безконечной дороги, лѣниво упоаю-

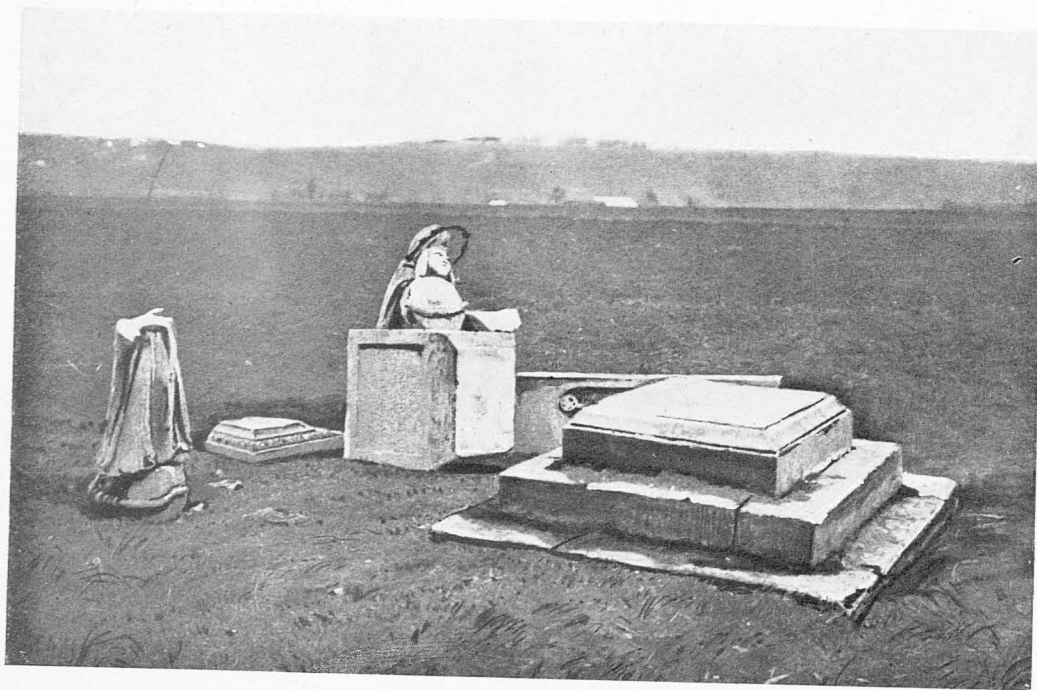
Одинъ изъ кощунственно сожженныхъ и разрушенныхъ крестовъ.

Холмщина. 1. Видъ части сожженной и разграбленной дер. Юзефовки, Томаш. уѣзда. 2. Линія сожженныхъ домовъ у фольварка Глуговскаго, Томашовск. уѣзда. 3. Дер. Козья Воля, Томашовск. уѣзда. 4. Видъ сожженной части дер. Майданъ-Криницкій, Томашовскаго уѣзда.

щей въ дрожашей опъ весеннихъ испареній бирюзовой дали, молчаливыми силуэтами птанупися кресты... то крошечные, то огромные... то каменные, то срубленные изъ почернѣвшаго опъ времени дуба, то ярко раскрашенные... Нѣкоторые надменно глядятъ въ высь, другіе болѣзненно покосились, какъ-бы раздавленные тяжкой спокою временемъ... На однихъ изъ нихъ — убогія иконки, украшенные вѣнками изъ пестрыхъ бумажныхъ цвѣтовъ... На другихъ — миниатюрныя Распятія... На претвѣхъ — въ хитроумныхъ комбинаціяхъ разбросаны опъ верха до низа всѣ предметы, составляющіе и ужасъ и подвигъ Голгофы. Здѣсь и перновый вѣнецъ, и лѣспница, и копье, и палка, и огромный молотокъ, и чудовищные клещи, и гвозди...

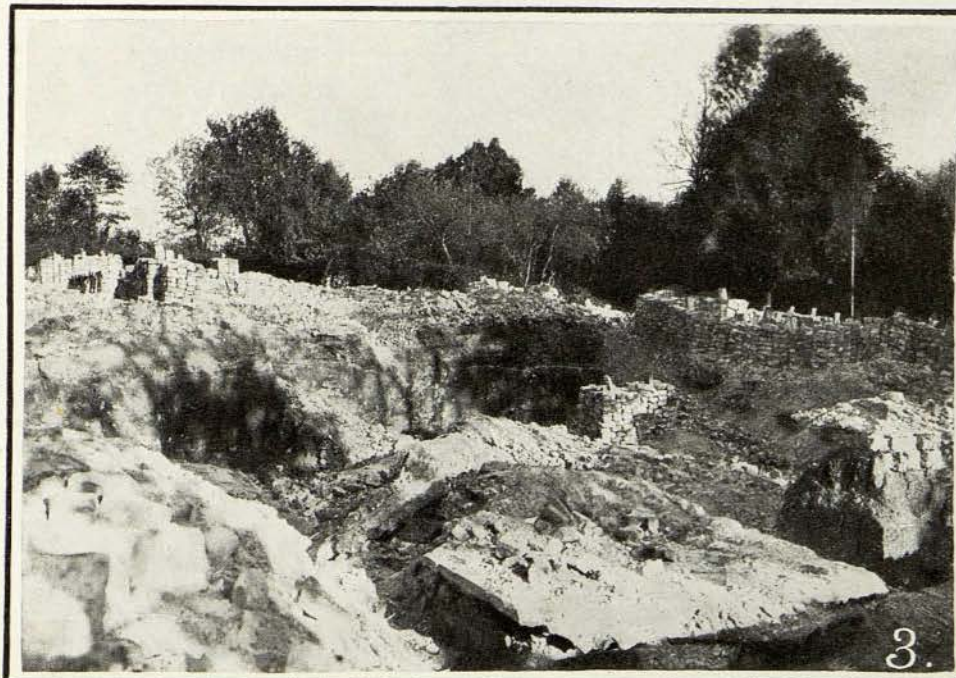
Одна изъ кошунственно разрушенныхъ статуй Богоматери.

Кресты смѣняются статуями...

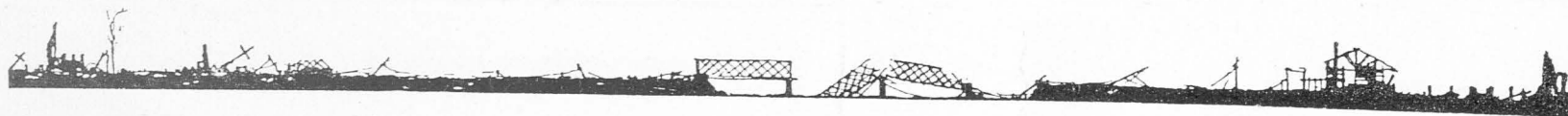
Тема послѣднихъ всегда почти одна и та-же: Спаситель или, еще чаще, Богоматерь... Слегка склоненная впередъ голова... Скорбно раскрытыя руки, не то зовущія къ себѣ, не то предостерегающія.

Какъ сейчасъ помню свою первую поѣздку по Холмщинѣ... Солнце — жарко горитъ въ небѣ, наполненномъ голубоватымъ золотомъ... Мой кучеръ, нестарый еще крестьянинъ съ неряшливо выбритымъ лицомъ и порчащими во всѣ стороны усами, сидя на облучкѣ, зорко слѣдитъ

за мелькающими справа и слѣва крестами... Онъ не пропускаетъ ни одного изъ нихъ. Быстрымъ движеніемъ передаетъ возжи и камышевый «польскій» бичъ въ лѣвую руку, а правой поропливо крестится... Иногда что-то шепчетъ...

Холмщина. 1. Сожженное и разграбленное село Гарноватка, Гомашовского уезда
 2. Дер. Чартовчикъ. Вся сожжена, и крестьяне принуждены жить въ пещерахъ, врытыхъ въ земль. 3. Совершенно сожженное и разграбленное имѣніе Галчинскаго, близъ дер. Чартовчика. 4. Крестьяне, собирающіеся толпами къ статуѣ Богоматери съ молитвой о поражении врага.

Вначалѣ меня это сильно заинтересовываетъ... Я ставлю себѣ задачу: прослѣдить, пропустилъ-ли онъ, не перекрестившись, хотя-бы одинъ изъ первыхъ встрѣтившихся, скажемъ, двадцати крестовъ... Начинаю считать... Одинъ... крестится... Два... крестится... Десять... крестится... Двадцать... также крестится... Я озадаченъ... Я пытаюсь далѣе производить уже опыты... При приближеніи къ кресту стараюсь отвлечь его вниманіе разговоромъ... Ничто не помогаетъ... Въ нужную минуту онъ коротко обрываетъ разговоръ, снимаетъ шапку, осѣняетъ себя дробнымъ крестомъ слѣва направо и, уже послѣ этого, снова продолжаетъ разговаривать...

Я оспорожно спрашиваю кучера, всѣ-ли

Лагерь бѣженцевъ.

крестыяне относятся къ встрѣчающимся по дорогѣ статуямъ и крестамъ съ такимъ-же религіознымъ почтеніемъ, какъ и онъ. Кучеръ меня сначала не понимаетъ... Онъ весь поворачивается на козлахъ въ мою сторону, не

доумѣвая еще разглядываетъ меня съ ногъ до головы и, какъ-бы невѣря себѣ, переспрашиваетъ:

— Цо панъ муви?

Попомъ долго качаетъ головой и, какъ-бы въ раздумьѣ, вполголоса, отвѣчаетъ уже не мнѣ, а себѣ самому:

— Такъ вшищи робѣнь. Для свего сченсцѣя

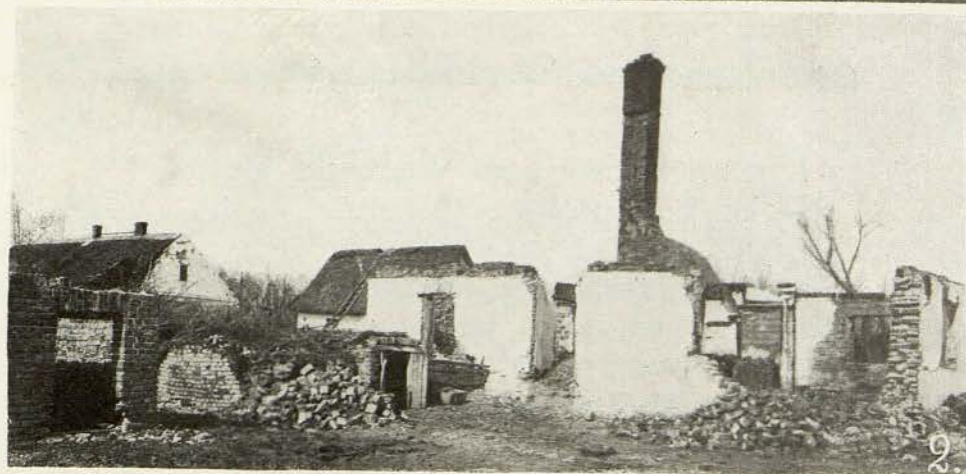
такъ пшеба робицѣ.

Встрѣчающіеся крестыяне, низко кланяясь, привѣтствуютъ меня:

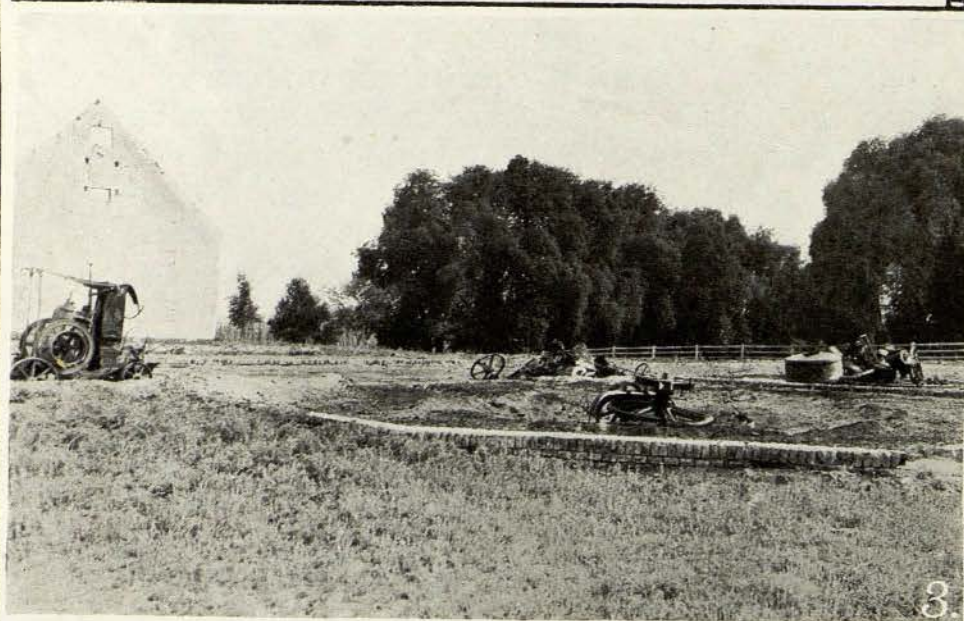
— Нехъ бѣнде похвалены Іезусъ Христусъ...

1.

2.

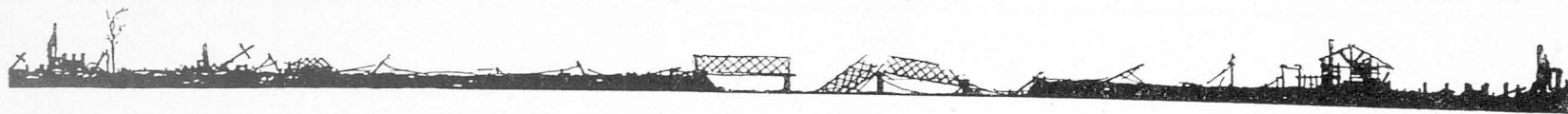

3.

4.

Холмщина. 1. Дер. Майдань-Сѣлецкій, Томашовск. уѣзда послѣ сожженія и разграбленія. 2. Нѣскольکو разрушенныхъ человѣческихъ гнѣздъ въ Томашовскомъ уѣздѣ. 3. Село Гарноватка. Сожженный и разграбленный фольваркъ. Сгорѣло до 30.000 пудовъ хлѣба, испорчены всѣ с.-хозяйств. машины. Убытки до $\frac{1}{2}$ милліона рублей. 4. Село Кринице, Томашовскаго уѣзда. Помѣщикъ Липчинскій у пещеры, куда онъ съ семьей намѣревался спрятаться отъ ужасовъ, сопряженныхъ съ непріятельскимъ нашествіемъ.

И я въ сотый разъ отвѣчаю имъ:

— На вѣки вѣкувъ. Амень...

Вотъ, какъ сложился небольшой уголокъ жизни въ этомъ краѣ, испытавшемъ въ своемъ прошломъ сполкъ историческихъ превращеностей... Вотъ, что значилъ въ жизни народа Богъ, Его Имя и Его образъ!

Настала осень рокового 1914 года... Край былъ захлестнутъ мимолетнымъ вторженіемъ... Врагъ рѣшилъ раздавить Бога... Онъ рѣшилъ раздавить даже самую память о Немъ... Онъ не удовольствовался уничтоженіемъ храмовъ... Онъ уничтожилъ все то, что звало человѣка къ Богу, что говорило о Немъ...

Кресты были разрушены, изломаны, сожжены...

Сопни и тысячи крестовъ...

Стапуи кощунственно разбиты... Всюду слѣды страшной работы... Въ пыли и грязи валяются отдѣльно руки, ноги, туловища, обезображенныя головы съ опбитыми носами и лицами, изуродованными ударами желѣза.

Крестыяне стараются не глядѣть на поверженные символы... Они проходятъ мимо, не крестясь и какъ-бы не замѣчая ужаса...

Нѣсколько разъ мнѣ приходилось разговаривать съ ними на болѣную тему. Большин-

ство старается поспѣшь перевести разговоръ на другіе предметы, неохотно отвѣчаетъ, мнѣся... Нѣкоторые-же, особенно женщины, наоборотъ, съ какой-то поропливой болѣзненностью изливаютъ накопившуюся въ душѣ ненависть, захлебываясь, всхлипывая и, очевидно, не поспѣвая неповоротливыми словами за галлопирующей мыслью. Всѣ они неизмѣнно заканчиваютъ тяжелымъ проклятіемъ вырвавшимся изъ глубины души спонь:

— За то вшишко, цо венгеръ и германъ зробили, нехъ они бендо пшекленци!

Я снова былъ въ Холмщинѣ, когда обозначилось второе наступленіе противника (весной 1915 года)... Отчаянію народа не было предѣловъ... Всюду служились молебны о дарованіи намъ побѣды... У уцѣлѣвшихъ стапуй и на каменныхъ ступеняхъ храмовъ собирались толпы распротертыхъ крестыанъ, молившихъ объ отраженіи врага... Уже попомъ, когда выяснилась неизбежность вторженія, началось великое отступленіе крестыанства... По дорогамъ попянулись безконечныя обозы бѣженцевъ... Страшныя обозы...

Счастливы, впрочемъ, тѣ, которые ушли. Счастливы хотя-бы потому, что они не испытываютъ ужаса и не видятъ его, а только слышатъ о немъ...

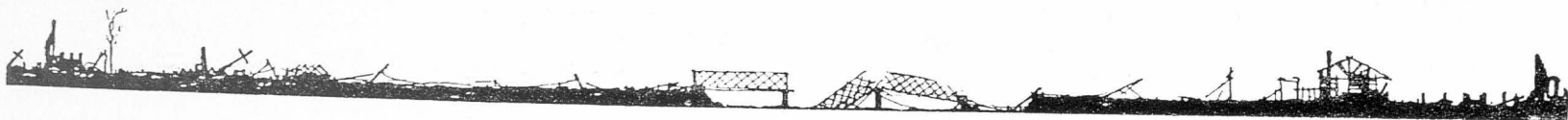
Я їхавъ изъ Варшавы въ Цѣхановъ, одинъ изъ тѣхъ спранныхъ городковъ Царства Польскаго, которые даже привыкшимъ къ нимъ людямъ кажутся какими-то выцвѣпшими и ненужными пережитками прошлаго, чудомъ уцѣлѣвшими опъ исчезновенія или эволюціи.

На станціи въ Варшавѣ чисто военная суета, шумливая, слегка даже бурная, такая, какая бываетъ всегда, когда людямъ кажется, что имъ надо еще очень много сдѣлать и еще больше сказать въ то время, какъ часы съ холоднымъ упорствомъ опсчитываютъ минуты, приближая часъ неизбѣжнаго опѣзда. Въ поѣздѣ бдутъ исключительно военные. Всюду милья, возбужденныя, загорѣлыя лица,

какія въ обычное время сплошь и рядомъ попадаются въ пассажирскихъ залахъ станцій желѣзныхъ дорогъ, расположенныхъ вблизи лагерныхъ стоянокъ войскъ. И только тогда, когда вы пыпливѣе заглянете въ какую-либо пару глазъ, сидящую на бронзовомъ лицѣ, вы почувствуете, что эти люди и бдутъ не въ лагерь, и пріѣхали не изъ лагеря. Вы невольно улавливаете въ глазахъ какія-то невѣдомыя вамъ тѣни, что-то — не то опъ монастырскаго подвига, не то опъ полузабытаго ужаса... Что-то экстапическое, васнецовское...

Третій звонокъ. Вся масса сѣрыхъ шинелей, повязокъ Краснаго Креста, колеблющихся косынокъ сестеръ милосердія бросается къ

МЕТАНІЕ
БОМБЪ НАДЪ
ЦѢХАНОВОМЪ

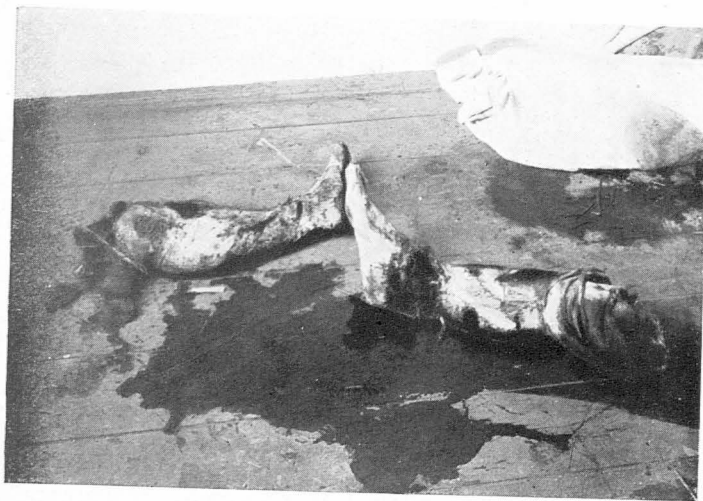
вагонамъ, заполняя не только всѣ скамьи и диваны, но и всѣ проходы, площадки и коридоры. Всѣ спараются еще разъ взглянуть на платформу, жмутся къ окнамъ, дверямъ, спановаясь на буфера. На платформѣ бросается въ глаза высокая фигура красивой, старой женщины съ сѣдыми волосами, копорая, шепча молитву, креститъ одно изъ оконъ вагона. За минутой передъ этимъ она обнимала, благословляя, молодого офицера, почти мальчика... Ни слезъ, ни жалобъ, ни одного жеста, копорый-бы выдалъ происходящее въ старой, опустошенной долгой жизнью душѣ. Величественная и скорбная, она какъ будто пришла сюда—не по изъ стариннаго романа, не по изъ полузабытой сказки.

Станція, наконецъ, скрылась изъ вида. Попянулись дымныя предмѣстья большого города, перешедшія поспешенно въ мягкій, нѣсколько грустный пейзажъ, споль характерный для этой полосы Россіи... Песчанья дали, колючіе силуэты еловаго лѣса, улыбающіяся свѣжей

лиственной и бѣлыми спволами березовья роши, а вдали какія-то синѣющія всхолмленности, манящія и таинственныя...

Въ Цѣхановѣ я пріѣхалъ днемъ. Еще въ пути мнѣ сообщили, что цѣлая воздушная эскадра противника бросаетъ бомбы въ эпортъ никому

ненужный, грязный городокъ, населенный ранеными и польско-еврейской бѣднопою. Безцѣльность предпріятія и явная ненужность звѣрства именно въ данномъ мѣстѣ была для меня споль очевидна, что первымъ порывомъ съ моею споронѣ было не вѣрить сообщенію и спорить, изо всѣхъ силъ доказывая, что даже звѣрства имѣютъ свою цѣль и свою логику, и что бросаніе бомбъ въ Цѣхановѣ не-

Двѣ женскихъ ноги (принадлежатъ различнымъ женщинамъ), найденныхъ въ грудахъ разорванныхъ труповъ послѣ метанія бомбъ въ Цѣхановѣ 27 Марта 1915 г.

возможно хотя-бы попому, что оно явно лишено и того и другого, представляя собою лишь изолированный фактъ голага звѣрства.

Дѣйствительность подтвердила, однако, правильность сообщенія. Въѣзжая на автомобилѣ въ городъ, я услышалъ въ разныхъ мѣстахъ рядъ сочныхъ взрывовъ, не произ-

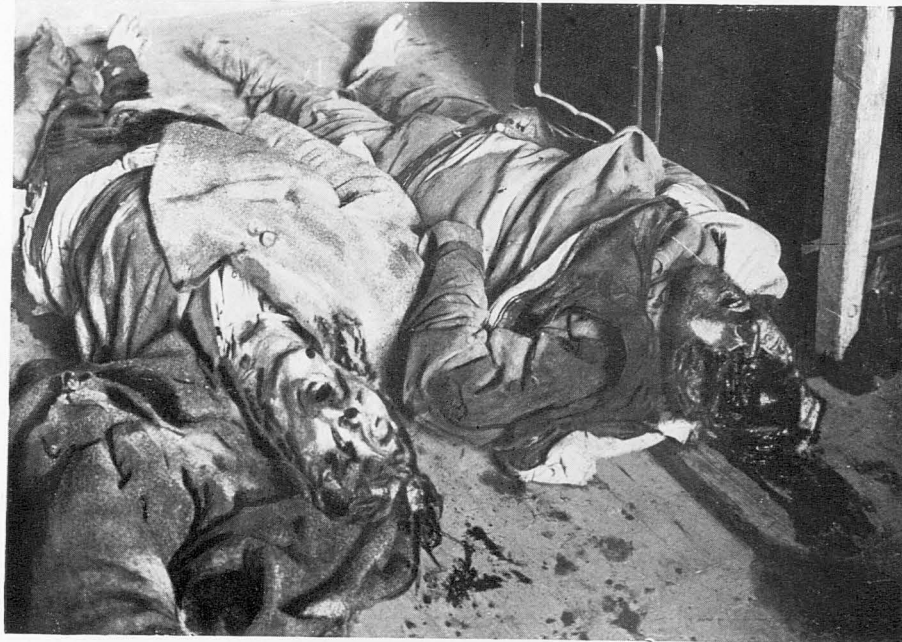
ведшихъ, однако, къ моему величайшему удивленію, никакого впечатлѣнія на жителей. Не по происходившее было слишкомъ хорошо всѣмъ знакомо и привычно, не по въ немъ, эпоюъ происходившемъ, заключался элементъ позора, на которій всѣ молчаливо условились никогда и ничѣмъ не реагировать.

День для мепанія бомбъ былъ выбранъ противникомъ довольно удачно. Ясный, онъ въ то же время былъ прикрытъ сверху цѣлой пеленой невысокихъ и негустыхъ облаковъ, въ которыхъ нѣр्यानеприятельскіе аэропланы, сѣя подь собой ненужную смерть и избѣгая въ то же время мѣпкого огня нашей артиллеріи. Звуки разрывовъ падавшихъ бомбъ, по удалявшіеся, по приближавшіеся снова, смѣшиваясь съ гуломъ стрѣльбы по аэропланамъ нашихъ ору-

дій, повисли надъ городомъ какой-то роковой завѣсой.

Мепаніе продолжалось около 4-хъ часовъ. Сбросивъ, очевидно, весь

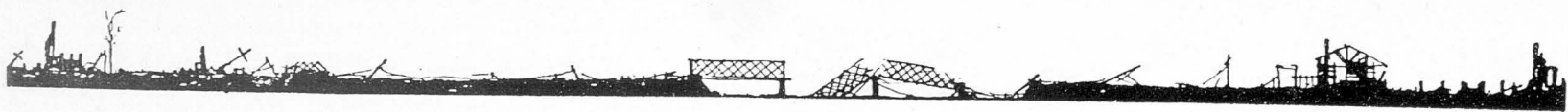
запасъ имѣвшихся у него бомбъ, около 250 штукъ, противникъ распаялъ въ воздухѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, бомбы были брошены полъкопамъ, гдѣ мепаніе ихъ прямо и категорически воспрещено законами войны: въ госпитали, въ санитарные обозы, хорошо видимые и ясно различаемые съ аэроплановъ благодаря характернымъ флагамъ и лазаретнымъ линейкамъ, въ

Два крестьянина, убитыхъ бомбами въ Цѣхановѣ 27 Марта 1915 г.

дома, населенные жалкимъ человечествомъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ войнѣ и безъ того уже обездоленнымъ ея ядовитымъ дыханіемъ...

Къ выясненію количества жертвъ разбойнаго нападенія было приступлено поочасъ-же.

Всѣ жертвы попали, естественно, въ военные госпитали, гдѣ имъ была оказана первая помощь, наложены первыя повязки, сказаны первыя слова утѣшенія... Я посѣтилъ раненыхъ во всѣхъ госпиталяхъ... Тѣ, которыхъ не покинуло сознание, мужественно переносятъ страдания, пытаются даже улыбаться, спавъ вдругъ какими-то неподвижно сербными, окаменѣлыми и загадочными лишь при словѣ «нѣмецъ», «нѣмецкій аэропланъ» и т. п. Въ каменномъ выраженіи глазъ услывавшихъ страшное слово, вы ясно читаете чувство, въ природѣ котораго у васъ не остается никакихъ сомнѣній. Чувство это — ненависть. Глубокая... Неуполимая... Изъ области мысли перешедшая въ кровь, во всѣ поры существа человеческого...

Въ покойницкой одного изъ госпиталей застаю потрясающую картину. Въ ней лежатъ въ искривленныхъ позахъ мучительной смерти 12 истерзанныхъ труповъ, бывшихъ живыми людьми еще одинъ часъ тому назадъ. Трупы пока анонимны. Никто не знаетъ, какъ звали тѣхъ, кѣмъ они были еще такъ недавно. Ждутъ, когда родные или знакомые придутъ и опознаютъ ихъ...

Передо мной маленькій кусочекъ прелестной молодой дѣвушки... Ни рукъ, ни ногъ,

ни нижней части тѣла. Одна лишь чудомъ уцѣлѣвшая восковая головка со слипшимися волосами, какъ-то спрранно запрокинутая назадъ...

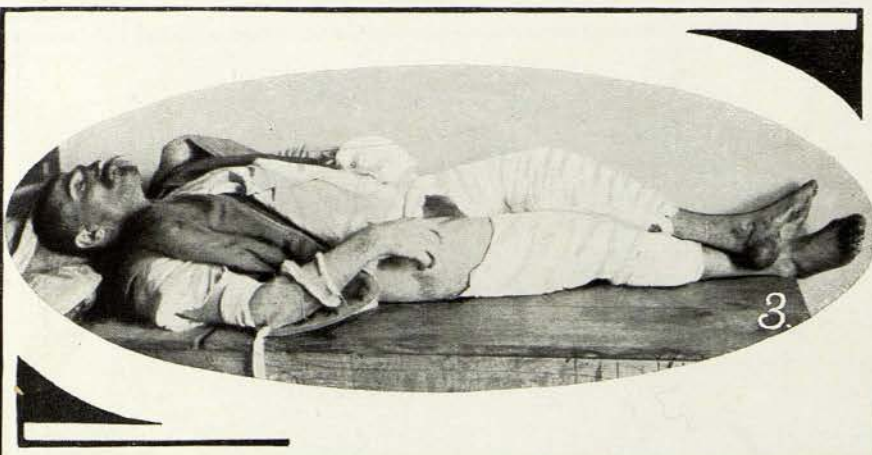
Рядомъ съ ней размешанные комья кровавыхъ массъ человеческого тѣла, смѣшанныхъ съ осколками костей...

У коновязей одного изъ лазаретовъ видна груда безпорядочно наваленныхъ лошадиныхъ труповъ, безобразныхъ и испекшихъ кровью, изъ-подъ которой судорожно порчатъ ноги санитаровъ... И такъ вездѣ... Всюду смерть... Ужасъ... Проклятіе...

Когда солнце уже совершило свой дневной путь и медленно упонуло за горизонтомъ, когда черныя тѣни ночи давно уже бродили по орошенной кровью невинныхъ людей землѣ, я все еще не могъ забыть. Долго и безцѣльно бродя по улицамъ маленькаго и смѣшного городка, я все время ощущалъ въ себѣ присутствие какого-то спрраннаго и колючаго чувства. Оно мучительно и тоскливо было въ душѣ, настойчиво пребуя удовлетворенія.

Оно срывало съ языка слова проклятія и застилало глаза какимъ-то краснымъ ядомъ. Начавшись въ одинъ изъ срединныхъ моментовъ жизни, оно умретъ, вѣроятно, только съ самой жизнью...

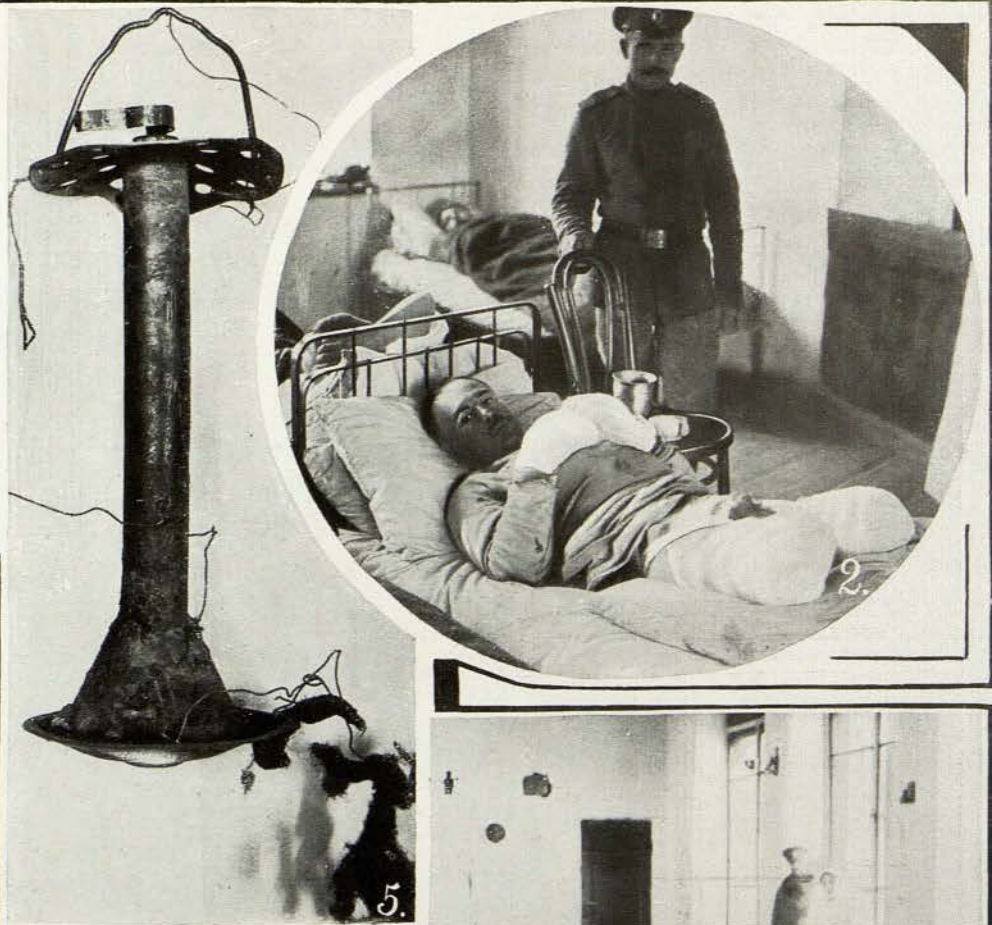
Метаніе бомбъ надъ Цѣхановомъ 27 Марта 1915 г. 1. Трупы мирныхъ жителей, убитыхъ бомбами. 2. Убитый бомбой санитаръ Михаилъ Писменный. 3. Мирный житель Леонъ Гараманьянцъ, убитый бомбой на базарѣ. 4. Видъ головного эвакуаціоннаго пункта послѣ брошенной въ него бомбы. Всѣ стекла выбиты. 5. Аэропланная бомба съ хвостомъ изъ матеріи.

Метаніе бомбъ надъ Цѣхановомъ 27 Марта 1915 г. 1. Одна изъ усадебъ на Варшавской улицѣ и раненыя: Мотель Канаверъ, Хана Канаверъ, младенецъ Хая Канаверъ и др., а также убитая и раненая лошади. 2. Убитыя лошади лазаретнаго обоза.

3. Тяжело раненый Лейба Соболев. 4. Свозка убитых лошадей лазаретнаго обоза въ одно мѣсто. 5. Германская аэропланная стрѣла, пробивающая насквозь всадника вмѣстѣ съ лошадию и кромѣ того глубоко проникающая въ землю.

Метаніе бомбъ надъ Цѣхановомъ 27 Марта 1915 г. 1. Раненые бомбами крестьянинъ Сигизмундъ Коповскій (70 лѣтъ) и санитары Викентій Гурскій и Александръ Карклинъ (съ оторванными обѣими ногами). 2. Крестьянинъ Региминъ, которому бомбой оторваны обѣ ноги и изуродованы руки. 3. Два мирныхъ жителя, убитые бомбами. 4. Общій видъ бригаднаго лазарета, наполненнаго жертвами бомбъ. 5. Зажигательная бомба.

1.

2.

3.

1. Гурій Войшенко и санитарь Николай Кленшемь. Ранены бомбами.
2. Марія Водинская (перебитъ спинной хребетъ и истерзано все тѣло) и Владислава Хухульская. Тяжело ранены бомбами.

3. Дворянка Вероника Куликовская, крестьянка дер. Кулаки, Цѣхан. уѣзда Марианна Струшинская и санитары 9 Костромского отряда Всероссійскаго Земск. союза Александръ Вшивка и Алексѣй Кондратьевъ. Очень тяжело ранены бомбами.

Спанислава Тихминская, 14 лѣтъ, разорванная бомбой.

Я его уже не заспалъ въ живыхъ. Когда я прїѣхалъ въ полкъ*)—вмѣсто его милыхъ глазъ была жива лишь теплая, грустная и неизгладимая память о немъ...

О немъ говорили положительно всѣ, начиная командиромъ полка и кончая рядовымъ полкового обоза, стараясь наперерывъ вспомнить самыя незначительныя подробности боевой жизни, связанныя съ его личностью. Мелочей не было. Чѣмъ миниатюрнѣе былъ фактъ, тѣмъ интимнѣе онъ казался и тѣмъ больше прогаль слушателей. Точь-въ-точь, какъ въ семьѣ, недавно понесшей тяжкую и невозвратимую утрату...

Полковой адъютантъ принесъ приказъ по полку:

— Вотъ прочтите. Это напутствіе полка нашему дорогому батюшкѣ.

Я не только прочелъ, но даже взялъ его себѣ, до такой степени меня пронула искренность этого приказа и та теплота чувства, которая дрожала въ каждой его строкѣ.

Странная вещь эта война! Люди, захваченные ея жестокими буднями, вѣчно балансирующие на грани между жизнью и смертью, все-же остаются людьми. Быть-можетъ, даже больше чѣмъ людьми... Напряженность дѣятельной любви къ ближнему, нѣжность возникающихъ

привязанностей какъ-бы вырастаютъ въ прямой пропорціи съ ужасами войны. Оно, впрочемъ, и понятно. Что мнѣ до войны? Я, хотя и опустошеннымъ сердцемъ, но все-же хочу любить, любить во что бы то ни стало и чего бы мнѣ это ни стоило, такъ какъ не могу жить безъ любви, составляющей основное содержаніе моего нутра.

У себя въ землянкѣ я снова и снова перечитываю прѣданныхъ слова приказа.

Вотъ они:

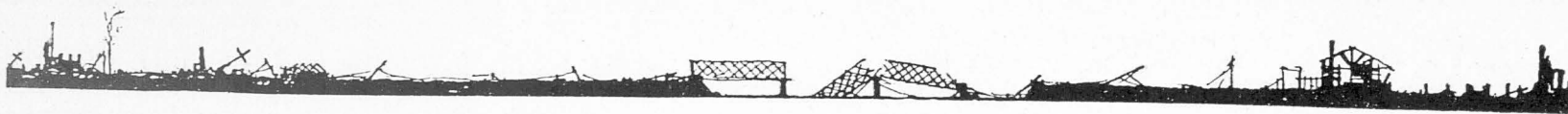
«6-го Августа сего 1915 года осиротѣлъ 149 пѣхотный Черноморскій полкъ, потерявъ своего глубокопочимаго духовнаго отца, священника Александра Павловича Вознесенскаго.

Славной смертью героя палъ нашъ добрый пастырь, оставаясь до послѣдней минуты своей жизни на недоступной для многихъ высотѣ духа, ярко, какъ путеводная звѣзда, блестя на своемъ посту и освѣщая къ правдѣ дорогу, идти по которой такъ настойчиво звалъ онъ въ жизни свою паству.

Отслуживъ въ этотъ день обѣдню при штабѣ полка, онъ въ 11 часовъ утра отправился въ окопы передовыхъ линій. Съ крестомъ въ рукахъ и съ пѣніемъ пропаря Преображенія, обходилъ онъ роты, кропя святой водой своихъ любимыхъ «солдапиковъ», поздравлялъ ихъ съ праздникомъ, освящалъ яблоки и, какъ всегда, наставительно бесѣдовалъ съ

О. ВОЗНЕСЕНСКІЙ.

*) 149 пѣх. Черноморскій полкъ.

ними. На этот раз он поучал их не уподобляться предапелю-людѣ и не оставлять своих сражающихся товарищей, покидая под пѣмъ или инымъ предлогомъ свои мѣста въ окопахъ. А на просьбы, обращенныя къ нему, сойти въ окопы и идти по дну ихъ, отвѣчалъ поученіемъ на тему: «не бойтесь отъ убивающихъ пѣло, а душѣ не могущихъ повредить». Являя примѣръ полного пренебреженія къ смерти, онъ безстрашно шелъ по открытому полю, презирая врага, но въря въ то же время въ глубинѣ своей чистой души въ то, что этотъ врагъ не осквернитъ себя кровью священнослужителя, исполняющаго свой земной долгъ и идущаго въ облаченіи и съ святымъ крестомъ въ рукахъ, ярко блестящимъ въ воздухѣ лѣтняго утра...

И, о позоръ для врага!..

Грянулъ близкій залпъ *), и, какъ подкошенное, свалилось дорогое пѣло, пронизанное вражескими пулями. Брызнули слезы у паствы, на небеса къ Всевышнему послали вздохнувшія груди мольбу о принятіи духа пастыря съ миромъ, а въ глубинахъ любящихъ сердецъ закипѣла ненависть къ принесшему горе врагу, выковавшая и взлелѣявшая въ эпихъ сердцахъ мечту о расплатѣ.

Передъ свѣжей могилой батюшки, похороненнаго, по выраженному имъ наканунѣ жела-

*) Окопы противника находились въ 400 шагахъ.

нію, у придорожнаго креста на юго-западной окраинѣ дер. Долгишки, толпился съ непокрытыми головами осиротѣлая паства. Вдыхая, передаются пихонько рассказы пѣмъ, кто его еще мало зналъ, вспоминаютъ о его рѣдкой доброте душѣ и геройскихъ его подвигахъ въ печеніе войны...

Въ опущенной на грудь головѣ вспаютъ и отрывочно проносятся воспоминанія былого...

Вотъ бой 13 Августа минувшаго года подъ Тарноваткой. Мы гонимъ врага. Цѣпляясь за каждую горку, за каждую опушку лѣса, онъ пробуетъ задержаться и дорогой цѣной продаетъ свой каждый шагъ отхода. Утомились бойцы, жарко, а бой кипитъ, какъ въ котлѣ. Вотъ дружнымъ броскомъ «на ура» взлетаютъ передовыя роты баталіона на одну изъ возвышенностей. Отбѣжавшій врагъ обрушивается досадливо на только что оставленное имъ мѣсто и поливаетъ его свинцомъ своихъ винповокъ и пулеметовъ, а неистовствующая шрапнель реветъ, и спонетъ, и плачетъ кругомъ... И вдругъ среди этого ада звуковъ чудится пѣніе молитвы «Спаси, Господи, люди Твоя».

— Что такое? Галлюцинація слуха?

Нѣтъ... Съ епитрахилью и крестомъ, съ устремленными къ небу глазами, съ спрующимися по лицу каплями пота, медленно поднимается на гору батюшка, а вокругъ него,

какъ волны ладана, клубится пыль, поднимаемая огнемъ направленнѣхъ въ него пулеметовъ.

— Ложитесь, убьютъ!

Опускается возлѣ, но не изъ-за страха передъ пулеметами, а чтобы отдохнуть, перевести духъ...

— Что-жъ, что стрѣляютъ, вѣдь я съ Св. Дарами. Меня угодники Божіи берегутъ, — говоритъ онъ своимъ простымъ, заставляющимъ забыть, что онъ кандидатъ богословія, Ярославскимъ говоромъ.

— Да вы здѣсь-то зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ, — удивляется. —

А ежели кто исповѣдаться захочетъ передъ смертью, вопъ я и шутъ... А это кто же лежитъ?

И, поднявшись, подходитъ къ умирающему шагахъ въ 10-ти австрийцу, наклоняется къ нему, видитъ, что кончается человекъ, креститъ его, прикладываетъ къ губамъ его крестъ и бредетъ себѣ дальше вдоль позиціи...

...Ночь преградила бой 27 Августа у дер. Андреевки. Съ разсвѣтомъ полкъ получаетъ приказаніе отойти и направляется назадъ. Это движеніе намъ непонятно: ушелъ ли противникъ послѣ вче-

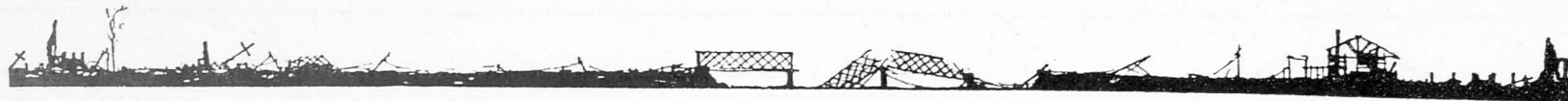

1. Последнее благословеніе.

2. «Батюшка» заколачиваетъ гробъ.

3. Могила о. Вознесенскаго.

рашняго боя, или мы вынуждены кь опходу, не знаемъ. Сосѣди оспаються на мѣстахъ, должно бытъ, и пропивникъ здѣсь... Навспрѣчу полку, на повозочкѣ, съ псаломщикомъ ѣдетъ нашъ батюшка.

— Вы куда же, батюшка?

— А на позицію, вѣдь тамъ убитые оспались.

— Да ихъ похоронили, батюшка.

— А панихиду надо отслужить, на могилкѣ крестъ поставитъ, безъ этого вѣдь нехорошо.

— Да вѣдь опасно это, батюшка. Тамъ пропивникъ можетъ бытъ.

— Грѣха надо опасаться, а не исполненія своего долга,—отвѣчаетъ батюшка и ѣдетъ дѣлать свое дѣло...

11 Октября. Полкъ, готовясь кь наступленію на д. Бржезовку, переходитъ въ строй по ротно. Слѣша, обгоняетъ его, сильно прихрамывая, о. Александръ, а, спустя нѣкоторое время, впереди разсыпающихся цѣпей, виднѣется освѣщаемая лучами заходящаго солнца знакомая и близкая сердцу фигура въ полномъ облаченіи... Батюшка на ходу служитъ напутственный молебенъ... А коварный врагъ уже наводитъ на насъ орудія припаившейся невдалекѣ батарееи...

Годъ войны и шестъ лѣтъ мирнаго времени, времени его пребыванія въ полку, полны воспоминаній объ о. Александрѣ, какъ о кри-

спально чистомъ, изумлявшемъ всѣхъ силой и красотой своего духа человекѣ. Будучи одинокимъ, онъ жилъ интересами другихъ. Его безконечно добрая душа была полна заботъ и попеченій о благѣ паствы.

Взгрустнется ли когда кому или ляжетъ на сердце безопечная тяжесть, поидетъ кь своему батюшкѣ и легче ему спанетъ опъ бесѣды съ нимъ... И вопъ не спало его... Въ тяжелыя минуты переживаемаго настойчиво хочется искать упѣшенія въ молитвѣ, невольно глаза обращаются кь небу и уста шепчутъ:

«Господи! Повелѣниемъ Твоимъ пріялъ еси божественнаго служителя Твоего. Приими же въ руки Твои душу его, яко ппенца, и учини его во дворѣхъ Твоихъ».

Кое-что о покойномъ вспоминаю и я... Самое начало войны... Приходитъ какъ-то о. Вознесенскій кь резерву. Спрашиваетъ:

— Гдѣ путь позиціи?

— Здѣсь, батюшка.

— Какъ-же здѣсь, когда здѣсь пуль нѣтъ!

— Не всегда-же пули. Здѣсь резервъ.

— Нѣтъ, вы меня пустите въ цѣпи!

И въ проникновенныхъ, глубокихъ глазахъ его, съ задумчивымъ и длиннымъ взглядомъ, зажигается огонекъ жадной рѣшимости.

— Тамъ вѣдь васъ убьютъ, батюшка.

— Что-же дѣлатъ! «Ихъ» убиваютъ, пусть и меня убьютъ...

И пошелъ...

Вспоминается другой случай...

Были самбя первыя числа Октября 1914 г. Полкъ переправлялся черезъ Вислу между Кальваріей и Варшавой *). Переправа была организована на баржахъ, буксируемыхъ пароходами. Была совершена посадка... Двинулись... Въ это время одна изъ баржъ опорвалась отъ другихъ, и ее понесло внизъ по теченію, прямо на противника. На баржѣ было около 500 человекъ. Поднялась суета... Баржу начали ловить... Наконецъ поймали... Подвели къ берегу... Было уже поздно... Надъ головами нависла дождливая и сырая ночь. Невидимое небо точило на землю неизсякаемыя слезы...

Командиръ баталіона, чуть было не попавшаго на опорвавшейся баржѣ въ руки врага, потрясенный и уставшій, лежитъ у сваленнаго дерева въ осклизлой грязи и смотритъ въ липкую тьму ночи.

Слышатся чьи-то приближающіеся шаги...

— Кто идетъ?

— Это я, священникъ.

— А вы чего, батюшка, здѣсь?

— Я къ вамъ. Дайте прилягу рядышкомъ.

— Что вы, Богъ съ вами! Идите въ халупу.

Тамъ тепло и дождя нѣтъ.

*) У фольварка Скржинки.

— Нѣтъ, дорогой, я не имѣю права быть не тамъ, гдѣ всѣ. Что-же я за отецъ духовный, если я проповѣдую одно, а самъ дѣлаю другое? Кто спанетъ мнѣ вѣрять, если я не закрѣплю дѣломъ то слово, которое всѣмъ и всегда говорю?

Легъ... И всю ночь, не смыкая глазъ, пролежалъ дрожащій и заоченѣвшій...

Солдатики о немъ говорили, бывало:

— Коли, примѣрно, дорога такая, что сапога не вытатишь, будь покоень, батя нашъ безпремѣнно рядышкомъ съ нами шагаетъ.

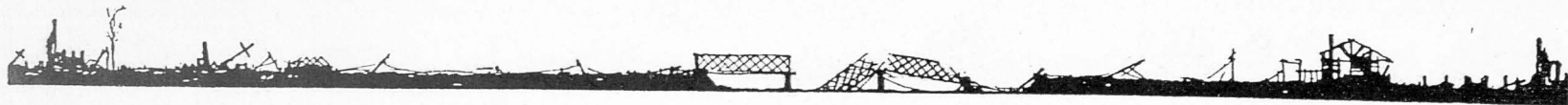
— Что тебѣ на дорогѣ грязи больше, по нашъ батюшка отъ лошадки далѣ.

— Гдѣ повозка или, скажемъ, двуколка увязнеть, онъ ужъ шупъ, нашъ батя. Рукава засучилъ и со всѣми кряхтитъ. Изъ грязи вызволяетъ.

И его теперь нѣтъ...

Могила его недалеко... Открытое поле, кругомъ обрамленное лѣсомъ... Зеленыя низины... Желтые холмы пажитей, заставленные небольшими остроконечными снопами ржи... Вдали сѣрѣетъ крышами избъ деревня Долгишки... Въ ней находится полковой обозъ, и къ нему тянутся изъ походныхъ кухонъ струйки вкуснаго дыма... У могилы стоитъ пришедшій изъ деревни солдатикъ и молится.

Могила не одинока... Къ ней ласково придвинулись еще три. На одной изъ нихъ чипаю:

«Павшій за Вѣру, Царя и Родину въ бою 1-го Августа 1915 г. смертью храбраго, 68-го Лейбъ-пѣхотнаго Бородинскаго полка рядовой Павелъ Игнатѣвко»...

И то, что могила почившаго не одинока, то, что она окружена такими-же могилами нижнихъ чиновъ—кажется мнѣ и прогашельнымъ, и глубоко символическимъ. Доброму

«бапюшкѣ» суждено лежатъ въ своемъ вѣчномъ и послѣднемъ домѣ рядомъ съ пѣми самыми солдатами, которыхъ онъ пакъ много любилъ при жизни, и охраняетъ своимъ омертвѣвшимъ сердцемъ ихъ тихій, нескончаемый покой...

.
.
И на такого человѣка «они» посягнули!!!...

КВАРТИРА
СЕЛЬСКАГО
УЧИТЕЛЯ ВЪ
ЭЛЛЕЪ.

Я никогда не забуду этихъ глазъ, мутно и безжизненно глядѣвшихъ изъ расширенныхъ орбитъ воскового лица. Въ нихъ было больше мертвеннаго, чѣмъ въ самой смерти. Какая-то страшная пустота, какое-то огромное «ничто» выползали изъ ихъ стеклянной поверхности.

Увидѣлъ я ихъ на Курляндскомъ театрѣ войны, въ Эллеѣ, поселкѣ, расположенномъ у самаго шоссе Мипава—Шавли.

Съ благоговѣйнымъ молчаніемъ, съ непокрытыми головами какіе-то люди ввели меня въ бывшую квартиру сельскаго учителя. Говорю бывшую, такъ какъ все въ ней звало васъ назадъ, къ тому времени, когда въ ней теплились, кто знаетъ, бытъ можетъ, пихимъ счастьемъ нѣскольکو человѣческихъ жизней, теперь такъ жестоко исковерканныхъ холодной рукой чужого. Къ прошлому звало васъ все именно потому, что у этого «всего» не было настоящаго... Или вѣрнѣе то, что сдѣлалось его настоящимъ—былъ ужасъ...

Всѣ прогавельныя подробности маленькой жизни, всѣ уютныя мелочи ея, приобретенныя на заработанныя кровавымъ трудомъ гроши—были расперзаны. Только въ углу, какъ-то одиноко уцѣлѣлъ крошечный образокъ, украшенный убогими цвѣтами изъ бумаги. Все же остальное—обращено въ щепы. Учебныя книги расчленены на отдѣльныя листы, застилавшіе пестрой мозаикой крашеный полъ комнаты...

И среди всего этого—размепался одинокій прупъ старика въ напряженной позѣ борббы и съ спрашными глазами изъ стекла...

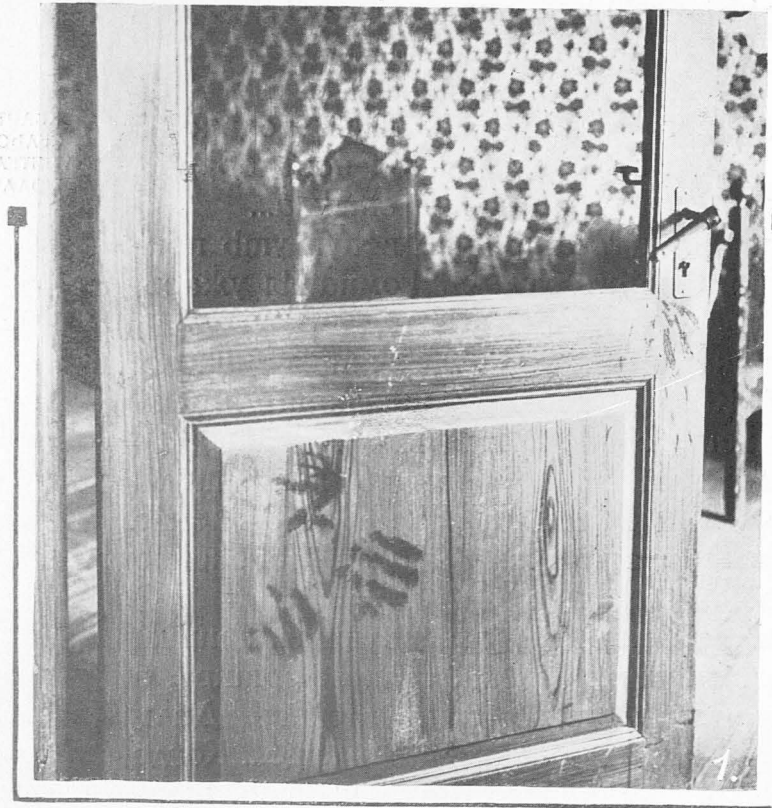
Шопотомъ, какъ-бы боясь вспугнуть припаившійся во всѣхъ углахъ комнаты ужасъ, мнѣ рассказали исторію прупа.

Онъ принадлежитъ отцу учителя школы ВИЛЛИСА КВѢТЭ, который не захотѣлъ раздѣлитъ участь сына, бѣжавшаго съ матерью при приближеніи сѣрыхъ бандъ непріятеля. Вѣря въ человѣка вообще, онъ безбоязненно остался въ опустѣвшемъ гнѣздѣ, спокойно ожидая событій.

Событія не замедлили развернутъся. Пришли враги. Разграбили и разгромили квартиру, а у старика начали пребовать денегъ. Даль всѣ, что были... Требовали еще и еще... Когда давалъ было уже нечего, начали битъ, терзатъ беззащитное и дряблѣе тѣло. Показалась кровь... Видѣ ея опьянилъ и безъ того пьяныхъ людей, и на онѣмѣвшее тѣло посыпались ножевые удары. Одинъ... Два... Десять... Двадцать...

По полу заструились кровавыя потоки.

Озвѣрѣвшіе люди хватались своими смоченными кровью руками за стѣну, за дверь, за окна, оставляя вездѣ страшныя оппечатки... Попомъ ушли и, вѣроятно, потчасъ забыли о содѣянномъ, такъ какъ оно, это содѣянное, было совершено ими въ порядкѣ дня, такъ же,

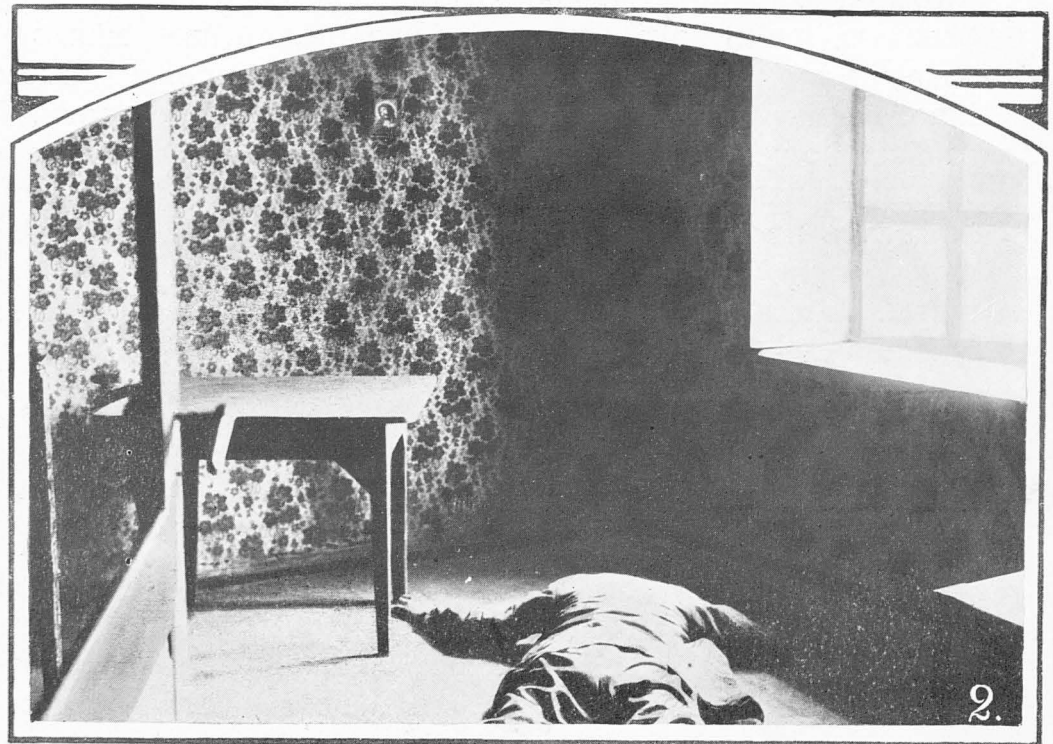
1. Дверь комнаты убитого. У скобы и на филёнкѣ видны кровавые отпечатки рукъ убійцы. 2. Трупъ старика, отца учителя Виллиса Квѣтѣ.

какъ совершалось вчера, позавчера, какъ будетъ совершено завтра...

Видѣнный мною одинокій трупъ долго и неопступно преслѣдоваль меня. Онъ заслонялъ своей кровавой пѣнью всё мелочи повседневной жизни, и, что бы я ни дѣлалъ, за мной всюду слѣдили мутные, широко раскрытые глаза, полные ужаса смерти.

Эти одинокіе трупы, которыхъ такъ много разбросано въ мѣстахъ, посѣщенныхъ противникомъ, производятъ всегда угнетающее впечатлѣніе. Причина этого лежитъ, вѣроятно, въ ихъ ненужности, въ ихъ, такъ сказать, сверхсмертности, ибо война, какъ таковая, не только не нуждается въ нихъ, но прямо отрицаетъ ихъ и ихъ сторонится. Поле боя, усѣянное тѣлами храбрыхъ, никогда не родитъ въ васъ такого ужаса передъ смертью, какъ одинокій трупъ на полу комнаты, обрызганной кровью.

Ибо то — война, а это — звѣрство...

Лѣто *) въ Галиціи мы провожали шумно и суетливо. Неожиданно и рѣзко обозначился нажимъ противника на нашу группу, заслонявшую Тарнополь, въ результатѣ котораго закипѣли недѣльные бои, упорные и опустошительные. Одна сторона, какъ магнитомъ, тянулася къ дразнящей ее издали цѣли, другая съ бѣшенымъ порывомъ отражала рядъ оглушительныхъ ударовъ. Высшее командованіе противника смѣшало, какъ, впрочемъ, почти вездѣ, австрійскія и германскія войска и бросало эту ядовитую смѣсь намъ въ лицо. Мы держались до окончанія перебросокъ и подхода

къ намъ подкрѣпленій, по отходя изломаннымъ фронтомъ назадъ, по снова врѣзываясь спальнымъ клиномъ въ трепетныя линіи противника.

Окопы...

Мѣстами короткіе, а мѣстами убѣгающіе въ янтарныя дали, они змѣятыя по краю возвышенностей, изрытыхъ рядомъ сѣрѣющихъ въ осеннемъ воздухѣ балокъ.

Окопы вырыты наскоро, въ теченіе послѣдней ночи, и населены обычной публикой войны, запыленной, обросшей жесткимъ волосомъ, грубоватой, въ фуражкахъ, клейкимъ блиномъ прилипшихъ къ головѣ, но подвижной и бодрой.

Идетъ бой по всей линіи...

ОТРАВЛЕННЫЯ
ЛЕПЕШКИ.

*) 1915 года.

Надъ головами спрашная музѣка, къ копорой трудно привѣкнути...

Тяжелые снаряды, гудя, судорожно всасывая воздухъ и захлебываясь, поютъ свою однообразную пѣсню:

— У-у-у-у-у-у...

А потомъ, какъ-бы сорвавшись, вдругъ жалобно взвизгиваютъ, коротко и криливо:

— З-з-зи... З-з-зи... З-з-зи...

Шрапнель и цѣлые рои пулеметныхъ и ружейныхъ пуль насыщаютъ все вокругъ насъ суевливымъ и непрерывнымъ дождемъ свинца, чугуна и стали, падаютъ, шлепаютъ по землѣ, протяжно стонутъ послѣ рикошета, какъ натянутая и опущенная струна:

— И-и-о-о... И-и-о-о...

Воздухъ кругомъ содрогається, завываетъ, свиститъ...

Временами противникъ, какъ-бы упомянутый стрѣльбой по насъ, переноситъ огонь вправо или влево, а въ воздухѣ нѣсколько замираетъ, и только пули чуть слышнымъ роемъ насыщаютъ пространство. Люди облегченно вздыхаютъ, снимаютъ фуражки и обтираютъ рукавами рубахъ лоснящиеся лбы.

— Не курнуть-ли намъ, Мипричь? А? Нѣмецъ нами чаво-то брезговать спалъ: стрѣлятъ даже не хотятъ...

А кругомъ все кишитъ ружейными пулями...

Прятатели садятся на дно окопа, улыбающиеся, взъерошенные и мокрые, какъ мыши, сосредоточенно-дѣловито лѣзутъ въ карманы, достаютъ опшуда какіе-то рыже-бурые кисеты, медленно скручиваютъ «козью ножку» и насыпаютъ въ нее махорку.

— Мипричь, а Мипричь. Что, ежели-бы, примѣрно, нѣмцу замѣсто цыгары да махорочки дать покуритъ? А?

— Нѣмецъ, извѣстно, народъ деликатный. Ему подай вина, да цыгары, а то и воевать, поди, не спанетъ. Сво-о-лочь онъ. Вотъ кто онъ, пвой нѣмецъ.

— Что ты, мельница, бѣлены объѣлся, что-ли? Мой-то онъ чаво спалъ?

— Такъ ужъ, одно слово, пвой...

Въ воздухѣ спановится еще пише... Только пули продолжаютъ ныть протяжно и надолго...

Человѣкъ съ нервами, приподнятыми ураганомъ боя, не можетъ оставаться спокойнымъ, даже въ минуты относительнаго затишья. Шарниры его пѣла, пронутые огнемъ внутренней лихорадки, продолжаютъ автоматически дѣйствовать, заставляя его то стрѣлять, то ругаться, то двигаться, двигаться во что бы то ни стало, лишь-бы только не находиться въ состояніи покоя...

Вправо отъ меня нѣсколько бѣлобрысыхъ головъ виснули на поверхности бруствера, глядятъ

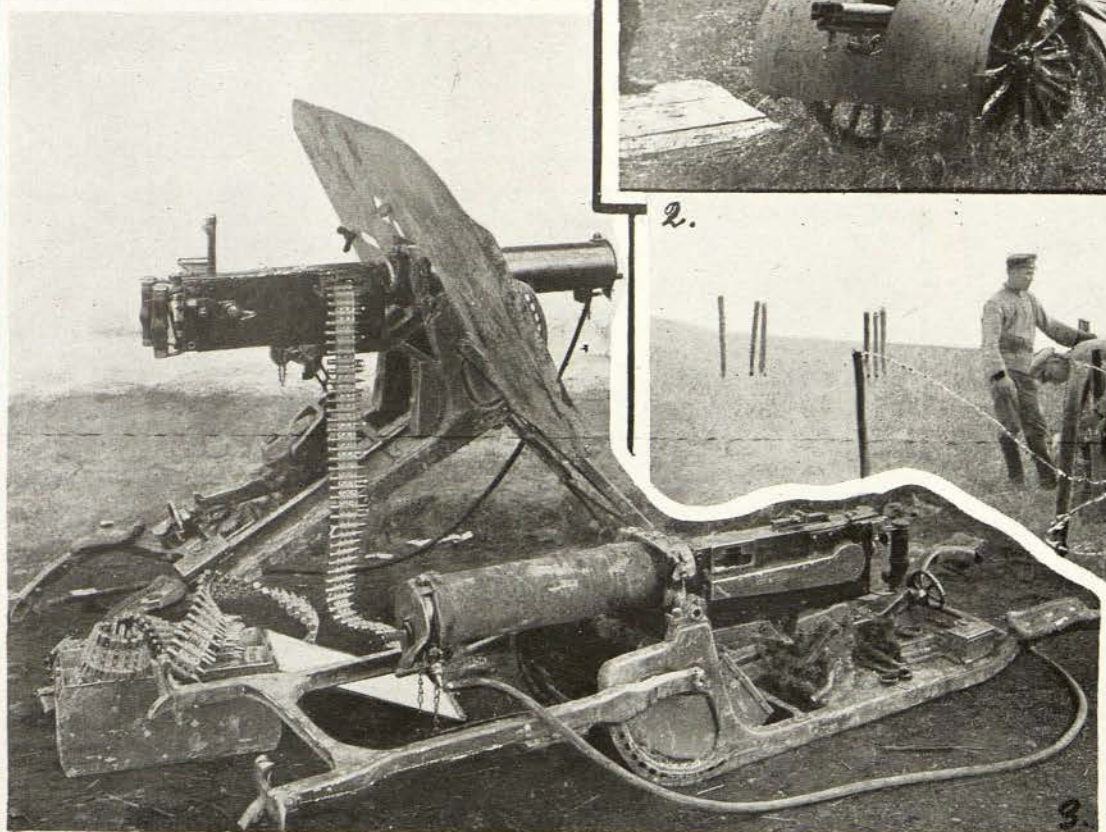
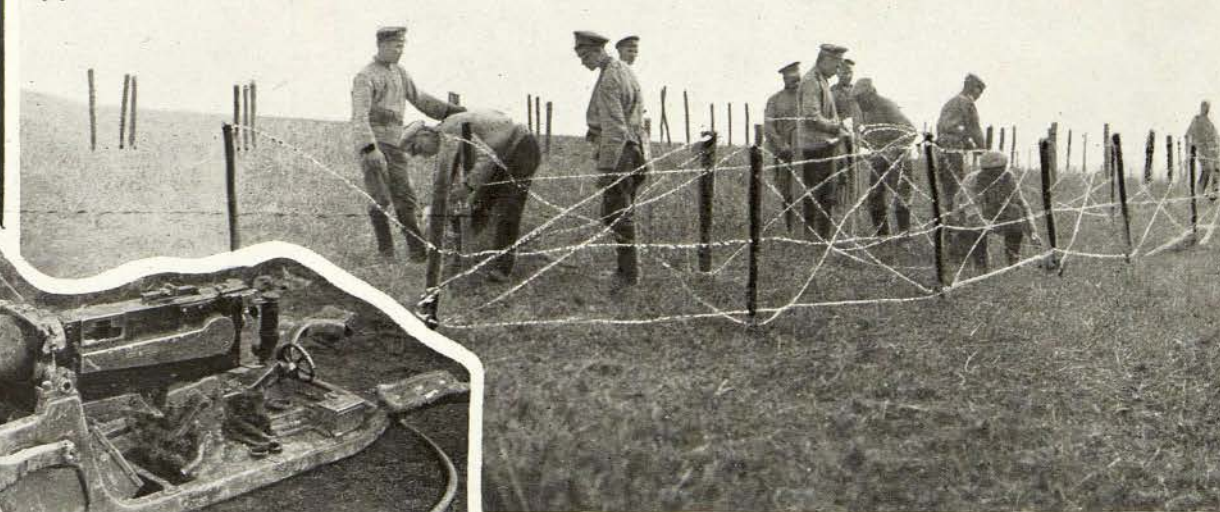
Бой подъ г. Тарнопольемъ. 1. Наши окопы. 2. Партія плѣнныхъ германцевъ. 3. Группа трофеевъ, взятыхъ однимъ изъ нашихъ полковъ. 4. Общій видъ города Тарнополя. 5. Отравленная лепешка.

Бой подъ г. Тарнополемъ.

1. Батарейя на пути къ позиціи.
2. Плетеніе проволочныхъ загражденій.
3. Палёныя германскіе пулеметы.

2.

въ сторону пропивника и что-то оживленно рассказываютъ. Смѣются... Нелѣпо пѣчуютъ пальцами въ воздухъ...

— Эй вы памь! Чего выперлись. Тюкнепъ, перестанете зубы скалить. Говорю, опустись!..

Головы, нехотя, поворачиваются, равнодушно скользятъ глазами по нескладной фигурѣ кричащаго взводнаго и снова продолжаютъ смѣяться.

— Вамъ говорятъ, черти, или не вамъ? Что я говорю? Слазь сейчасъ! Не то за ноги спашу.

Со стороны вылѣзшихъ раздается шупливая воркопня, произносимая, однако, вполголоса, съ такимъ расчетомъ, чтобы ее не услыхалъ взводный.

— Фу-ты ну-ты ножки гнуты...

— Раскудахтался какъ...

— Не насѣкомая какая-нибудь... Сами понимаемъ...

Однако, солдатики, ворча и сплевывая сквозь зубы, начинаютъ лѣниво опускаться. Одинъ изъ нихъ вдругъ какъ-то странно препыхается, взмахиваетъ широко и неровно руками и медленно ползетъ внизъ, по оплогости окопа. Изъ рта показывается розоватая пѣна. Въ груди слышится свистящее хлюпанье. Онъ, лежа какъ-то неловко и бокомъ, съ судорожно заломленной подъ голову рукой, дергается всѣмъ тѣломъ часто и мелко.

Товарищи вдругъ, какъ аккордъ безъ педали, задыхаются и наспораживаются. По лицамъ ихъ пробѣгаютъ тѣни, не то жалости къ убитому, не то инстинктивного отвращенія къ смерти, какъ къ факту...

Кто-то низкимъ шопотомъ, про себя, произноситъ:

— Сердяга.

Подходитъ взводный. Опъ его недавней раздраженности не осталось и слѣда. Запыхшій и какъ-то съежившійся, онъ, однако, не хочетъ обнаружить своей слабости:

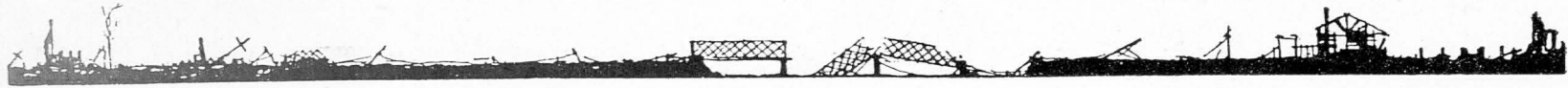
— Говори вамъ или не говори, вы все свое.

Онъ нѣсколько мгновений внимательносмотритъ въ лицо подергивающагося еще прупа, машетъ рукой и медленно, въ развалку, опходитъ... Черезъ минуточку его ржавый голосъ раздается уже гдѣ-то правѣе:

— Прицѣль-то у тебя какой! Дура! Перемѣни прицѣль...

Шумливая толпа непріятельскихъ снарядовъ снова медленно и упорно надвигается на насъ... Пулеметы начинаютъ, словно сонни швейныхъ машинъ, строчить свой нескончаемый саванъ... Надъ головами опять оживаетъ адъ, грохочущій и жуткій... Въ окопѣ все подтягивается и сосредоточенно уходитъ въ пекущую «работу»...

Въ послѣдній день Августа бои начинали замирать. Раздавленный и испомленный не-

дѣльной свалкой, противникъ отходилъ, мѣстами спѣшно и беспорядочно...

Около 4-хъ часовъ дня... Нѣскольکو человекъ насъ идетъ по дорогѣ, верстахъ въ 5-ти отъ Анастасува, вблизи рѣки Спрыпы, змѣящейся еле замѣтной спальной ленточкой по побурѣвшему лугу. Среди насъ — командиръ 2-го Финляндскаго стрѣлковаго полка, полковникъ Левицкій, высокій, сухой, очень милый и общипельный человекъ, находящійся въ томъ возбужденномъ состояніи духа, которое является обычнымъ для людей, долго бывшихъ подъ огнемъ. Несмотря на царящую еще вокругъ оргію боя, всѣми нами остро чувствуется какимъ-то верхнимъ чутвемъ постепенное ея умирание. На душѣ свѣтло и радостно. Такъ бываетъ съ нами, подчасъ, когда мы на вечерней зарѣ долго смотримъ въ сторону востока, хмураго и посинѣвшаго, гдѣ, сливаясь съ свинцовой мглой лѣса, встаютъ свинцовыя пучи, а потомъ вдругъ оборачиваемся къ лучезарному и смѣющемуся пурпуромъ заката западу. Въ груди невольно рождается тихій вздохъ радостнаго облегченія...

Разговоръ идетъ, конечно, объ отдѣльныхъ эпизодахъ боя. У всякаго есть что рассказать, и всякому хочется сдѣлать это непременно первымъ. Поэтому разговоръ складывается беспорядочно, говорятъ нѣскольکو человекъ разомъ, и каждый слу-

шаетъ гораздо больше себя самого, чѣмъ другихъ.

Вдали показывается толпа людей, идущихъ грузно, медленно, тяжело и вразбродъ, безъ той стройной мѣрности, какой отмѣчено всегда движеніе спроевой части... Пльнные германцы...

— Какой части?

— Гвардейскаго учебнаго полка *).

Народъ все молодой, рослый, хотя, видимо, сильно упомленный и грязно одѣтый... Взятые въ плѣнъ нашими артиллеристами подъ железнодорожнымъ мостомъ, куда они спрятались послѣ отхода ихъ полка. Одинъ изъ плѣнныхъ, симпатичный на видъ парень лѣтъ 25-ти, несетъ подъ мышкой краюху хлѣба. Полковникъ Левицкій коротко останавливается и спрашиваетъ у него, указывая пальцемъ на хлѣбъ:

— Что это у тебя?—Kriegsbrod?

Артиллеристы смѣются.

— Это мы ему, Ваше Высокоблагородіе, дали. Дюже голоденъ былъ. Ълъ такъ, быдо хлѣба никогда и въ глаза не видалъ. Чуть-что себя самого не проглотилъ.

Нѣмецъ внимательно смотритъ на полковника, скользитъ глазами по его погонамъ, на мгновение задумывается и потомъ быстрымъ

*) Прусскаго.

движенієм достаєть изъ мѣшка небольшую круглую лепешку изъ тѣста, формой и величиной похожую на всѣмъ намъ знакомое печеніе «Albert» и подаєть его Левицкому:

— Das ist Kriegsbrof. Bittel! *)

Ничего не подозрѣвая, полковникъ откусываетъ крошечный кусочекъ лепешки, величиной въ человѣческой ноготь, и начинаєть его медленно разжевывать, спараясь опредѣлить его вкусъ.

— Дрянъ изрядная.

Проходитъ четверть часа. Полковникъ вдругъ почувствовалъ себя скверно... Болѣ и страннѣй холодъ въ желудкѣ... Ознобъ... Чрезвычайное сердцебіеніе... Пульсъ его трепещетъ, срывается, вызывая внезапныя потемнѣнія сознанія, потомъ снова выравнивается... Доходитъ до 200 ударовъ въ минуту... Мы всѣ находимся въ совершенномъ недоумѣніи.

— Негодяй... оправилъ таки... Убить не могъ, такъ... ядомъ... извелъ... — шепчетъ задыхающимся голосомъ полковникъ Левицкій.

— Здѣсь у меня въ карманѣ... аконитъ... доставайте... дайте 10 капель... Хорошо еще, что... я такъ... мало съѣлъ...

*) Вотъ военный хлѣбъ. Пожалуйста.

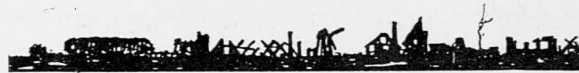
Даемъ... Потомъ еще 10 капель... Еще сполько-же... еще...

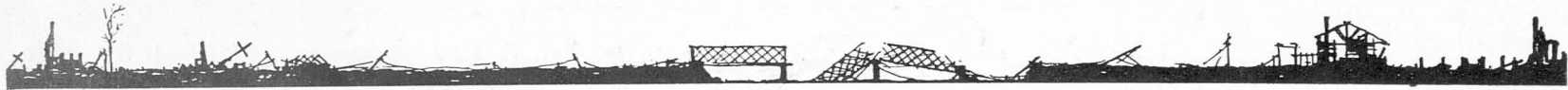
Отвозимъ въ штабъ полка... Укладываемъ въ постель... И здѣсь начинаєтся борьба организма со смертью... Длительная, упорная... Къ счастью, побѣдила не смерть... Но какой цѣной досталась эта побѣда...

Было немедленно отдано распоряженіе задержать оправившагося. Къ сожалѣнію, я не знаю, удалось-ли это сдѣлать, или преступникъ, заперевшійся среди тысячъ другихъ плѣнныхъ, остался необнаруженнымъ, но, въ сущности, вѣдь это и неважно. Важенъ самъ отпалкивающий фактъ оправленія. Кто-то снабдилъ нижняго чина гвардейскаго полка для исполненія опредѣленной цѣли несущими смерть лепешками, а это послѣдній, обласканный и накормленный четверть часа тому назадъ взявшими его въ плѣнъ солдатами, рѣшается, какъ-бы въ благодарностъ за эту ласку, на гнусное оправленіе ихъ полковника.

Въ мозгу невольными и тяжелыми нитями протягиваются параллели между «нами» и «ими»...

Какія страшныя, какія потрясающія параллели...

ЛАГЕРНАЯ
ЦЕРКОВЬ
БЛИЗЪ
КОНСКА.

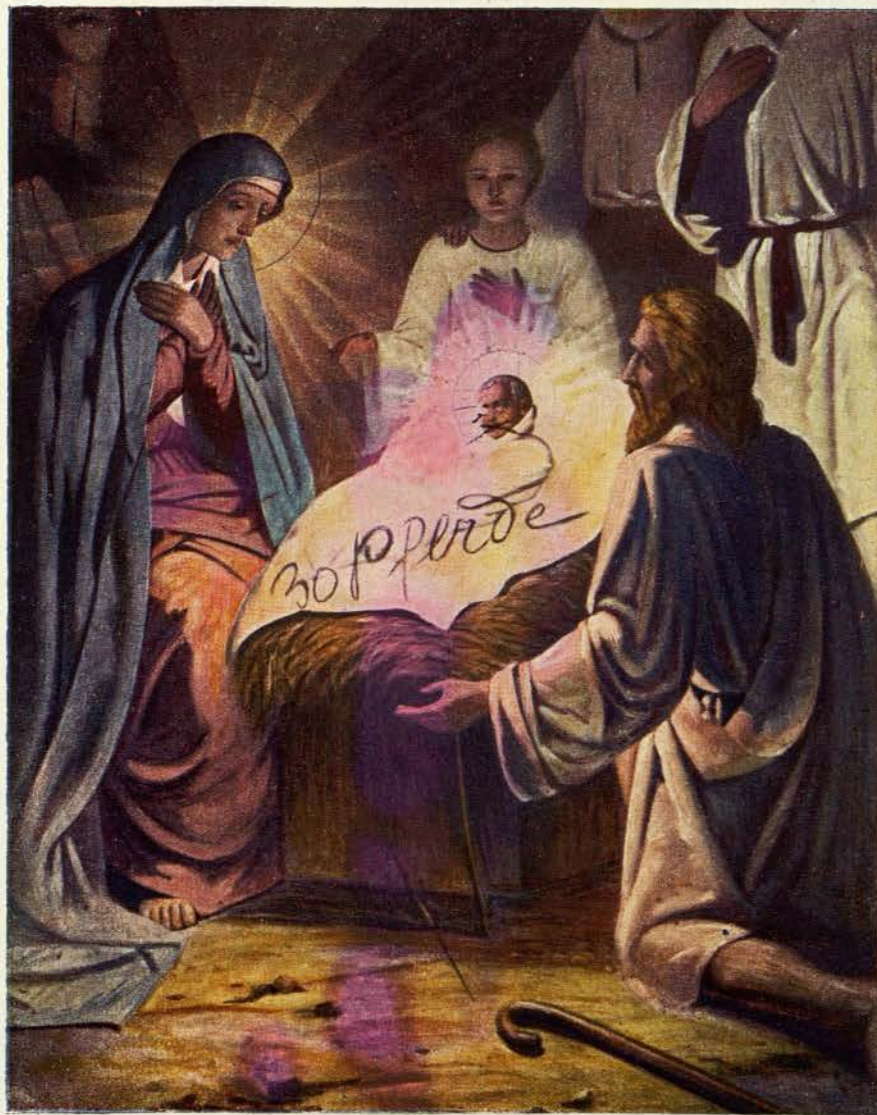
Можно вѣрить и можно не вѣрить. Это дѣло религіозной совѣсти каждаго. Есть нѣкоторые люди, которые говорятъ даже, что періодъ вѣры можно перерастти. Я лично держусь иного мнѣнія. По моему глубочайшему убѣжденію, чтобы нравственно дорости до способности вѣрить, нужно взлѣтѣть къ такимъ вершинамъ одухотворенности, которыя доступны или напурамъ, элементарно-простымъ и чистымъ, или, наоборотъ, характерамъ глубокимъ, старательнo опшлифованнымъ сложной жизнью и высокой культурой. Первые—спихійно тянутся къ вѣрѣ, какъ мотылекъ къ свѣту, влекомыя къ ней здоровымъ инстинктомъ и свѣжимъ чувствомъ неиспорченнаго нутра, вторыя подходятъ къ ней медленно и осторожно, но столь-же неизбежно, какъ и первые, но подходятъ путемъ длительного разсудочнаго процесса, начинающагося въ мысли и уже потомъ переходящаго въ чувство.

Что касается до духовныхъ организацій, находящихся между названными двумя полюсами, то онѣ, эти организаціи, относятся безразлично къ дѣламъ вѣры, оставаясь поэтому лишенными возможности переживать возвышенныя и, подчасъ, весьма острыя наслажденія, неразрывно связанныя съ ней. Въ своей сѣренкой посредственности онѣ—съ одной стороны недостаточнo чисты, а съ другой недостаточнo глубоки для того, чтобы

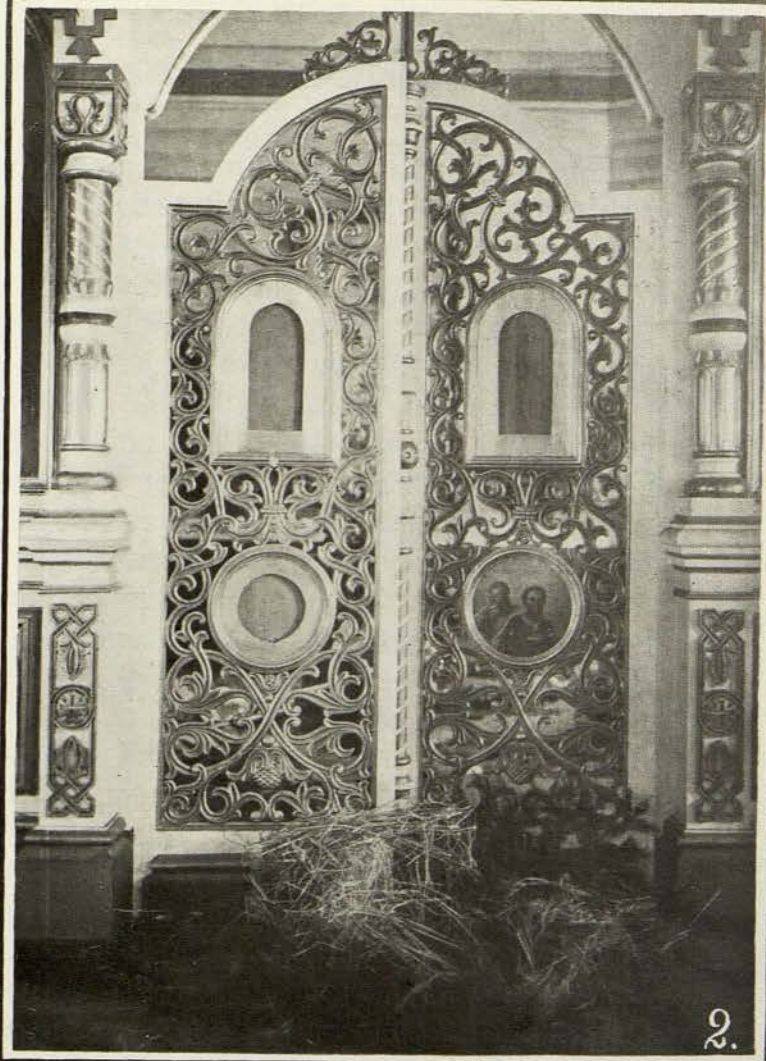
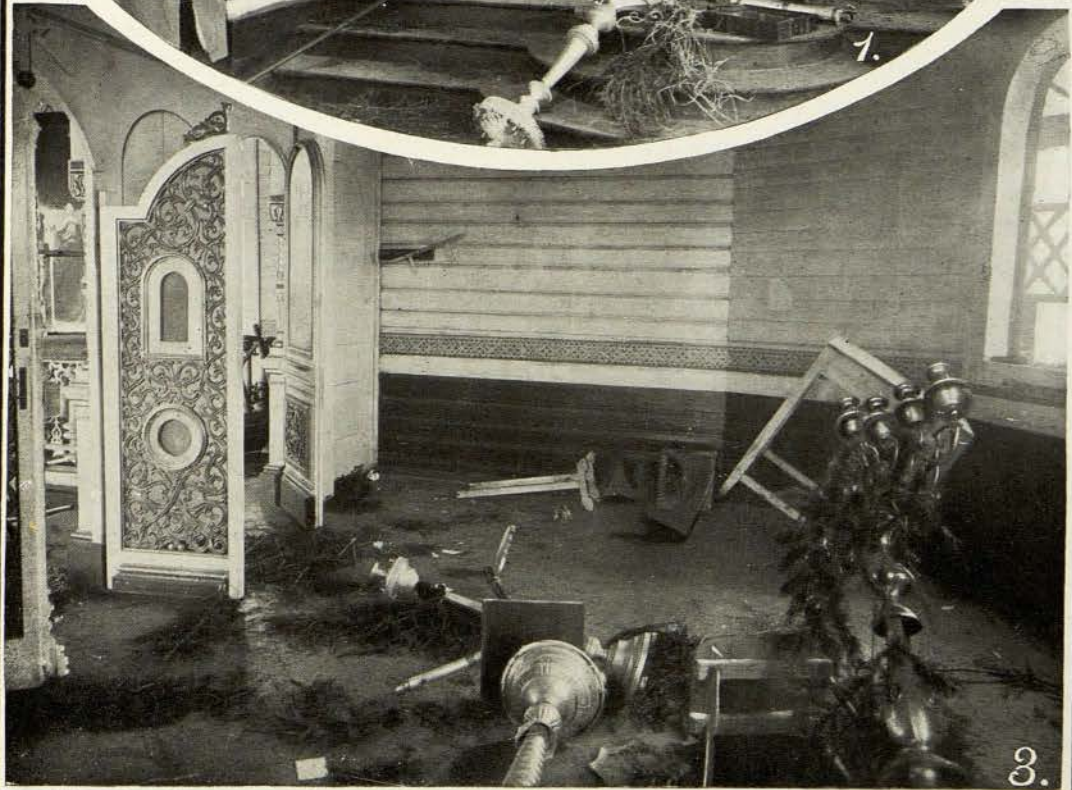
быть приобщенными къ переживаніямъ этого рода.

Къ сожалѣнію—такихъ весьма много. Наши, такъ называемые, интеллигентные классы общества поспавляютъ значительное количество людей этой претвей категоріи, людей, для которыхъ вопросы вѣры представляются чѣмъ-то лишнимъ, ненужнымъ, не заслуживающимъ даже небольшого вниманія. Это, впрочемъ, наблюдается не только среди нашей интеллигенціи, но и среди всякой другой. Аморфная, нецѣлостная, разбиная на безконечное количество небольшихъ сферъ, живущихъ среди спеціальныхъ узко-эгоистическихъ инпересовъ, не успѣвающая приспособиться къ все новымъ и новымъ условіямъ галопирующей жизни и, вслѣдствіе этого, находящаяся въ состояніи хроническаго недомоганія, интеллигенція утратила здоровое жизненное чувство и рядъ связанныхъ съ нимъ нравственныхъ предрасположеній. А это послѣднее исключаетъ условія, благопріятныя для возникновенія чистаго религіозно-мистическаго чувства вѣры.

Счастливымъ, если позволительно такъ выразиться, качествомъ невѣрія является то обстоятельство, что оно, въ противоположность чувству вѣры,—состояніе, по преимуществу, пассивное. Будучи отрицательнымъ (не-вѣріе) въ идеѣ, оно старается вообще не

Одна из иконъ лагерной церкви, на которой написано число споявшихъ въ церкви лошадей: «30 Pferde».

Лагерная церковь близъ г. Конска, обращенная въ конюшню.
 1. Видъ иконостаса, на одной изъ иконъ котораго сдѣлана 2 раза надпись: «Нагг», а на другой имѣются слѣды кощунственнаго надругательства. 2. Царскія врата съ выломанными иконами-медальонами. 3. Видъ разгромленнаго алтаря, гдѣ на мѣстѣ престола оставлены чело-вѣческіе отбросы.

проявлять себя въ жизни дѣйствительно, скромно замыкаясь въ нѣдрахъ невѣрящей души, иногда лишь изливаясь въ словахъ и почти никогда въ дѣйствіи. Причина этого заключается, вѣроятно, въ напередъ заданномъ чувствѣ мистичности, въ самомъ лучшемъ и благородномъ значеніи этого слова, свойственномъ всякой, не вполне извращенной человѣческой природѣ, при какихъ бы условіяхъ она ни жила и подъ какими бы широкими ни существовала.

Это чувство, иногда выраженное ярче, а иногда затемненное другими качествами душевной организациі человека, составляетъ, такъ сказать, непрерываемое основаніе всякой опдѣленной духовной жизни, одну изъ ея категорій. Вотъ почему мы всегда такъ деликатно, я сказалъ-бы даже, такъ боязливо относимся къ внутреннимъ религіознымъ переживаніямъ другого. Вотъ почему въ обществѣ установился благородный обычай не только не спорить, но даже и не говорить о дѣлахъ вѣры, если, конечно, въ этомъ отношеніи не будетъ выражено спеціальное желаніе собесѣдника.

Я съ тихой радостью и гордостью вспоминаю всегда о томъ прогнѣпномъ религіозномъ почтеніи, съ какимъ всѣ чины нашей арміи, безъ единого исключенія, относились къ вражескимъ костеламъ во время побѣдоноснаго вторженія въ Галицію прошлой осенью. Занимая какое-либо селеніе, въ которомъ былъ

костель, мы находили его обыкновенно не только оппертымъ, но даже открытымъ. Сквозь настежь распахнутыя двери на насъ смотрѣли скорбные лики мадоннъ, задумчивые алтари улыбались позолопой своихъ капителей, статуи святыхъ въ моливленныхъ позахъ простирали къ намъ руки...

Мы заходили въ костелы, молились въ нихъ горячо и спраспно, какъ только могутъ молиться люди, дѣлающіе тяжелое и страшное дѣло войны. И за все время я не только ни одного раза не видѣлъ самъ, но и никогда ни отъ кого не слышалъ, чтобы наши войска, хотя-бы однажды, не оправдали благородной добѣрчивости населенія, открывшаго имъ навстрѣчу двери своихъ храмовъ, и что-либо взяли изъ нихъ. Не были пронуты не только находившіеся въ костелахъ священные предметы, но даже и самыя незначительныя принадлежности церковнаго обихода. И это достигалось вовсе не какими-либо репрессивными мѣрами военной власти и даже не взаимнымъ контролемъ, а просто ни единому человеку изъ состава арміи не приходила и не могла прійти въ голову самая мысль о возможности въ данномъ случаѣ преступленія— до такой степени всѣ были далеки отъ него. Въ каждомъ говорило лишь его собственное внутреннее чувство, въ существѣ своемъ чистое, благородное и деликатное, которое и

подсказывало ему соответственные пути действий.

Так поступали мы. Не так, как сожалению, поступает враг. Цѣлымъ рядомъ своихъ действий, обратившихся въ спройную, планомерно проводимую всегда и вездѣ систему, онъ всѣми силами спарается доказать, что его извращенному чувству чуждо все то, что составляетъ самую лучшую, самую благородную сторону человеческой природы, какъ паковой. И, надо правду сказать, это ему удается, какъ нельзя лучше. Даже слѣпые уже прозрѣли и увидѣли, что культурой чувства, культурой нупра врагъ спойтъ на много сполбпій ниже не только современныхъ народовъ Европы, но даже дикарей желтаго и чернаго материковъ...

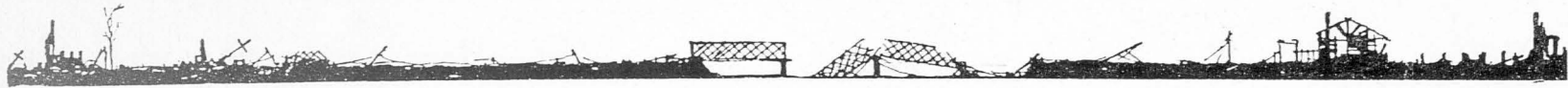
Изъ соенъ видѣнныхъ мной разрушенныхъ церквей и костеловъ сейчасъ передъ моими глазами спойтъ маленькая, скромная, деревянная, лагерная церковь подъ Конскомъ, снаружи совершенно непронутая, но тѣмъ оскорбительнѣе исперзанная внутри. О видѣнномъ въ ней я могу рассказать только кратко... И вовсе не потому, что о немъ, этомъ видѣнномъ, нельзя сказать многого. Совсѣмъ наоборотъ. Кошунственный разгромъ былъ произведенъ до такой степени фундаментально, что о немъ можно было-бы писать на десяткахъ страницъ... Но кто-же на это рѣшится?

Кто найдетъ въ себѣ силу остановиться на ужасѣ долже, чѣмъ это абсолютно необходимо? И чѣмъ больше ужасъ, тѣмъ тяжелѣе на немъ задерживаться,—тѣмъ помпелнѣе хочется скорѣй пройти мимо и скорѣй снова попасть въ круговоротъ привычныхъ и здоровыхъ впечатлѣній жизни...

Церковь была, прежде всего, обращена въ конюшню. На полу вездѣ разбросана солома и характерный глубоководнопмелный мусоръ, встрѣчаемый только въ конюшнѣ. На большой иконѣ, висящей справа отъ алтаря и въ мягкихъ, навѣянныхъ истиннымъ религиознымъ чувствомъ тонахъ и линияхъ изображающей Рождество Христово, написано «30 Pferde»... Глаза Христа-Младенца на этой иконѣ—выколоты преступной рукой... Выколоты также горѣвшіе грустнымъ голубымъ огнемъ глаза Спасителя—на одной изъ мѣстныхъ иконъ. На другой мѣстной иконѣ Богоматери, съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, воплощавшей собой идею одухотвореннаго материнства, два раза написано «Nagt»... Иконы-медальоны царскихъ вратъ выломаны и уничтожены. Алтарь разгромленъ, и на мѣстѣ престола—эскременты человека...

Вотъ, что я увидѣлъ въ несчастной лагерной церкви.

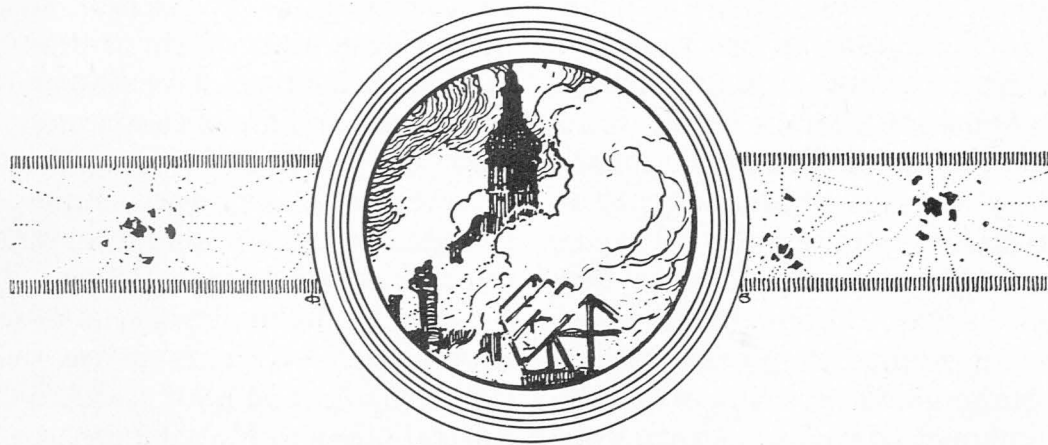
Это, впрочемъ, одна самая часть того ужаса, который былъ совершенъ въ незащи-

ценномъ штыками и артиллеріей храмѣ. Помимо жестоко ущемленнаго религіознаго чувства, мнѣ еще и сейчасъ безконечно больно за врага, стѣдно за то, что поруганнныя святыни не нашли себѣ защиты въ его темной,

омраченной нечеловѣческими инстинктами душѣ...

Народъ, не умѣющій уважать чужихъ святынь,—не достоинъ имѣть и свои собственныя...

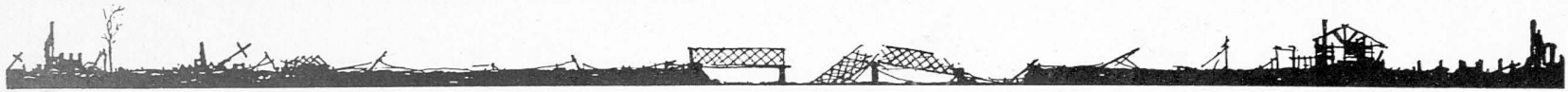
Это было давно, въ самомъ началѣ войны. Пришедшій мнѣ въ голову случай такъ незначителенъ самъ по себѣ, такъ мало характеренъ даже въ бытовомъ отношеніи, что о немъ не слѣдовало-бы и говорить, если-бы онъ не представлялся мнѣ теперь, на разстояніи многихъ мѣсяцевъ войны, въ связи со всѣмъ пережитымъ, однимъ изъ первыхъ звеньевъ той роковой цѣпи жестокостей, которая такъ напряженно куется противникомъ.

Мой полкъ, въ числѣ многихъ другихъ, совершалъ ураганное и побѣдоносное вторженіе въ Галицію. Война была еще новостью, и мы всѣ отдавались ей съ тѣмъ острѣмъ пыломъ, на которъй способенъ человѣкъ, когда онъ весь, забывъ все окружающее, приспособляется къ одной преобладающей идеѣ. Война, да еще къ тому-же «такая» война, составляла тогда все содержаніе нашей жизни, ея пищу, ея воздухъ, ея счастье. Настроеніе подогрѣвалось еще рядомъ ослѣпительныхъ успѣховъ, не омраченныхъ ни единой неудачей. Въ результатѣ всего этого хотѣлось употребить всѣ силы на то, чтобы сдѣлаться достойнымъ этого счастья, хотѣлось стать безупречнымъ, стать благороднымъ, какъ само благородство.

Я вовсе не хочу сказать, что теперь что-то измѣнилось и измѣнилось къ худшему. Во все нѣтъ. Внимательно вглядываясь въ нынѣшнія

настроенія войны, нельзя не прійти къ заключенію, что они способны обезпечить побѣду болѣе, чѣмъ какія-бы то ни было инья. Дѣло въ томъ, что каждому крупному печенію въ обществѣ суждено въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ пережить два отличныхъ одинъ отъ другого періода: періодъ героическій и періодъ, такъ сказать, реальный. Первый представляетъ собою рядъ колючихъ и безудержныхъ порывовъ въ невѣдомое будущее, проявленіе огромныхъ силъ духа и тѣла, опьяненіе увлекательной новизной дѣла. Это періодъ весны. При всей чарующей своей прелести, онъ имѣетъ, однако, и весьма существенныя недостатки: порывы его лишены необходимой выдержки, силы—недостаточно дисциплинированы, опьяненіе—заставляетъ искать крайностей. Періодъ реальный, будучи лишень юношескихъ достоинствъ героическаго, избѣгаетъ въ то же время и его недостатковъ. Это періодъ по преимуществу зрѣлый. Бродившія въ неопредѣленныхъ исканіяхъ силы наши, наконецъ, надлежащую точку своего приложенія, отстоялись, сознали себя и окрѣпли. Порывы въ невѣдомое будущее смѣнились почнымъ знаніемъ того, что надо дѣлать сегодня и завтра. Увлекательное и новое дѣло стало уже старымъ, хорошо знакомымъ и дѣлается поэтому съ той отчепливостью, съ какой рабочій пускаетъ въ ходъ привычную машину, у кото-

ПЕРВЫЯ ЗВЕНЬЯ
СТРАШНОЙ ЦѢ-
ПИ ЖЕСТОКО-
СТЕЙ.

рой онъ работаетъ долгое время. Все это не исключаетъ, конечно, извѣстнаго разумнаго порыва въ дѣлѣ, такъ какъ дѣло войны всегда было и будетъ всѣмъ намъ близкимъ и дорогимъ, а при этихъ условіяхъ въ него будетъ, естественно, вложено все то лучшее, что есть въ каждомъ изъ насъ.

Какъ я уже сказалъ, въ началѣ войны всѣ мы пережили героическій ея періодъ...

Когда приходилось собраться офицерскимъ кружкомъ около вкусно дымящейся походной кухни, невольно хотѣлось подъ шумокъ веселаго разговора подвести грустные итоги войны, не видя на привычныхъ мѣстахъ знакомыя лица. Но все это потчасъ проходило, какъ-то не задѣвая глубокихъ нѣдръ души, въ которыхъ, не умолкая, бродили звуки бодрой пѣсни.

Легкое настроеніе въ значительной мѣрѣ поддерживалось еще тѣмъ удивительнымъ и искреннимъ радушіемъ, съ которымъ насъ всюду встрѣчало русинское населеніе. Будучи не только по своему происхожденію и языку, но и во всѣхъ мелочахъ своего быта русскими, вѣрнѣе малороссами, русины потчасъ по нашему приходѣ въ деревню добровольно и благожелательно открывали намъ не только кувшины съ молокомъ и чашки съ варенымъ картофелемъ, но и, весьма часто, свои души. Подавляющее большинство нижнихъ чиновъ моего полка—были также малороссы, почему

между ними и населеніемъ устанавливались потчасъ самыя дружескія отношенія, заводились на мягкомъ и благозвучномъ нарѣчій береговъ Днѣпра, безконечныя разговоры о хозяйствѣ, о томъ, «какъ у васъ» и «какъ у насъ».

Единственное, что отравляло идиллическую картину движенія въ непріятельскія области—это одно обстоятельство, природу котораго никакъ не удавалось установить, несмотря на цѣлый рядъ предпринимавшихся энергическихъ мѣръ. Обстоятельство это—пожары. Куда бы мы ни пришли, какую бы деревню ни заняли—неизбѣжно къ вечеру въ ней возникалъ пожаръ, испреблывшій цѣлый рядъ крестьянскихъ хозяйствъ. Эти упорные пожары, и паинственные, и непонятные въ одно и то же время, вызвали со стороны нашего военнаго начальства организованную борьбу съ собой. Нижніе чины размѣщались подъ наблюденіемъ не только самыхъ строгихъ подпрапорщиковъ и фельдфебелей, но даже и офицеровъ, было категорически запрещено курить въ крытыхъ помѣщеніяхъ, костры разрешалось раскладывать лишь вдали отъ хозяйственныхъ построекъ и т. п.

Ничто, однако, не помогало.

Пожары съ неослабвающимъ упорствомъ продолжали преслѣдовать насъ и несчастныхъ жителей занимавшихся нами селеній.

Казалось, мы попали въ какой-то заколдованный кругъ, изъ котораго не было выхода.

И вопшь, однажды, когда полкъ споялъ, кажется, въ м. Олеско, происхождение пожаровъ разъяснилось и просто и неожиданно. Разъяснилась также и причина, почему природа ихъ такъ долго и такъ упорно ускользала отъ нашего вниманія.

Ведя войну въ плоскости дозволеннаго ея законами, въ плоскости уваженія къ жизни и имуществу человѣка вообще, особенно же того человѣка, который не участвуетъ въ ней съ оружіемъ въ рукахъ, мы, естественнo, эти наши собственныя ощущенія вкладывали и въ грудь противника, не имѣя еще достаточныхъ основаній считатьъ его хуже себя. Вопшь почему причины пожаровъ мы искали всегда въ себѣ, и только въ себѣ, казня только себя за нихъ и за производившіяся ими опустошенія. Дѣло обстояло, однако, какъ оказалось, совершенно иначе...

Было, какъ сейчасъ помню, свѣтлое прозрачное утро той ранней осени, когда лѣто еще не совсѣмъ окончилось, а осень еще не совсѣмъ наступила, когда во всѣхъ подробностяхъ пейзажа, въ окраскѣ неба, въ невидимыхъ токахъ воздуха, чувствовалось уже начало вѣковѣчной борьбы добра со зломъ, свѣта съ тьмой, тепла съ холодомъ, борьбы, воспѣтой въ эпосѣ всѣхъ народовъ, отразив-

шейся въ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, въ ихъ культѣ.

Небольшое и довольно грязное мѣстечко, населенное поляками, русинами и еврейской бѣднопопой, какъ-бы сознавая значительность происходившей въ природѣ борьбы, почистилось и, освѣщенное разсѣянными и косыми лучами склонявшагося къ зимѣ солнца, выглядело какъ-бы чище, чопорнѣе и привѣпливѣе. На угрюмой скалѣ за мѣстечкомъ высились молчаливыя развалины замка, въ которомъ родился «самъ» Янъ Собѣсскій, шептавшія таинственную сагу. Вдали синѣющими силуэтами, застилаая всю необъятную ширь горизонта, вздымались мягкіе отроги Карпатъ...

Не взирая на раннее утро, я былъ уже въ штабѣ полка, занявшемъ помѣщеніе мѣстнаго Общества взаимнаго кредита, брошеннаго на произволъ судьбы его хозяевами съ распоренными окнами и оппертыми дверцами нестерраемыхъ кассъ. Вошелъ дежурный писарь и доложилъ, что нижніе чины полка привели австрійца. Выхожу и вижу двухъ молодцеватыхъ солдапиковъ и между ними сѣро-синюю фигуру человѣка въ австрійскомъ обмундированіи, но безъ головного убора. Фигура какъ-то странно ежился, безпокойно озирается по сторонамъ и, видимо, чего-то боится. Мнѣ сразу это показалось подозрительнымъ. Австрійскіе плѣнные вовсе не имѣютъ такого

заправленнаго вида. Не смотря на новизну войны и связанной съ нею обстановки, нижніе чины австрійской арміи уже отлично поняли психологію своего противника и, сдаваясь въ плѣнъ подъ напоромъ измѣнивашаго имъ счастья войны, дѣлали это далеко не съ видомъ обреченныхъ на смерть. Они успѣли уже узнать, что русскіе убиваютъ только на полѣ боя.

— Гдѣ взяли австрійца?

— Это, ваше высокоблагородіе, не австріецъ, а просто дѣшній хрестіанинъ, — доложилъ мнѣ одинъ изъ солдатиковъ, полагая, очевидно, что почетное званіе австрійца могутъ носить только чины австрійской арміи. Передавая мнѣ отобранную у «хрестіанина» бутылку съ бензиномъ, пряпки и спички, онъ объяснилъ далѣе, что, проходя мимо одного изъ стоговъ сѣна у мѣстечка, онъ замѣтилъ на боковой его сторонѣ свѣже выбранное и вновь заложное сѣно мѣсто. Это показалось ему подозрительнымъ, онъ засунулъ въ взрыхленное сѣно руку и напнулся на чью-то ногу. Съ помощію подошедшаго земляка ему удалось извлечь изъ стога стоявшаго передо мной человека и отобрать отъ него бензинъ, пряпки и спички. Произведеннымъ путемъ же на мѣстѣ допросомъ ему удалось также выяснитъ и то обстоятельство, что задержанный не принадлежалъ къ составу арміи, а былъ просто хрестіаниномъ одной изъ недалекихъ деревень.

Я велѣлъ арестовать приведеннаго. Допросъ его далъ совершенно неожиданныя для всѣхъ результаты. Оказалось, что, очищая какой-либо районъ, противникъ оставялъ въ немъ цѣлую армію поджигателей, снабжая ихъ всѣми приспособленіями для производства поджоговъ и, въ зависимости отъ обстоятельствъ, даже военнымъ обмундированіемъ. Назначеніе этой арміи заключалось въ томъ, чтобы немедленно зажигать занимаемую нами деревню, давая этимъ знать, что она уже занята. Военнымъ костюмомъ, по словамъ задержаннаго хрестіанина, ихъ снабжали для приданія извѣстнаго вѣса въ глазахъ пуземаго населенія. Неумѣлое пользованіе этимъ костюмомъ и послужило причиной задержанія стоявшаго передо мной поджигателя, а его неумѣстная болтливость раскрыла всю гнусную организацію поджоговъ.

Жестокій человекъ, рѣшившійся за деньги на скверное дѣло, былъ отправленъ въ Штабъ корпуса, и я потерялъ его изъ вида, но разсказанное имъ раскрыло всѣмъ намъ впервые глаза. Всѣ мы ясно увидѣли, какую злую и извращенную силу имѣли мы передъ собой въ лицѣ врага, который не задумывался сжечь цѣлую деревню своихъ гражданъ, разрушитъ сотни благосостояній, разбитъ тысячи жизней для того, чтобы передать своимъ войскамъ, находившимся въ десяти верстахъ, только три слова: «деревня занята русскими».

Мнѣ пришлось по казенной надобности побывать на позициях одного из крупных подразделений юго-западного фронта в той его части, где онъ, упрямо выдвинувшись впередъ, врѣзался глубокимъ и тупымъ клиномъ въ расположение боевыхъ линій противника.

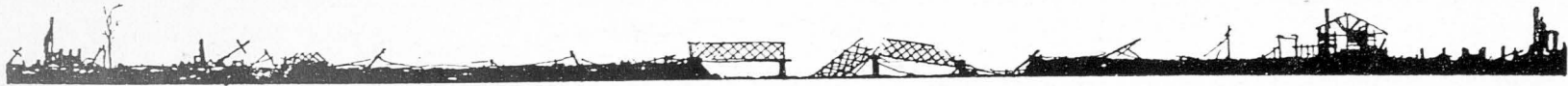
Былъ періодъ длительнаго замишья. Только изрѣдка раздавалось то тамъ, то здѣсь тяжелое уханье орудій, будившее и людей, и дремавшую природу, да слышалось гдѣ-то сухое щелканье ружейнаго огня... А потомъ снова тишина, снова пѣсни жаворонковъ, вонзавшіяся въ прозрачныя волны весенняго воздуха, и снова голубое небо, улыбающееся тому, что

на немъ уже успѣло растаять послѣднее облачко отъ разрыва шрапнели...

Я люблю какой-то жупкой любовью жизнь на позицияхъ. Она полна той прагматической красоты, которой намъ такъ замѣтно не хватаетъ въ обычной жизни.

Въ ней вы сразу усматриваете опредѣленный планъ, желѣзную спрочность системы, единую надъ всѣмъ тяготящую и все направляющую волю, т. е. все то, что должно составлять истинную сущность всякой жизни, и что, къ сожалѣнію, уничтожается въ ней столкновениемъ отдѣльных интересовъ, отдѣльных влеченій и характеровъ...

КОСТЕЛЪ
ВЪ ПАРАДЫЗѢ.

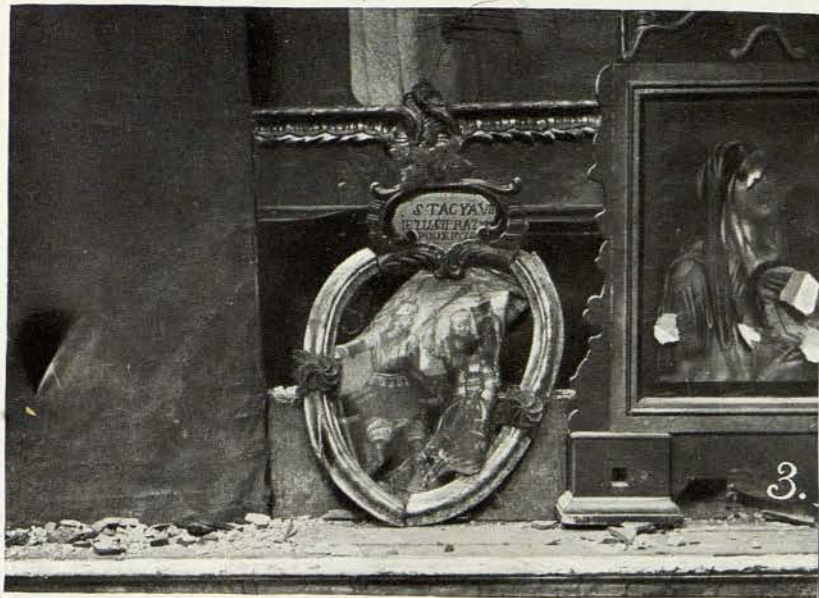
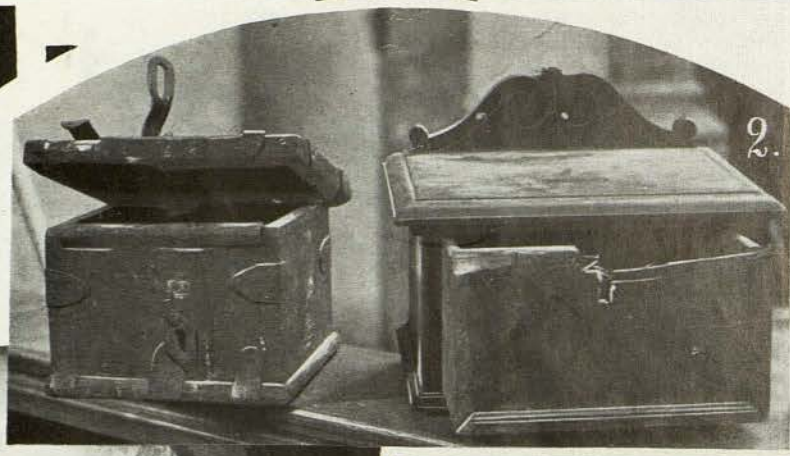
Періодъ запишья использованъ войсками въ полной мѣрѣ. Люди отдохнули, одѣлись, почистились, многому подучились. Учатся еще и теперь. Вездѣ приборы для повѣрки прицѣливанія, чучела для колки, гимнастическіе снаряды, однимъ словомъ, весь знакомый и милый обиходъ лагерной жизни, перенесенный сюда чѣй-то заботливой рукою. Съ занятій всѣ возвращаются съ пѣснями—загорѣлые, бодрые, веселые, шумливые... Въ собравшейся кучкѣ офицеровъ—смѣхъ... Разговоръ идетъ прерывчатый, нервно оживленный и веселый, такой, какой обыкновенно складывается, когда сходится нѣсколько молодыхъ, здоровыхъ людей, которые знаютъ, что они молоды и здоровы. Рассказываютъ о случаѣ на волжскомъ пароходѣ, когда порывомъ вѣтра сорвало и бросило въ рѣку шляпу одной молодившейся дамы вмѣстѣ съ ея парикомъ... Смѣются... Рассказываютъ, какъ на-дняхъ нѣсколько тяжелыхъ батарей противника выбросили впродолженіе дня въ одну изъ сосѣднихъ деревень болѣе 1000 снарядовъ, убившихъ всего лишь одну курицу и одного пѣтуха. И снова смѣются... Рассказываютъ далѣе, какъ передъ самой Пасхой неприятель выпустилъ въ порывѣ ненужной жестокости болѣе 2000 снарядовъ по костелу и по селу Парадизъ, находившимся въ 4-хъ верстахъ отъ окоповъ, превративъ въ груды развалинъ все то, что уцѣлѣло послѣ опусто-

шительнаго отступленія его арміи, не пощадившей ни людей, ни святынь... Этому уже никто не смѣется... Вдругъ спало какъ-то тихо и неловко... Сдѣлалось не по стыдно за противника, не по неловко за офицера, вспомнившего въ такой славный весенній вечеръ объ этой безцѣльной жестокости...

Мнѣ захопѣлось посмотреѣть на разгромленный костелъ. Въ насъ, маленькихъ людяхъ, заложено какое-то болѣзненное стремленіе созерцать поверженное въ прахъ величіе. Быть можетъ, это несознанная зависть маленькаго большому, быть можетъ, что-либо иное—не умѣю сказать. Съ расширенными отъ ужаса глазами, съ остановившимся сердцемъ, но и съ колючей жадностью, посмотримъ мы всегда на распостертое передъ нами великое...

Я поѣхалъ... Черезъ полчаса остановился въ небольшой, очень чистой, вѣроятно, въ прошломъ, деревнѣ съ каменными домиками, съ двухэтажной больницей и съ большою площадью, замкнутой съ одной стороны огромнымъ массивомъ костела. Костелъ—старинный, построенный въ началѣ XVI столѣтія и бывший до середины прошлаго столѣтія монастыремъ.

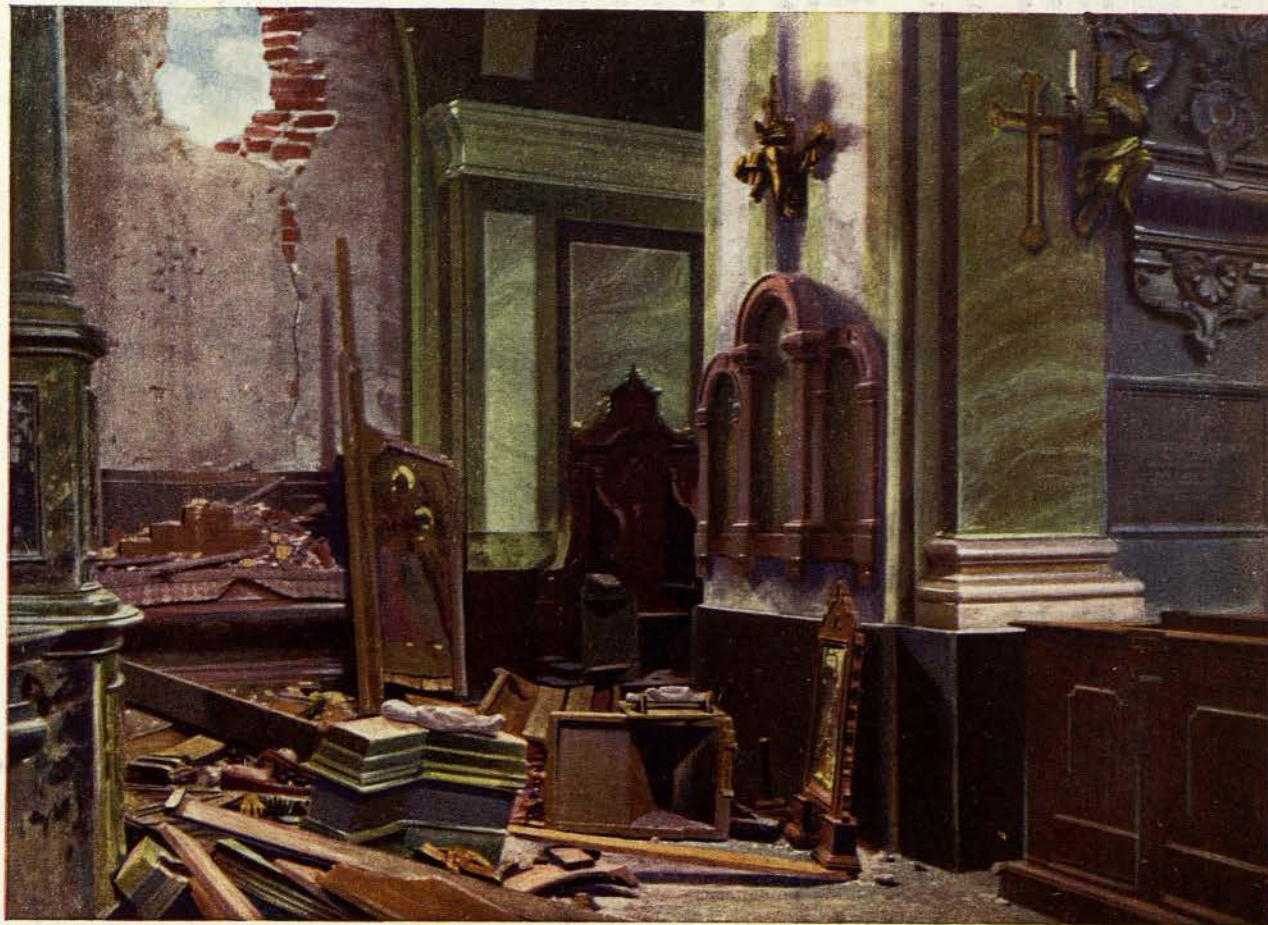
На стѣнахъ его, на стѣнахъ старинной колоннады, заботливо обступившей со всѣхъ

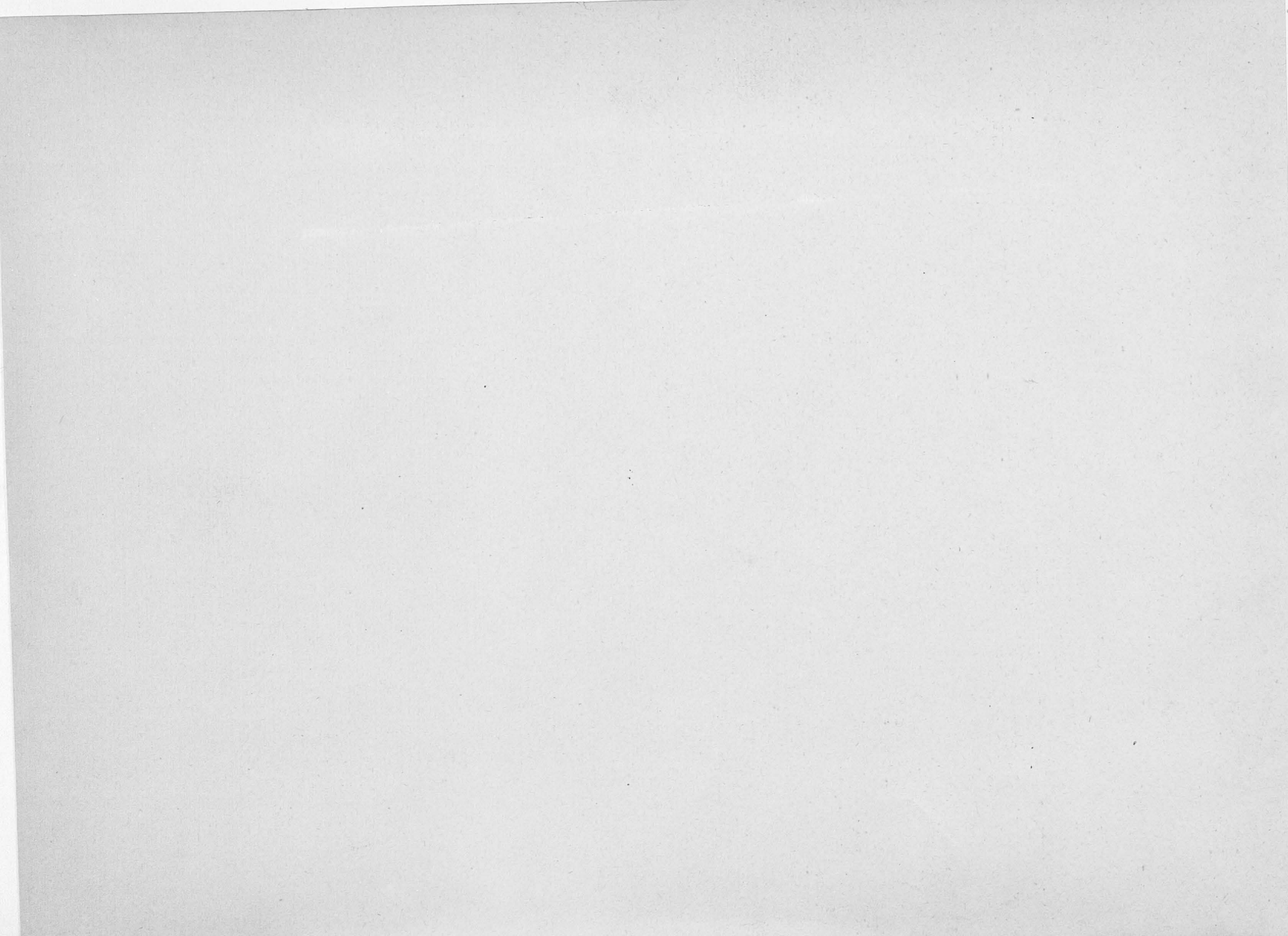
Костель въ с. Парадызъ, Радомск. губ. (бывшій монастырь).
1. Видъ разрушенной крыши.
2. Ограбленныя церковныя кружки съ пожертвованіями въ пользу бѣдныхъ, на правой изъ которыхъ имѣется надпись: «Ofiara na chléb S-go Antoniego». 3. Двѣ изъ истерзаннѣхъ ножами иконь. 4. Боковыя алтари.

Костель въ селѣ Парадызь, Радомск. губ. 1. Внутренній видъ одной изъ келій. 2. Видъ монастырскаго двора. 3. Одинъ изъ монастырскихъ коридоровъ съ дверями келій. 4. Видъ разгромленной части села съ жителями, разыскивающими среди пожарища уцѣлѣвшее имущество.

Внутренній видъ костела въ селѣ Парадвизь.

сторонъ костельный дворъ съ задумчивой статуей Мадонны посрединѣ — легко прочитывается цѣлая поэма одной изъ старинныхъ польскихъ фамилій.

Вездѣ мертвенно и пусто... Ни людей, ни даже животнохъ... Пробираясь среди развалинъ, я вошелъ внутрь бывшихъ монастырскихъ строеній. Огромные коридоры, длинные, какъ вѣка, пропекшіе мимо ихъ молчаливыхъ оконъ, обращены въ жуткія груды кирпича, известки и пыли. Ни крыши, ни сводовъ, ни стѣнъ. Все сметено порывомъ налетѣвшаго ужаса...

Маленькія келби, еще, сравнительно, не столь давно обвѣянные мягкой задумчивостью монастырскаго подвига, завалены до краевъ смѣсью камня, желѣза и дерева...

Вхожу въ костель... Даже разрушенный, онъ красивъ той хорошей, здоровой красотой, какой бывають красивы только старинныя зданія. Опдѣланъ — въ стилѣ ренессансъ. До разрушенія въ немъ было много дорогой рѣзьбы, позолоты, старинныхъ иконъ. Теперь все, что можно было испортить, разрушить, оскорбить — разрушено и оскорблено... И то, какъ это сдѣлано — поражаетъ своей безцѣльностью и явной ненужностью...

Видимо, разрушали ради разрушенія. Преслѣдовали не цѣли войны, а руководились голосомъ внутренняго чувства, къ сожалѣнію, жестокаго и преступнаго...

Выкололи иконамъ глаза, взрѣзали ихъ ударами штыковъ, написали на нихъ непристойности, разрушили, разграбили и осквернили алтари — и все это, видимо, безъ порыва, безъ ослѣпленія внезапно налетѣвшимъ угаромъ бѣшенства, а методически, съ сквернымъ убожденіемъ въ помъ, что это именно потому и должно быть сдѣлано, что оно скверно...

На душѣ у меня сдѣлалось вдругъ грустно и за кого-то стыдно...

Изъ всѣхъ мелочей разрушенія назойливо выплзаль вопросъ:

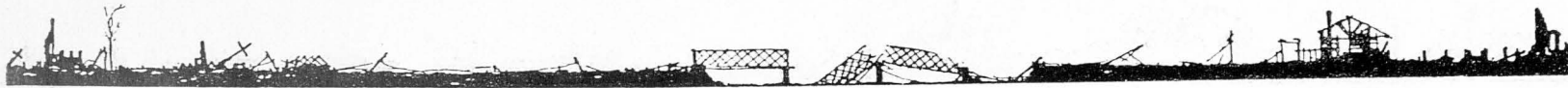
— Зачѣмъ?

Этотъ вопросъ шептали четырехсоплѣвыми устами и длинные монастырскіе коридоры, и скорбныя келби, и исперзанные лики святыхъ, и оскорбленные алтари...

А когда я уже выходилъ изъ церковной ограды и взглянулъ на Мадонну, грустно стоявшую посреди обрамленнаго колоннадой двора, мнѣ показалось, что и она, глядя на меня каменными глазами изваянія, тихо шептала:

— Зачѣмъ?..

Однимъ изъ самыхъ отвратительныхъ проявленій жестокихъ инстинктовъ пропивника, проводимыхъ имъ на всемъ протяжении войны, на всѣхъ фронтахъ и при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ боевой обстановки— является употребленіе имъ разрывныхъ пуль. Фактъ ихъ употребленія до такой степени зауряденъ и, вслѣдствіе этого, до такой степени общеизвестенъ, что не требуетъ никакихъ спеціальныхъ доказательствъ, давно обратившись во всеобщее убѣжденіе.

Интереснымъ моментомъ этой категоріи злѣрства является по обстоятельству, что отвѣтственность за него падаетъ не на отдѣльныхъ чиновъ непріятельскихъ армій, а совершенно на Германское и Австро-Венгерское правительствъ, официально дѣйствующія отъ имени представляемыхъ ими народовъ. Если отдѣльный прупъ ребенка съ перерѣзаннымъ штыкомъ-пилой горломъ, если отдѣльная изнасилованная женщина, икона съ выколотыми глазами и т. п., какъ всякій изолированный случай эксцесса, могутъ быть объяснены пропивникомъ *) извращенностью какого-нибудь Гинце, Шульца или Мюллера, то въ исторіи съ разрывными пулями дѣло обстоитъ совершенно иначе. Здѣсь само пра-

*) Такое объясненіе, конечно, ни для кого не убѣдительно, ибо для насъ жестокости врага не являются изолированными случаями, составляя характерную обстановку всѣхъ его дѣйствій.

вительство, въ лицѣ вѣдомства артиллерійскихъ снабженій, даетъ распоряженіе объ изготовленіи опредѣленнаго количества боевого матеріала, воспрецаемаго къ употребленію не только законами и обычаями войны, но и здоровымъ человѣческимъ чувствомъ, и затѣмъ этотъ изготовленный матеріалъ, дѣлая на немъ особый условный знакъ, о которомъ будетъ рѣчь ниже, направляетъ въ дѣйствующую армію. Такимъ образомъ, великолѣпно зная напередъ— съ одной стороны катастрофичность раненія разрывными пулями и общее количество отправляемыхъ въ армію пуль, а съ другой— учитывая на основаніи опыта приблизительный процентъ попаданій, правительствъ впередъ уже и, при томъ, совершенно сознательно обрекаетъ опредѣленное число чиновъ нашей арміи на незаслуженныя и ужасающія по своимъ послѣдствіямъ раненія.

Чины вражескихъ армій, получивши для употребленія разрывныя пули, находятся еще въ значительномъ худшемъ, въ моральномъ отношеніи, положеніи, чѣмъ само ихъ правительствъ. Если правительствъ, отправляя въ армію, положимъ, сто тысячъ разрывныхъ пуль, знаетъ, что изъ ста выпущенныхъ изъ винтовки пуль работаетъ на пораженіе всего одна, оно тѣмъ самымъ уже предопредѣляетъ одну тысячу человѣческихъ тѣлъ на капа-

строфическое ранение. Въ иномъ положеніи находится какой-нибудь Шульцъ или Гинце. Не зная, какая именно его пуля даетъ попаданіе, онъ каждый разъ одинаково спарашельно прицѣливается, а потому и каждый разъ можетъ разсчитывать на то, что посчастливится именно данной пулѣ, и именно она дастъ требуемый отъ нея эффектъ. Такимъ образомъ всѣми Шульцами и Гинце, вмѣстѣ взятыми, совершается ровно столько преступленій противъ закона войны и человечности, сколько ими въ общей сложности выпускается разрывныхъ пуль.

Всѣ употребляемая противникомъ разрывныя пули по принципу, на которомъ основано ихъ разрывное дѣйствіе, можно подраздѣлить на двѣ части: на собственно разрывныя и на полуоболочечныя (пули думъ-думъ).

Дѣйствіе первыхъ обуславливается спеціальнымъ взрывающимъ механизмомъ, включеннымъ въ никкелевую оболочку, дѣйствіе-же вторыхъ достигается просто нарушеніемъ цѣлости никкелевой оболочки пули, или путемъ надрѣзовъ ея поверхности, параллельныхъ длинной оси, или недоведеніемъ эпои оболочки до конца пули, при ея изготовленіи на заводѣ, или, еще проще, скусываніемъ или спачиваніемъ ея вершины.

Изъ чертежа № 5, помѣщенного на 1-й сборной таблицѣ (см. позади текста), видно

устройство австрійской собственно разрывной пули.

Вся пуля этого типа покрыта никкелевой оболочкой. Въ головной части оболочки вставлена свинцовая пуля (1), ниже пули помѣщенъ зарядъ (2), состоящій изъ весьма энергичнаго взрывчагаго вещества. Зарядъ заключенъ въ никкелевую оболочку съ капсулемъ (3) въ доньшкѣ и состоитъ, согласно химическаго анализа, изъ чернаго пороха, спрессованнаго съ нѣкоторой частью алюминія. Ниже заряда находится спаканчикъ изъ никкеля (4), въ коемъ помѣщено ударное приспособленіе, состоящее изъ мѣднаго кольца (5), разрѣзаннаго параллельно оси, и мѣднаго ударника (6), болѣе или менѣе свободно двигающагося впередъ и назадъ въ разрѣзанномъ кольцѣ. Между никкелевой оболочкой пули и зарядомъ имѣется свинцовая прослойка (7).

Дѣйствіе пули происходитъ слѣдующимъ образомъ: при ударѣ ея въ какое-либо постороннее тѣло, въ силу закона инерціи, происходитъ внутреннее перемѣщеніе ея частей. Ударникъ (6), сохраняя, согласно названнаго закона, прежнюю скорость, даже и послѣ удара пули въ какое-либо тѣло и происшедшаго вслѣдствіе этого замедленія ея движенія, перемѣщается въ кольцо (5) нѣсколько впередъ, по направленію движенія пули и своимъ заостреннымъ концомъ ударяетъ въ капсуль (3),

который воспламеняется и взрывает заряд (2).

Пуля этого типа, разрываясь, дает значительное количество осколков, иногда едва видимых простым глазом, но острых, весьма неправильной формы, распыленных по всей изъязвленной поверхности раны, проникающих довольно глубоко внутрь раны и весьма затрудняющих нормальное заживление ее тем более, что они не поддаются полному извлечению, и в извѣстной своей части всегда остаются в тѣлѣ человека. Из рань, причиненных пулями этого рода, весьма часто извлекаются вмѣстѣ съ осколками оболочки также и части взрывающаго приспособления, какъ-то: стаканчикъ, ударникъ, капсуль и т. п. Кости, попадающіяся на пути пули, раздробляются на самыя мелкія части, а газы, развивающіеся при взрывѣ пули, оказываютъ губительное вліяніе на состояніе раны.

Дѣйствіе пуль второго типа, полуоболочечныхъ, основано также на проникающемъ всю природу законѣ инерціи. Дѣло въ томъ, что, при ударѣ пули въ какое-либо постороннее тѣло, хвостъ ея, по закону инерціи, продолжаетъ еще нѣкоторое время свое движеніе съ прежней скоростью въ то время, какъ головка уже потеряла нѣкоторую ея часть. При этомъ хвостъ, догоняя головку и какъ-бы наваливаясь на нее, стремится сплющить

сердечникъ пули. Такимъ образомъ получается довольно значительный нажимъ сердечника на оболочку. Оболочка, если она цѣла и доспапочно крѣпка, призвана, такъ сказать, принять на себя этотъ нажимъ, не подвергаясь при этомъ деформации.

Вполнѣ понятно, что если никкелевая оболочка недоспапочно крѣпка, или если она умышленно нарушена, хотя-бы въ нѣкоторой своей части, она уже не можетъ выполнить своего назначенія, сердечникъ разворачиваетъ ее, деформируется самъ, и вся масса разорванной оболочки и деформированнаго свинца, прокладывая себѣ дорогу черезъ человеческое тѣло, производятъ въ немъ ужасающія разрушенія.

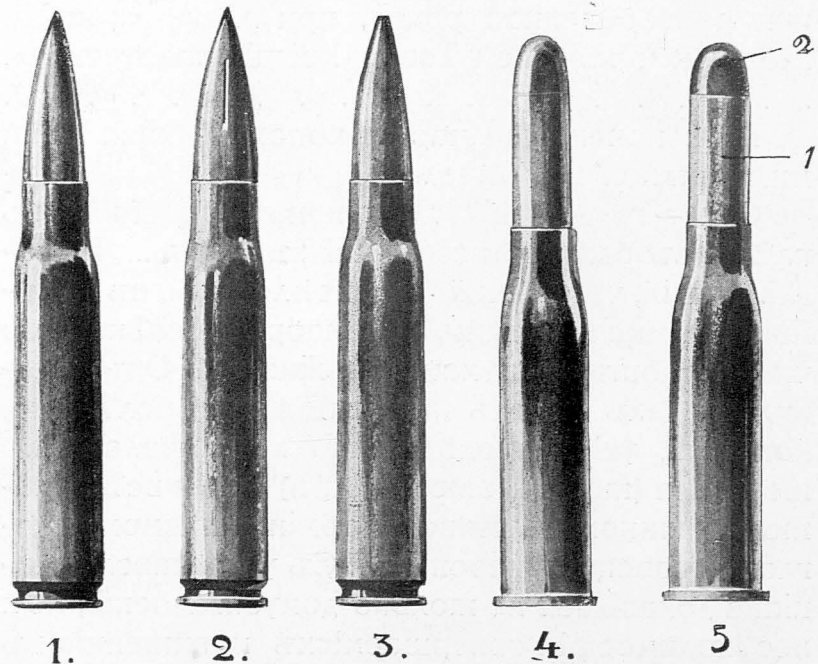
Изъ приложенныхъ ниже чертежей видны подробности устройства различныхъ полуоболочечныхъ германскихъ и австрійскихъ пуль.

Чертежъ № 1 изображаетъ обыкновенную германскую оспроконечную пулю, чертежъ № 2 — германскую пулю съ оболочкой, нарушенной двумя взрѣзами, параллельными оси, и чертежъ № 3 — ту-же пулю со срѣзанной у вершины конуса оболочкой.

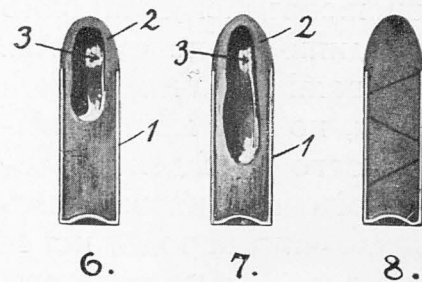
На чертежахъ 5, 6 и 7 изображены австрійскія полуоболочечныя пули: чертежъ № 5 представляетъ наружный видъ патрона съ пулей, состоящей изъ никкелевой оболочки (1), недоходящей до конца пули, и свинцоваго сердечника (2). Чертежи №№ 6 и 7 изображаютъ два различ-

ныхъ образца этой пули въ разрѣзѣ. На чертежахъ 6 и 7 нумерація отдѣльныхъ частей пули

сохранена та-же, что и на чертежѣ № 5. Внутри пули видны пустоты (3), назначеніе коихъ заключается въ томъ, чтобы ослабить сердечникъ и вызвать при ударѣ его большую деформацию, а, слѣдовательно, и болѣе грозное раненіе. Чертежъ № 8 изображаетъ пулю

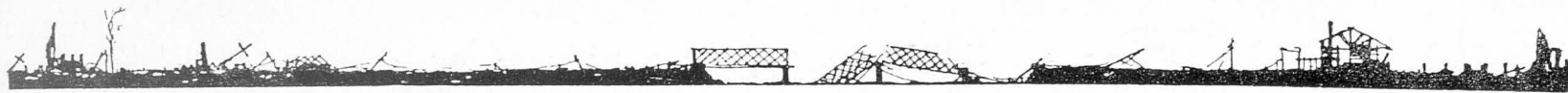
Бейса, состоящую изъ 4-хъ отдѣльныхъ частей. Названныя части изготовлены изъ мягкаго свинца, сильно деформируются при попаданіи и производятъ 4 отдѣльныхъ весьма тяжелыхъ раненія. На черт. № 4 представленъ австрійскій папронъ съ обыкновенной пулей.

Австрійскіе папроны съ собственно разрывными пулями получаютъ въ войскахъ уже вполне готовыми для разрывного дѣйствія и отмѣчены темнымъ пояскомъ на каждой гильзѣ.

Германскіе папроны съ разрывными пулями только въ нѣкоторой своей части изготовляются на папронныхъ заводахъ, а въ остальной—фабрикуются уже на театрѣ войны, въ отдѣльныхъ частяхъ войскъ, гдѣ имѣются особые щипцы для скусыванія острого угла конуса остроконечной пули и нарушенія такимъ образомъ, цѣлости никкелевой оболочки.

Такихъ щипцовъ, опобранныхъ у врага, въ арміи теперь имѣется, вѣроятно, уже не мало, и я самъ видѣлъ таковыя, если не ошибаюсь, въ 20-мъ или 21-мъ Туркестанскомъ стрѣлковомъ полку.

Раны, наносимыя разрывными пулями всѣхъ типовъ, производятъ потрясающее впечатлѣніе даже на человѣка, привыкшаго къ войнѣ и ея жестокому обиходу. Характерныя ихъ черты—это небольшое входное отверстіе (съ обожженными краями въ случаѣ раненія собственно разрывной пулей) и огромное выход-

ное съ рваными краями и неровной поверхностью изъязвленія.

Передо мною лежить исторія болѣзни одного изъ раненыхъ разрывной пулей, находящагося на излеченіи въ полевомъ запасномъ госпиталѣ. Въ ней стекляннѣмъ языкомъ протокола изображена одна изъ пѣхъ трагедій, которыхъ такъ много разсѣяно противникомъ.

Вопь, что мы читаемъ въ этой исторіи болѣзни: «Рядовой 152 пѣхотнаго Владикавказскаго полка Маймузинъ Маймуловъ Сибилапулла. Раненъ 21 Мая 1915 года у Шавель разрывной ружейной пулей. Входное отверстіе въ лобной кости на 1 сантиметръ выше правой надбровной дуги. Діаметръ входного отверстія соответствуетъ діаметру ружейной пули. Выходное отверстіе представляетъ собой громадную развороченную рану въ области правой глазной впадины, правой скуловой кости и правой щеки. Правый глазъ и правая скуловая кость разрушены. Въ ранѣ обнаружены части взрывающаго механизма разрывной пули, а также значительное число мелкихъ костныхъ осколковъ и осколковъ, происшедшихъ отъ разрыва никкелевой оболочки пули».

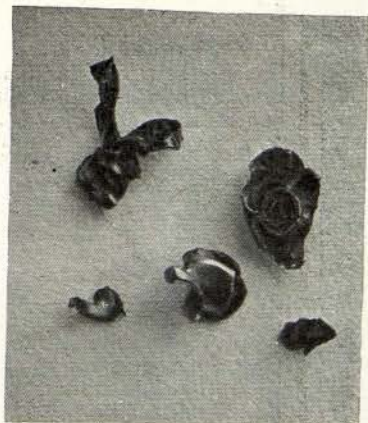
Какъ просто и какъ мало сказано въ цитированной части исторіи болѣзни... Но объ ужасѣ, который скрывается за этими простыми словами, нельзя догадаться... О размытіи его можетъ знать только тотъ, кто

своими глазами видѣлъ, какъ выглядить голова человека, которой нанесена «громадная развороченная рана», при чемъ «правый глазъ и правая скуловая кость разрушены».

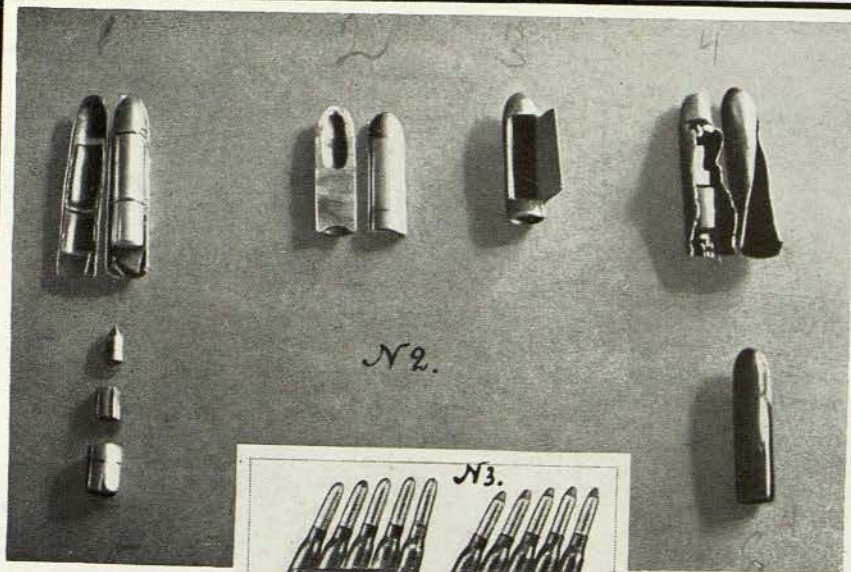
Мнѣ почему-то часто вспоминается одна мимолетная встрѣча...

Онъ — германскій лейтенантъ, взятый въ плѣнъ въ одномъ изъ ночныхъ боевъ... Высокій, пощій, чрезвычайно испомленный, съ оставшимися глазами, въ которыхъ свѣтилось что-то отъ потухающей жизни... Онъ, очевидно, былъ боленъ той страшной болѣзью, которая, увы, столь часто встрѣчалась въ то время (теперь этого нѣтъ) среди всѣхъ категорій чиновъ германской арміи: цинизмомъ и наглою беззастѣнчивостью... Съ упорствомъ маниака доказывая не только допустимость, но и необходимость совершаемыхъ противникомъ зверствъ, онъ сказалъ, между прочимъ, что Германия, надо думать, останется въ текущей войнѣ побѣдительницей, а побѣдителей не судятъ...

Я не стану останавливаться на моральной мерзости этого заявленія, но я не могу не высказать глубочайшаго своего убѣжденія, раздѣляемаго, вѣроятно, всѣмъ цивилизованнымъ человечествомъ, въ томъ, что народъ, исповѣдующій «такой» символъ вѣры, недостоинъ побѣды и въ конечномъ счетѣ не можетъ и не будетъ имѣть ея...

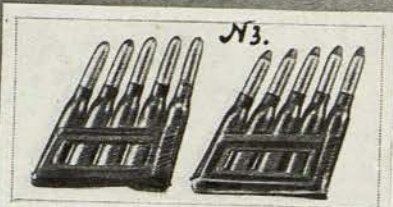
№1.

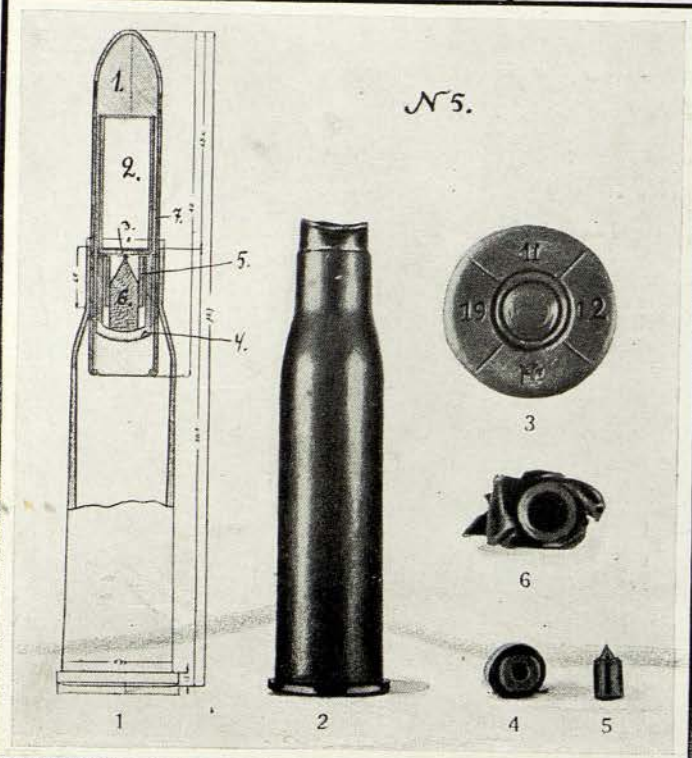
№2.

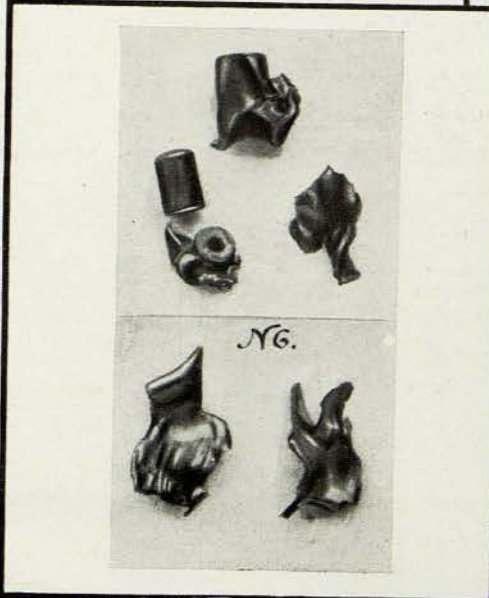
№4.

№3.

№5.

№6.

+

Удѣль сербской армии
Милана Ставилья
Рижск 234 сентибр
на черной баря
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ
ОБЩЕСТВО
ЛАЗАРЕТЬ
Чисти пули, изъбави
ныя изъ ранъ.

Сентибр 19 год 1914 г.
№: Сер. листъ 29

x

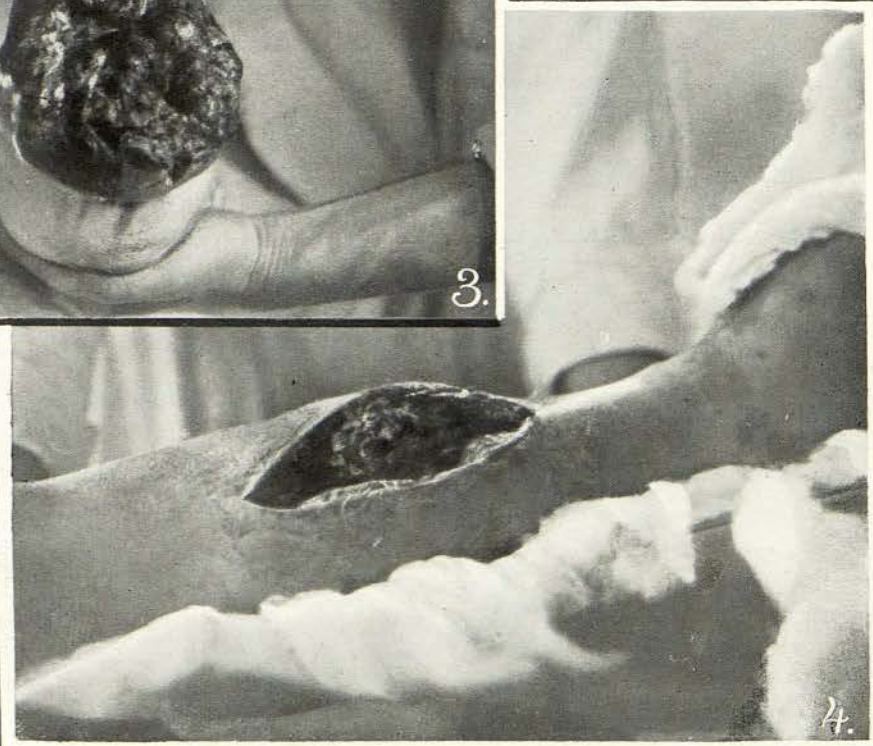
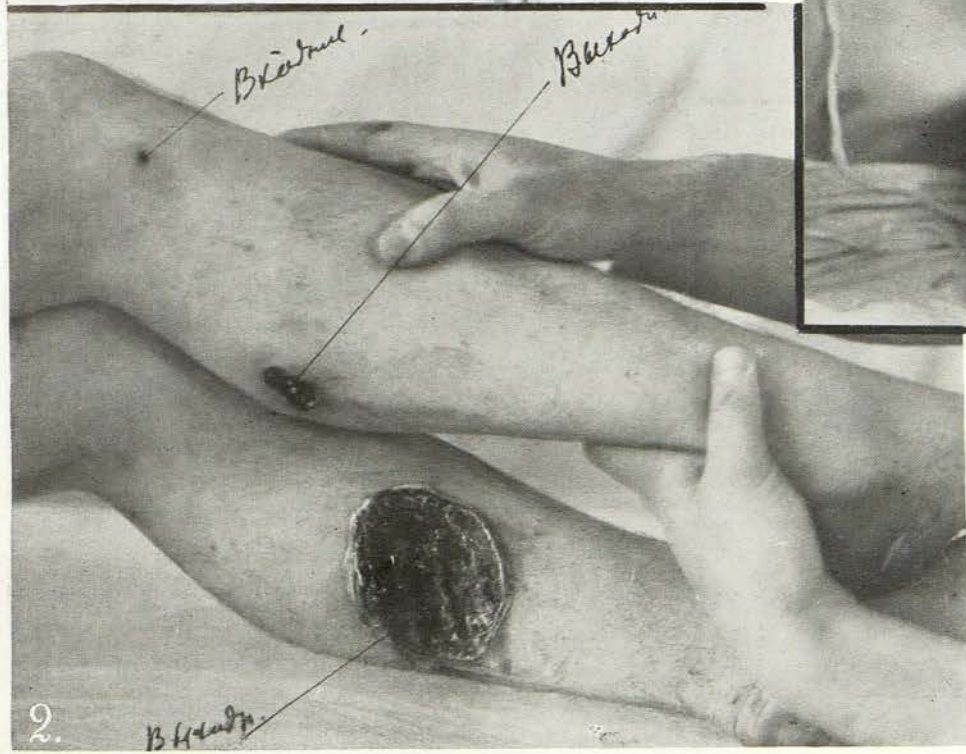
№7.

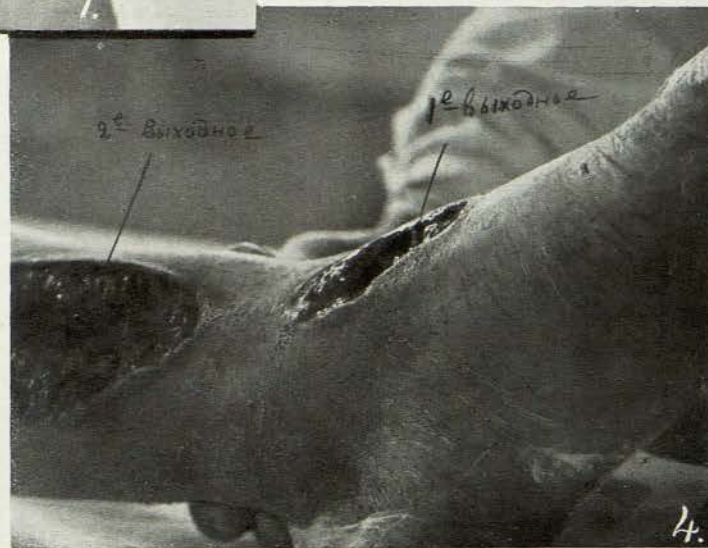
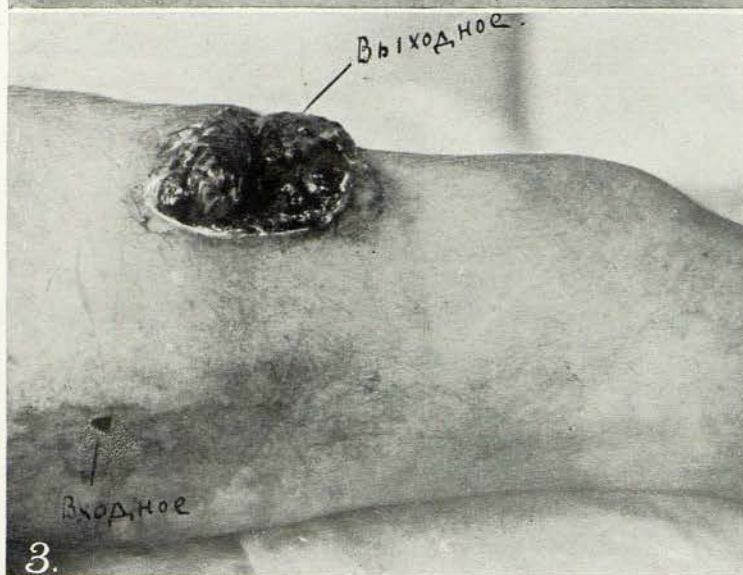
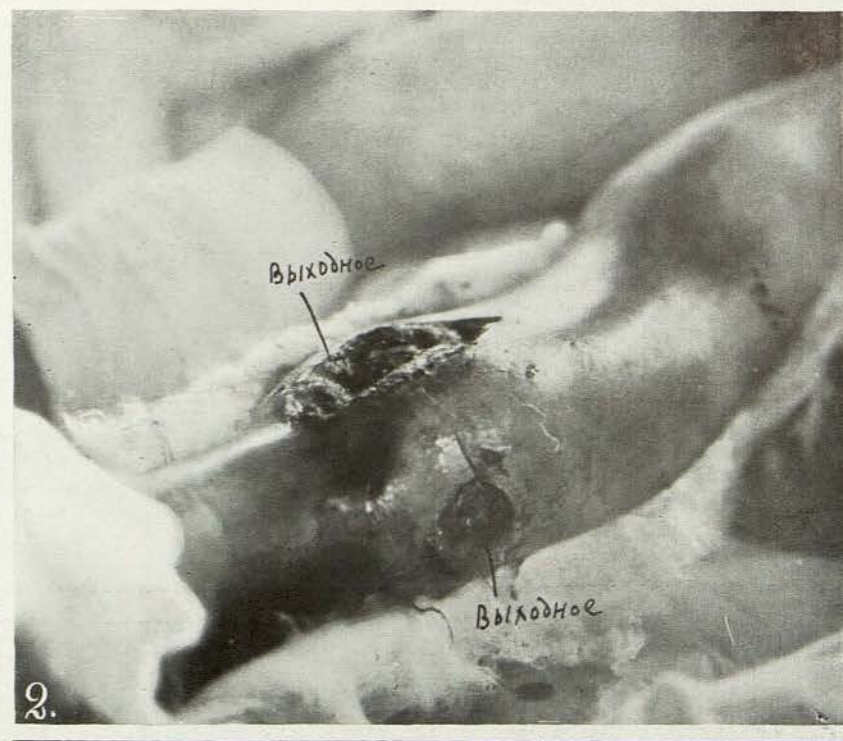
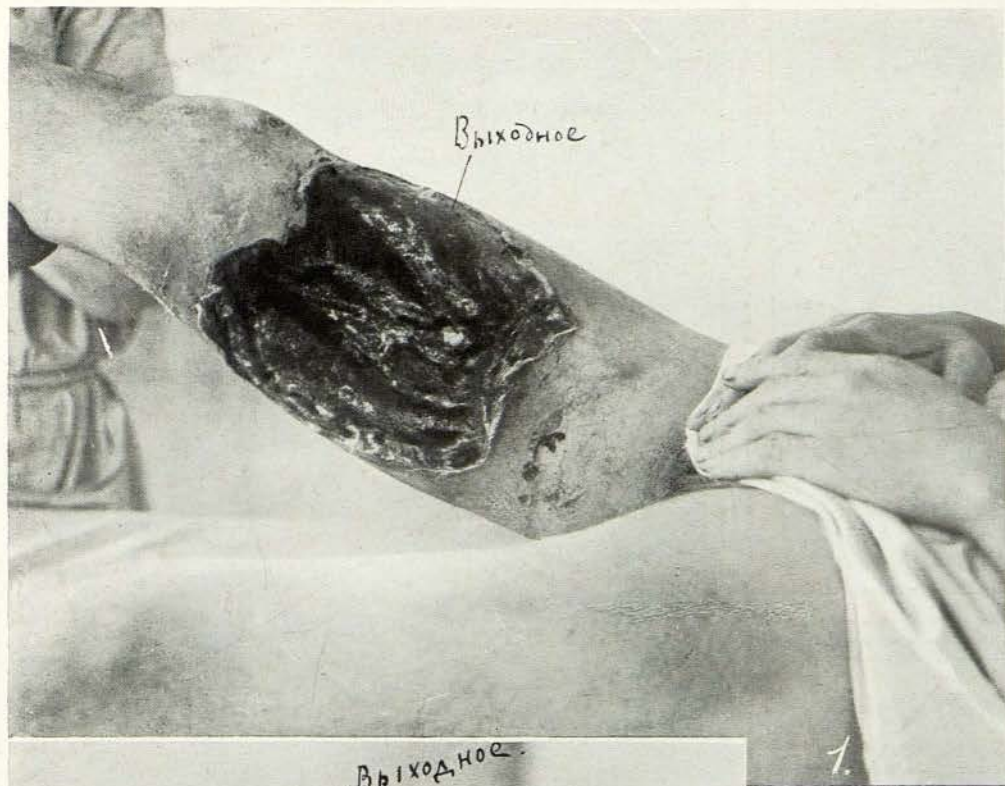
Старый брояръ Н. Сувелья

Разрывная пули. 1. Части разрывной пули, вынутыя изъ тѣла раненаго. 2. Австрійскія разрывныя и полуоболочечныя (дум-думъ) пули въ разрьбъ. 3. Лѣвая обойма—содержитъ обыкновенныя австрійскія пули, а правая полуоболочечныя (дум-думъ) съ срѣзанной верхней частью оболочки. 4. Части оболочки германской разрывной пули, вынутыя изъ тѣла. 5. 1) Австрійскій патронеъ съ разрывной пулей въ разрьбъ (см. текстъ). 2) Гильза. 3) Гильза—виль снизу, гдѣ имѣется дата 1912 годъ и австрійскій государственный гербъ. 4, 5 и 6) Части взрывающаго механизма (см. текстъ). 6. Части австрійской разрывной пули, вынутыя изъ тѣла раненаго. На снимкѣ видны также части взрывающаго приспособленія. 7. Одинъ изъ страшныхъ документовъ.

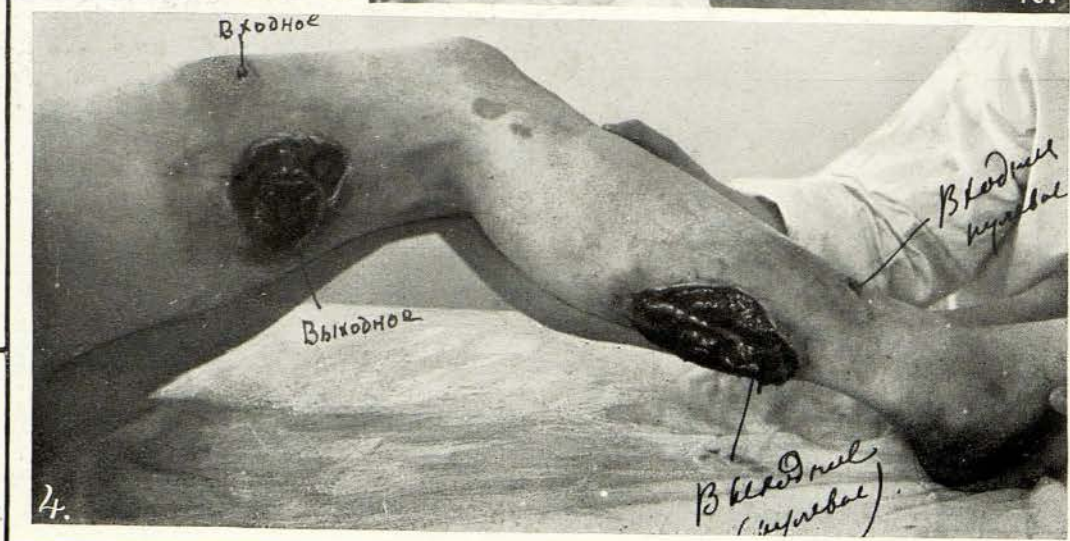
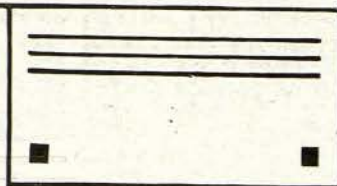
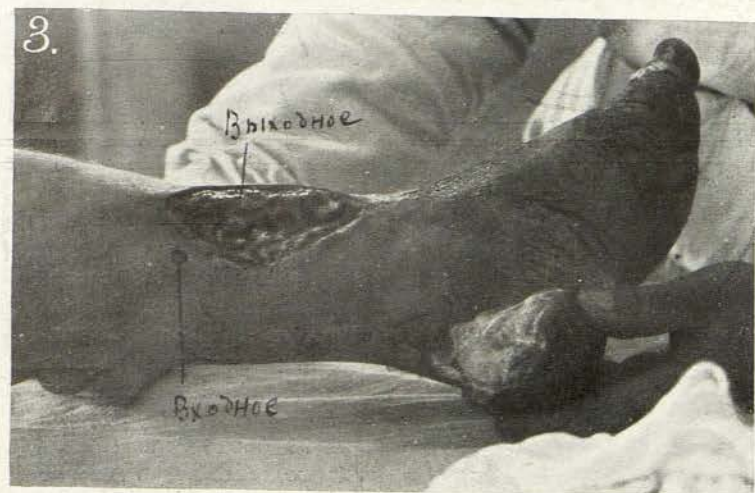
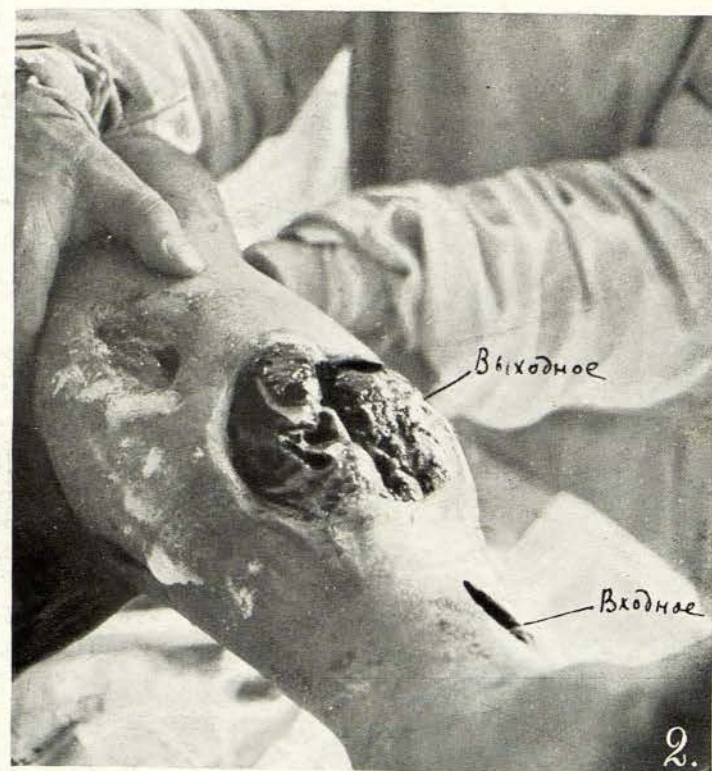

Разрывные пули. 1. Рядовой 152 пбх. Владикавказского полка Сибиллапулла Маймузинь, раненъ разрывной пулей у Ш. 21 Мая 1915 г. 2. Рядовой 32 Сибирск. стр. полка Петровъ, раненый въ обѣ ноги одной разрывной пулей. 3. Рядовой Иванъ Михѣевъ; ранение разрывной пулей, сопровождавшееся столбнякомъ. 4. Рядовой Черноморск. полка Алексѣй Солодкій, раненый въ ногу германской разрывной пулей 21-го Мая 1915 г.

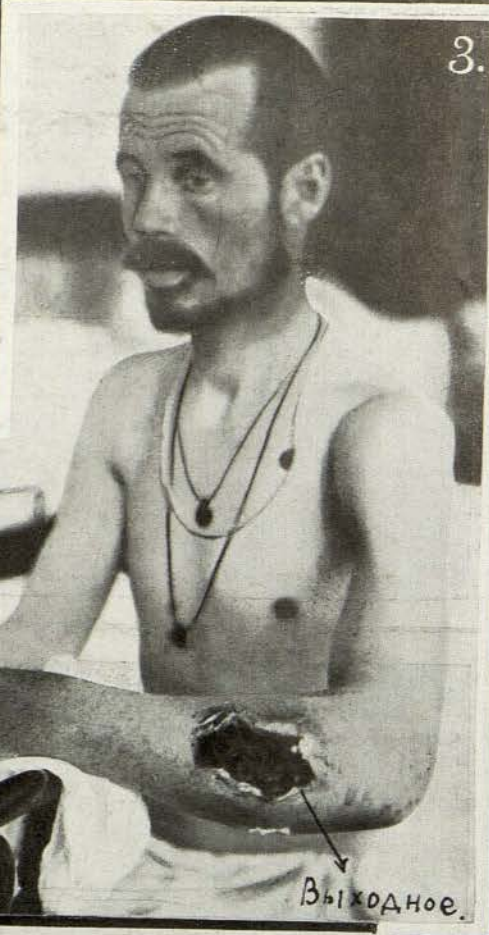
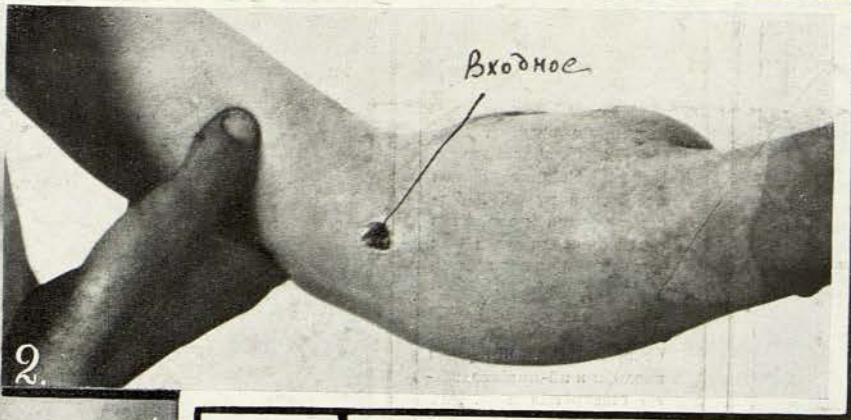

Разрывные пули. 1. Рядовой 225 пѣх. Аккерманскаго полка Новиковъ. Страшное раненіе ноги разрывной пулей. 2. Раненіе ноги 2-мя разрывными пулями. 3. Рядовой 103 пѣх. Петрозаводскаго полка Деминъ. Раненъ разрывной пулей 14 Февр. 1915 г. 4. Раненіе ноги разрывной пулей съ 2-мя рваными выходными отверстиями.

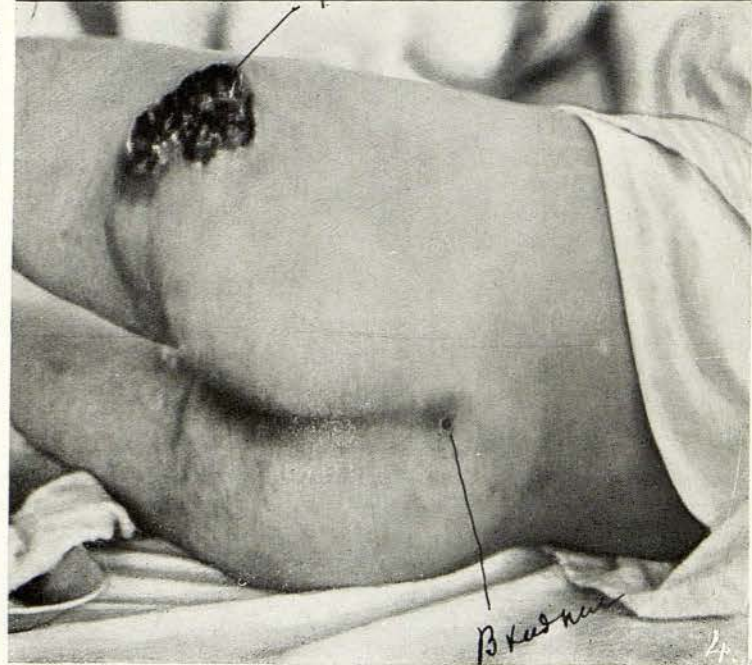
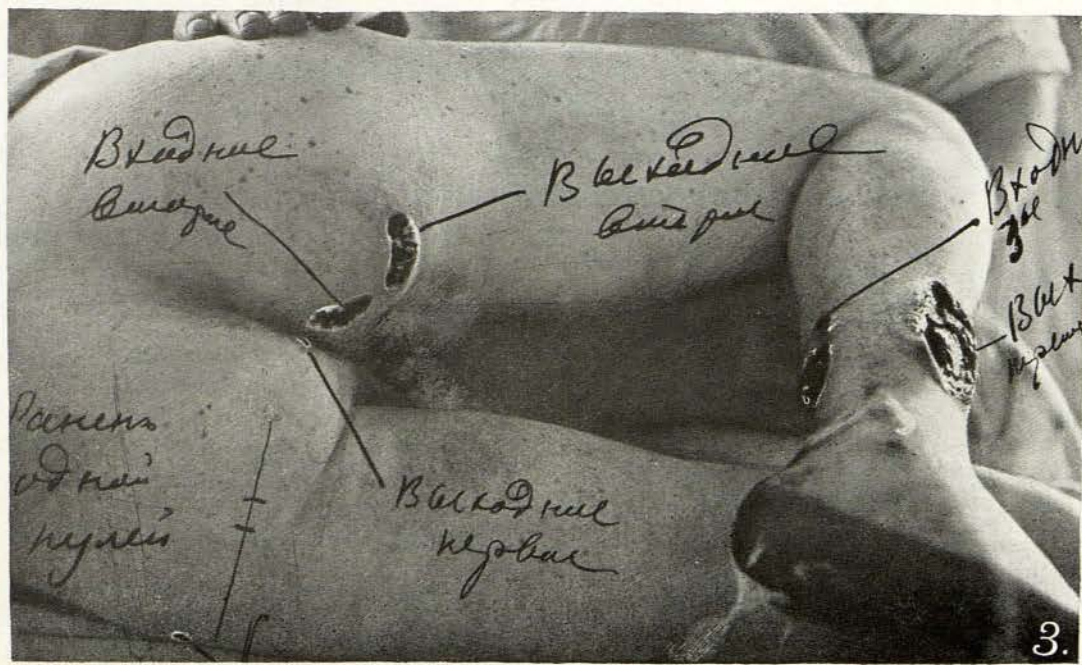
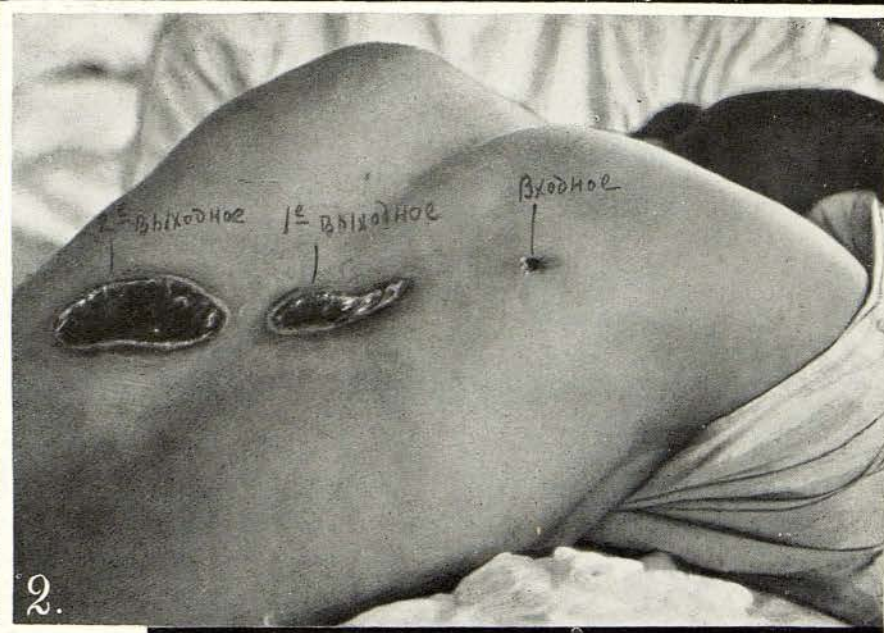
Разрывная пули. 1. Рядов. Очаковского полка Попковъ. Ранение ноги. Галиция 30 Мая 1915 г. 2. Рядов. Аккерманского полка Шамшуддиновъ. Ранение ноги. 3. Рядовой Михайловъ. Ранение ноги. 4. Ряд. Красноярского полка Стрѣлковъ. Ранение правой ноги двумя разрывными пулями.

Разрывная пули. Ранения разрывными пулями рук с указанием входных и выходных отверстий. 1 и 2. Рядовой Московского полка Копытовъ. 3 и 4. Рядовой Нѣжинского полка Костружицкій.

Разрывная пуля. 1. Ряд. 65 пбх. Московского п. Крезю. Ранение спины разрывной пулей. 2. Ранение одной разрывной пулей с входными и 2-мя выходными отверстиями. 3. Ряд. 38 пбх. Гобольского п. Шапиро. Ужасное ранение полуоболочечной пулей с 3-мя входными и 3-мя выходными отверстиями. 4. Ряд. Таманского п. Исаевъ. Ранение разрывной пулей 8 Мая 1915 г.

На дворѣ—самое начало весны...

Всюду слышится мепаллическій звонъ пер-
выхъ вешнихъ струй, и въ воздухѣ впервые
пропягиваются мягкія нити какихъ-то теп-
лыхъ весеннихъ дыханій...

Небо, вмѣстѣ съ невидимымъ солнцемъ,
тихо улыбається сквозь пелену сѣрыхъ, какъ
будто спѣшащихъ куда-то, облаковъ.

Черная и блестящая поверхность земли
покрыта огромными заплатами талаго снѣга,
мѣстами еще дѣвственно чистаго, а мѣстами
неровно-грязнаго и побурѣвшаго.

Въ саду, окружающемъ домъ, занимаемый
шпабомъ, робко и неуверенно звучатъ тихія
птичьи прели, начало торжественнаго гимна
веснѣ...

Въ штабѣ идетъ спокойная и дѣловитая
суета. Здѣсь наблюдается то же, что и въ

каждомъ отдѣльномъ человѣческомъ орга-
низмѣ. Центры мысли и воли, или, вѣрнѣе, цен-
тры воли и мысли, регулирующие жизнь болѣе
или менѣе значительнаго цѣлаго, находятся
въ состояніи постоянной работы и никогда
не упихающаго напряженія.

Телефонъ поминутно приноситъ въ штабъ
и уноситъ изъ него туда, откуда слышится ро-
кочущій разговоръ боя, небольшіе листки бу-
маги, въ трепетныхъ спракахъ которыхъ дро-
житъ столько страшныхъ возможностей...

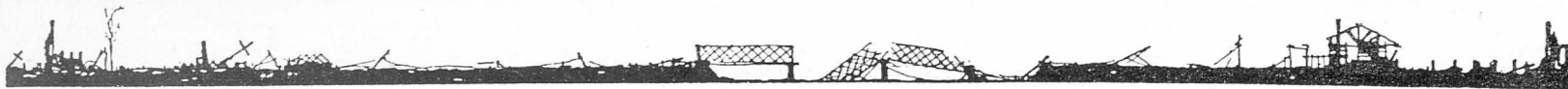
Въ комнату входитъ вѣстовой и мнется:

— Ваше Высокоблагородіе. Дозвольте до-
ложить... Привезли солдата безъ живота и
безъ...—и онъ сконфуженно умолкаетъ.

— И безъ чего? Ну!?

Вѣстовой переступаетъ съ ноги на ногу,
и на лицѣ его появляется выраженіе мучитель-

ДРАГУНЪ
НОВОРОССІЙ-
СКАГО ПОЛКА
БРИТВИНЪ.

ной мысли, очевидно, ищущей и не находящей подходящего выражения. Онъ продолжаетъ молчать.

— Ну, безъ чего-же? Говори скорѣй!.. Долго еще прикажешь ждать?

Вѣстовой молчитъ еще нѣкоторое время, и попомъ съ такимъ видомъ, будто онъ бросаема въ бездонную пропасть, рѣшительно и по своему докладываетъ о томъ, «безъ чего» привезли несчастнаго нижняго чина.

Мы всѣ превожно и недоумѣвающе переглядываемся и выходимъ во дворъ.

Посреди двора, нѣсколько правѣ линии штабныхъ двуколокъ, въ скользкой грязи стоятъ сани, запряженныя парой лошадей. Къ кузову и полозьямъ саней крѣпко прилипла комья талаго снѣга, напоминающіе объ ушедшей зимѣ. Сытныя обозныя лошади стоятъ врозь и понуро, съ широко разставленными ногами, какъ-бы догадываясь объ ужасѣ, распластанномъ на привезенныхъ ими саняхъ.

Въ саняхъ, поперекъ ихъ, лежатъ что-то странное и длинное, покрытое сѣрой шинелью, изъ-подъ которой торчатъ однѣ только за-костенѣвшія ноги въ теплыхъ носкахъ...

Приподнимаемъ шинель...

Въ самой глубинѣ души вдругъ становится такъ скверно, какъ будто къ ней прикоснулось ядовитое жало змѣи.

Молодая голова съ лицомъ, изуродованнымъ рукой мучительной смерти, откинула назадъ и свѣшивается съ саней.

На лицѣ, на рукахъ и на истерзанномъ тѣлѣ бродятъ уже неровныя, сѣро-синія пятна, страшная печать разложенія. На рукахъ—рядъ глубокихъ надрѣзовъ, причиненныхъ, очевидно, тупымъ ножомъ, штыкомъ, или, быть можетъ, зазубренной саблей. Въмѣсто живота кровавая пропасть съ вывалившимися наружу внутренностями.

Но и это еще не все...

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ были половые органы несчастнаго—глубокая дыра съ изъязвленными краями...

По рядамъ людей, обступившихъ сани съ трупомъ, пролетаетъ глухой ропотъ возмущенія:

— Душегубы... Убивцы... Мучители...

— Не пройдетъ вамъ это даромъ...

— Грѣхъ-то какой, проспи Господи... Подумаешь полъко... Человѣкъ человѣку... и вдругъ «такое» сдѣлалъ...

Я потчасъ ушелъ...

Зачѣмъ быть рядомъ съ ужасомъ дольше одного мгновенья? Вѣдь, и мгновенья достаточно для того, чтобы онъ запечатлѣлся въ душѣ неизгладимыми знаками, которыя всю жизнь будутъ звучать призывомъ къ расплатѣ.

.....

Въ шпабъ было доставлено дознание, произведенное по поводу кошмарнаго дѣла, а также привезенъ трупъ несчастнаго, оставшійся въ нашихъ рукахъ послѣ отхода нѣмецкихъ развѣздовъ.

Ниже я помѣщаю выписки изъ этого дознанія, которыя въ настоящее время могутъ быть оглашены въ печати:

Дознаніе: по дѣлу объ изуродованіи чинами германской арміи тѣла драгуна эскадрона ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЪСОЧЕСТВА, 3-го Драгунскаго Новороссійскаго ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЪСОЧЕСТВА Великой Княгини ЕЛЕНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ полка — *Бригвина*.

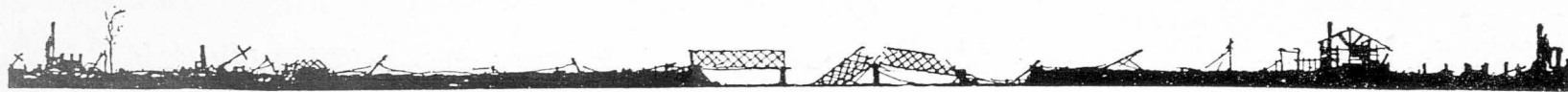
Бригвинъ, Афанасій Алексѣевичъ, происходитъ изъ крестьянъ Вятской губ., Орловскаго уѣзда, Коврижской волости, деревни Зайцы.

Вслѣдствіе успнаго приказанія временно Командующаго 3-мъ Драгунскимъ Новороссійскимъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЪСОЧЕСТВА Великой Княгини ЕЛЕНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ полкомъ—мною произведено дознание по дѣлу объ изуродованіи нѣмцами трупа драгуна эскадрона ЕЯ ВЪСОЧЕСТВА, 3-го Драгунскаго Новороссійскаго полка, Бригвина, при чемъ оказалось слѣдующее:

1) Опрошеннѣ мною. 1915 года младшій офицеръ эскадрона ЕЯ ВЪСОЧЕСТВА, того-же полка, корнетъ фонъ Траутфеттеръ,

Павель Эрнестовичъ, вѣроисповѣданія Евангелическо-Лютеранскаго, 26 лѣтъ, показалъ:

— «Я временно командовалъ эскадрономъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЪСОЧЕСТВА. 7-го Марта 1915 года мой эскадронъ былъ разосланъ въ развѣзды, и при мнѣ остался лишь первѣй взводъ. Командиръ полка приказалъ мнѣ опправитъся въ развѣздъ съ этимъ взводомъ, указавъ направленіе развѣдки. Я съ развѣздомъ двинулся въ путь. При наступленіи темноты, дойдя до конечнаго пункта, я рѣшилъ заночевать, въ виду темноты и сильной вѣюги, выбравъ для ночлега деревню Аукштакальке. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня я былъ разбуженъ подчаскомъ, которѣй доложилъ мнѣ, что постомъ замѣченъ 2 нѣмецкихъ всадника, двигающихся въ нашемъ направленіи. Для того, чтобы выяснитъ обстановку, я отправилъ двухъ или трехъ (точно не помню) конныхъ людей, въ томъ числѣ и драгуна Бригвина, на встрѣчу показавшимся нѣмецкимъ всадникамъ. Люди мои поѣхали отъ крайней избы, гдѣ я ночевалъ, вдоль по улицѣ деревни. Подъѣзжая къ противоположной окраинѣ деревни, они были обстрѣляны съ близкаго разстоянія. Однимъ изъ этихъ вѣстрѣловъ былъ легко раненъ пулей драгунъ Бригвинъ, которѣй и свалился съ лошади. Второю дозорнѣй, драгунъ Егоринъ, прискакалъ ко мнѣ съ донесеніемъ. Я опошелъ съ

разъѣдомъ изъ деревни къ отдѣльному хутору, находящемуся въ полуверстѣ за деревней, откуда послалъ людей узнать, нельзя-ли вывезти Брипвина. Такъ какъ противъ меня было болѣе эскадрона, то выручить его оказалось невозможнымъ. Тогда дозорный поручилъ мѣстному жителю подробно узнать о томъ, что случилось съ Брипвинымъ, и, если возможно, выручить его изъ бѣды. Черезъ нѣкоторое время мѣстные жители прибѣжали обратно и сообщили моему дозорному, что нѣмцы, зашавивъ Брипвина въ избу, взрѣзали ему животъ и руки, а также взрѣзали половые органы. Простоявъ съ разъѣдомъ около получаса и видя, что ничѣмъ не могу помочь несчастному, я вернулся и присоединился къ полку.

Подпись: Корнетъ *Траупфеттеръ*.

2) Опрошенный мною 1915 года драгунъ 1-го взвода эскадрона ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА, 3-го Драгунскаго Новороссійскаго ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Великой Княгини ЕЛЕНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ полка,—*Егоринъ* *), Василій Степановичъ, срока службы года, Православнаго вѣроисповѣданія, изъ крестьянъ Слободскаго уѣзда, Вятской губ., лѣтъ отъ роду, показалъ:

*) Показанія драгунъ Егорина и Гурджіева изложены въ формѣ, нѣсколько грѣшащей противъ стилистики, но это обстоятельство обусловлено основнымъ пребываніемъ, предъявляемымъ ко всякому дознанію: оно должно возможно почтѣ воспроизвести не только мысли дающаго показаніе, но и способъ ихъ выраженія.

— «7-го Марта 1915 года, разъѣздъ изъ первого взвода нашего эскадрона заѣхалъ въ деревню, названія которой не помню. Разъѣздъ осмотрѣлъ деревню, но противника въ ней не оказалось. Рѣшено было ночевать въ деревнѣ. Часовой съ подчаскомъ былъ поставленъ на дорогѣ, у окраины деревни, мы же находились въ хатѣ. Когда начало свѣтать, часовой доложилъ, что ѣдетъ нѣмецъ. Онъ хотѣлъ въ него спрѣлѣть, но не успѣлъ. Тогда взводный назначилъ прехъ человекъ узнать, есть-ли въ деревнѣ нѣмцы и сколько ихъ. Назначилъ онъ меня, Малыгина и Брипвина. Мы сѣли на коней и поѣхали. Немного опѣхавши, мы начали рѣшать, кому какъ лучше ѣхать. Брипвинъ поѣхалъ прямо къ деревнѣ, я поѣхалъ вправо, Малыгинъ же поѣхалъ влево, за деревней. Какъ только я заѣхалъ за сарай, въ концѣ деревни раздался выстрѣлъ.

Я повернулъ коня, и увидѣлъ, что лошади Брипвина бѣжитъ одна, Брипвина же самого нѣтъ. Я съ Малыгинымъ подѣхали къ Егору Благородію, корнету Траупфеттеру, и доложили ему обо всемъ. Корнетъ послалъ двухъ человекъ узнать, что случилось съ Брипвинымъ, убили онъ или раненъ. Поѣхали Крѣпкій и еще одинъ драгунъ, но кто именно—не помню. Крѣпкій вернулся черезъ полчаса и доложилъ о томъ, что жители ему рассказали, будто нѣмцы зашавили Брипвина въ хату,

Драгунъ Новороссійскаго полка Брипвинъ.

сняли съ него сапоги, раздѣли, изрѣзали ему живопѣ и руки, а также опрѣзали половыя части».

Подпись: *Егоринъ.*

3) Опрошеннѣ мною 1915 года драгунѣ 1-го взвода эскадрона ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Гурджіевѣ, Хачатурѣ Кеворковѣ, срока службѣ . . . года, вѣроисповѣданія Армяно-Грегорианскаго, изѣ крестыянѣ Эриванской губ., . . . лѣпѣ опѣ роду, показаль:

— «7-го Марта 1915 года мы подѣхали къ деревнѣ (названія ея не помню), въ которой мы и ночевали. Были назначены часовой и подчасокѣ. Часовымѣ былѣ я, а подчаскомѣ Абапуровѣ. Вдругѣ показался нѣмецкій дозорѣ. Я доложилѣ опѣ взводному. Взводнѣй вышель и сказалѣ: «Нѣпѣ, это не нѣмцы, это, вѣроятно, нашѣ дозорѣ, такѣ какѣ лѣвѣе насѣ былѣ . . . эскадронѣ».

Я хотѣлѣ спрѣляпѣ по этому дозору, но взводнѣй сказалѣ: «не спрѣляй».

Когда этотѣ дозорѣ увидалѣ насѣ, онѣ скрылся. Корнетѣ Траупфеттерѣ послали 3-хѣ человекѣ узнатьѣ, что это былѣ за дозорѣ. Они поѣхали, и нѣмцы ихѣ обспрѣляли. Двое опошли и воропились назадѣ, а Брипвинѣ упаль съ лошади, при чемѣ лошади его приѣжала къ намѣ, и мы ее поймали. Послѣ этого

мы опѣхали опѣ деревни, остановились, и Ихѣ Благородіе послали 3-хѣ человекѣ узнатьѣ опѣ участи Брипвина. Посланные подѣхали къ окраинѣ деревни, и здѣсь жители сказали имѣ: «Вашего солдата, котораго взяли въ плѣнѣ нѣмцы, они внесли въ хату, опрѣзали ему руку, половыя части и взрѣзали живопѣ». Послѣ этого разѣздѣ возвратился въ свой полкѣ».

Подпись: *Гурджіевѣ.*

Не правда-ли, какѣ просто и какѣ безконечно сложно въ одно и то-же время все, происшедшее въ закопѣлой избѣ невѣдомой деревушки, на зарѣ весны 1915 года?

Просто—съ точки зрѣнія строго механической: взяли и изрѣзали на куски живого человекѣ...

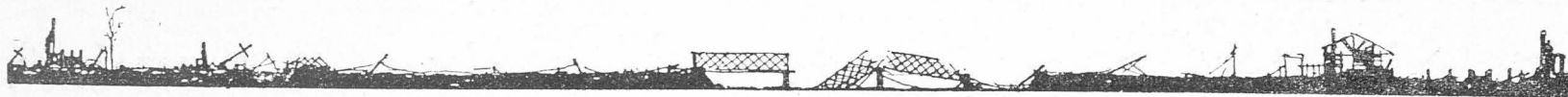
Больше, вѣдѣ, собственно, ничего не случилось...

Но какими темными задворками души должна идти психика человекѣ, чтобы заставилѣ его взять ножѣ и совершилѣ это кровавое дѣло!!!

Страшно подуматѣ, что руками, державшими роковой ножѣ, этотѣ человекѣ будетѣ когда-то, бытѣ можетѣ, креститѣся, обниматѣ свою милую и ласкатѣ дѣтей...

Впрочемѣ, вѣдѣ моляпѣся, любяпѣ и ласкаютѣ только люди...

Я сидѣлъ у ксендза *) , настоятеля костела села Рахане, Томашовскаго уѣзда, Холмской губерніи. Онъ только-что возвратился изъ одной изъ сосѣднихъ деревень, куда былъ приглашенъ на похороны. Нѣсколько усталый и помятый хопя и привычной, но все-же тягостной обстановкой обряда погребенія, около котораго неизбѣжно текутъ неутѣшныя слезы, онъ смотрѣлъ на меня большими, грустными и очень красивыми глазами не по аскета, не по очень умнаго человѣка и рассказывалъ. О чемъ? Конечно, о войнѣ, о ея превратностяхъ, а, главное, о всемъ томъ тяжеломъ и оскорбительномъ, что было пережито имъ въ небольшомъ, заперывшемся среди зеленыхъ холмовъ, селѣ. Еще не старый, онъ велъ рассказъ въ пониженныхъ тонахъ человѣка, который изжилъ все лучшее своей жизни, послѣднія впечатлѣнія коей уже настолько тягостны, что сама жизнь послѣ нихъ теряетъ и всякій смыслъ и всякую цѣну. Нервная разбитость, усталость жисть—сквозили въ каждомъ словѣ его повѣствованія, которое эпическимъ спокойствіемъ изложенія, какой-то фаталистической ровностью его производило попясающее впечатлѣніе на слушателя.

Вы только представьте себѣ на мгновение человѣка, еще не стараго, священнослужителя,

*) Фамилія его Франкъ.

который рассказываетъ о самомъ катастрофическомъ въ своей жизни: о личныхъ испязаніяхъ, которыми онъ подвергся, не взирая на санъ, о кощунственномъ оскверненіи храма, видѣвшаго до того времени только молитвенно склоненныхъ передъ собой людей, рассказываетъ о сожженіи почти всего его прихода, о разспрѣлѣ на его глазахъ сонни женщинъ и дѣтей,—при чемъ ведетъ рассказъ такъ, какъ будто это было безконечно давно и случилось не съ нимъ, а съ кѣмъ-то другимъ, далекимъ и незнакомымъ... Окаменѣлое лицо не выдаетъ ни одного ощущенія... Голосъ звучитъ ровно и мѣрно, какъ голосъ монахини, читающей всю ночь священную книгу надъ дорогимъ покойникомъ... Однимъ словомъ, передъ вами не живой человѣкъ, а фантомъ, не теплое, выразительное, подвижное человеческое лицо, а маска... Временами вамъ все происходящее кажется сномъ... Вы прогааете свои руки, уши, повѣряя свои ощущенія, и, наконецъ, убѣждаетесь, что вы не спите, что передъ вами печетъ дѣйствительная жизнь, быть можетъ, однако, болѣе тяжкая, чѣмъ сама смерть.

«Наши спаданія», говорилъ ксендзъ, «начались топчасъ послѣ прихода непріятельскихъ войскъ, которыя наполнили нашу тихую до того жизнь внезапно и непоправимо цѣлымъ моремъ ужаса. Я не буду говорить уже о себѣ.

С. Рахане, Томаш. уезда. 1. Входъ въ погребъ, куда австрийцы загнали женщинъ и дѣтей и гдѣ было произведено ихъ избиеніе. 2. Видъ части сожженнаго села. 3. Сожженныя церковныя постройки. 4. Разрушенная часть погребца, гдѣ было произведено избиеніе женщинъ и дѣтей.

Я всегда въ жизни ощущалъ въ себѣ присутствіе какого-то страннаго чувства, наспойчиво пребывавшаго опъ меня дѣяпелъной вѣрѣ, дѣяпелъной любви, бытъ можепъ, подвига. Этопъ подвигъ и былъ, вѣрояпно, ниспосланъ мнѣ Провидѣніемъ Всеблагото Господа Нашего въ видѣ пѣхъ мученій, которымъ меня подвергъ пропивникъ. Я принимаю ихъ радостно, скорбя не о себѣ, а толъко объ одичавшихъ душахъ вражескихъ солдатъ, угасившихъ въ себѣ Божественный Образъ. Меня били, я перпѣлъ побои, молча и пворя молипву. Меня ограбили, я не горевалъ, зная, что я гостѣ на землѣ, и что если Господу Богу угодно было одинъ разъ дапъ мнѣ все то, что у меня было, то Онъ можепъ сдѣлапъ это и еще разъ. Меня гнали бѣгомъ 11 верстъ въ Томашовъ, я бѣжалъ, задѣхался, падалъ, вспавалъ, для того, чпобы снова падапъ и снова бѣжати. Падая, я вспоминалъ каждый разъ крестный пупъ Спасителя на Голгоѣу и находилъ въ себѣ силу вспавати и снова молча переноситъ дальнѣйшія мученія. Меня заспавляли выпивати подрядъ по 30 и 40 полныхъ спакановъ воды для доказательства того, что она не оправлена. Я пилъ до тошнопѣ, до страшнаго ощущенія, что внуспренности мои вопъ-вопъ не выдержати скопившейся въ нихъ влаги и разорвутся. Я вѣбѣгалъ за уголь дома, выбрасывалъ спазматическимъ процессомъ черезъ

ротъ выпипую воду, дѣйспвовавшую на меня, какъ рвонное, и немедленно возвращался снова, чпобы опятъ пипъ, пипъ и пипъ... Все это я прощаю врагу искренно и опъ всей души, ибо пворилъ онъ все это, не вѣдая, а просто забывъ на время, что я человекъ, и что мнѣ тоже можепъ бытъ, какъ и ему, больно, и поскливо, и оскорбительно...

Но что мнѣ пруднѣ простипъ врагу—это все то, что онъ совершилъ въ Божьемъ Домѣ, который для меня въ жизни до сихъ поръ представлялъ все, а также то, чпю онъ сдѣлалъ съ крестпьянами моего прихода. Пустѣ бы онъ ограничился сожженіемъ церковныхъ поспроектъ, находящихся въ оградѣ храма, которія хопя и состояпъ подъ покровительствомъ Божьяго Обиталища, но все-же не являются Домомъ Божиимъ. Но кому, кромѣ звѣря, можепъ прійти въ голову мысль объ обращеніи самаго храма, въ его наиболѣе священныхъ уголкахъ, въ кухню? Кто рѣшится рубитъ дрова на... просто спрашно сказапъ на чемъ... на священномъ престолѣ Великаго Алтаря? Кто рѣшится наполнитъ весь храмъ отбросами кухни, а въ углахъ и отбросами изверговъ, которіе полѣнились для этого даже выйти изъ храма «чужого» Бога?..

Съ разграбленіемъ храма я примирился нѣсколъко легче, чѣмъ съ его оскверне-

1.

С. Рахане, Томаш. уѣзда.

1. Старинный барскій домъ въ усадбѣ помѣщика Белдовскаго. Разграбленъ. Сожженъ. 2. Все, что осталось отъ усадбѣ помѣщика Голембѣовскаго. 3. Погребъ, гдѣ принужденъ былъ жить помѣщикъ Голембѣовскій.

2.

3.

ніемъ. Я, по крайней мѣрѣ, не видѣлъ своими глазами того, что сдѣлано врагомъ съ похищенными священными предметами, и считаюсь только съ фактомъ ихъ кощунственнаго исчезновенія. Но оскверненіе храма, слѣды котораго меня жгутъ до сихъ поръ, я пережилъ очень тяжело...

Что касается ужасовъ, пережитыхъ крестьянами села Рахане и, вообще, моего прихода, то я о немъ тоже никогда не забуду, какъ о самомъ ужасномъ впечатлѣніи моей жизни, и безъ того достаточно безрадостной. Прежде всего деревня, конечно, была ограблена до нитки. О неизбежности этого мы были заранее предупреждены, къ нему приготовились и опнесли поэтому съ фапалистическимъ спокойствіемъ. Чему бытъ, говорятъ, того не миновать.

Далѣе врагомъ почти вся деревня, если не ошибаюсь, свыше 150 усадебъ, была сожжена. Это было уже тяжелѣе перенестъ, ибо сотни людей, въ томъ числѣ больные, женщины, дѣти и старики, остались безъ крова, и все имущество ихъ, уцѣлѣвшее послѣ грабежа, погибло въ огнѣ. Скотъ, не взятый противникомъ для походныхъ кухонь, также погибъ, такъ какъ его спрощайше воспрещалось выводить изъ горѣвшихъ сараевъ.

Врагу, однако, всего этого было мало. Онъ подъ конвоемъ солдатъ оправилъ все насе-

леніе деревни безъ всякихъ исключеній — замѣтите, безъ всякихъ исключеній — это значитъ даже вмѣстѣ съ умирающими, которые еще не переспали дышать — въ Томашовѣ, гдѣ держалъ ихъ около 6 дней безъ всякой пищи. Женщины при этомъ, не взирая на возрастъ, подвергались гнусному и массовому изнасилованію. При малѣйшемъ сопротивленіи, иногда, простомъ возраженіи, людей били кулаками, каблуками сапоговъ, прикладами, кололи штыками, вязали имъ веревкой и проволокой руки до крови, грозили разстрѣломъ и инсценировали его до заряжанія винтовокъ включительно, послѣ чего полумертвую опъ ужаса жертву съ хохотомъ освобождали, говоря, что разстрѣлъ опложенъ, по приказанію начальства, на 4 часа. Опступая, они взяли съ собой 15 человекъ, и судьба ихъ никому неизвѣстна.

Но самое ужасное, что совершено врагомъ, произошло въ усадбѣ одного изъ двухъ помѣщиковъ села Рахане — Белдовскаго. Я покажу вамъ эту спрашную усадбу, въ погребѣ которой, гонимые претепомъ передъ несущими смерть бандами противника, забили женщины и дѣти села, и гдѣ они были разстрѣливаемы черезъ всѣ отверстія, куда только можно было вспавитъ стволъ винтовки: черезъ главныя двери, черезъ опдушины, черезъ небольшія оконца въ насыпи. Вы представите

себѣ полво, что должно было пворипсь въ этомъ комѣ изъ женскихъ и дѣтскихъ тѣлъ, сбипомъ въ небольшомъ погребѣ, когда была открыта частый огонь, несший съ собой страшную смерть въ сыромъ подземельѣ. Результаты разстрѣла оказались подавляющими. Было тяжело ранено 71 женщина и ребенокъ и убито 18.

Я видѣлъ ихъ всѣхъ — неподвижныхъ, мертво блѣдныхъ и окровавленныхъ, скованныхъ уже роковой рукой смерти. У ногъ ихъ ползали осиротѣвшія крошки, искавшія груди... Я видѣлъ истекавшія кровью тѣла, еще живыя, корчившіяся и спонавшія... Я-же, полумертвый опъ всего пережитаго, проводилъ съ молитвой безвременно погибшихъ въ мѣсто ихъ вѣчнаго упокоенія. Вотъ, въ немногихъ словахъ то, что я перенесъ въ нѣсколько дней вражескаго нашествія. Я молю Всевышняго, чтобы онъ оппустилъ жестокимъ душамъ солдатъ содѣянное ими злое дѣло, я-же съ своей стороны уже простилъ ихъ».

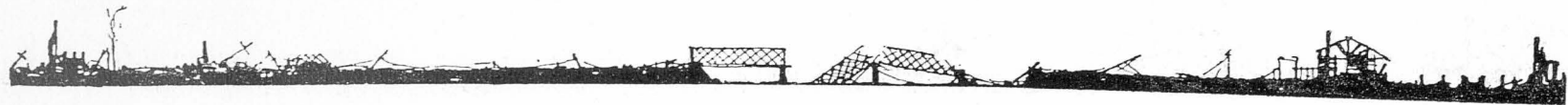
Попрясенный этимъ страшнымъ въ своей простотѣ рассказомъ, я вышелъ съ ксендзомъ въ село, чтобы осмотрѣть усадьбу помѣщика Белдовскаго, въ погребѣ которой врагомъ была принесена, въ жертву его инстинктамъ страшная гекапомба.

Вдоль ряда пожарищъ, расположенныхъ на прелестномъ зеленомъ скатѣ горы, со-

спавляющемъ такой разительный контрастъ съ мрачными и черными остатками усадебъ, мы спустились въ долину, влажную, сочную, усѣянную полевыми цвѣтами, и, поднявшись на противоположный склонъ, достигли усадьбы, скрытой любовно обступившимъ ее паркомъ. Усадьба разграблена и попомъ сожжена. Только погребъ, гдѣ произошло убійство несчастныхъ, остался непронутымъ въ нѣкоторой своей части и глядитъ выбитыми дверями и окнами. Ксендзъ, подойдя къ нему, тяжело вздохнулъ, перекрестился, и въ его умныхъ, еще молодыхъ, но уже успалыхъ, глазахъ показались слезы. Онъ опвернулся и опошелъ въ сторону. Овладевъ собой, онъ предложилъ мнѣ осмотрѣть еще одну усадьбу помѣщика Голембювскаго, находящуюся въ нѣсколькихъ шагахъ опъ той, въ которой мы находились. Я, конечно, согласился.

«Вотъ она», сказалъ ксендзъ, когда мы свернули немного съ дороги и вышли на открытое, наполненное, на первый взглядъ, только голубымъ воздухомъ весны, мѣсто.

«Здѣсь былъ домъ, здѣсь конюшни, здѣсь коровникъ, здѣсь сарай для склада хлѣба, здѣсь домъ для служащихъ», тихо рассказывалъ ксендзъ, вода меня по кучамъ золы, вздымавшей подъ нашими ногами столбы бѣдой пыли.

«А вотъ здѣсь—нынѣшняя квартира помѣщика Голембiовскаго», сказалъ онъ, показывая на черную дыру въ землѣ, похожую на входъ въ нору огромнаго кропа.

«Пане Голембiовскiй», позвалъ онъ, подойдя къ дырѣ. Изъ норы боязливо и робко выглянуло человѣческое существо, которое, увидавъ знакомую фигуру духовнаго опца, нѣсколько прiободрилось, улынулось какъ-то грустно и криво и вылѣзло, наконецъ, совершенно. Меня сразу-же поразило изуродованное лицо Голембiовскаго. Глазъ подбитъ, на щекахъ и шеѣ подозрительные застарѣлые, видимо оставшіеся на-вѣки, кровоподтеки, все лицо какъ-то искривлено.

Какъ-бы угадывая мою мысль, ксендзъ по-ропливо, показывая эпимъ нежелательность какихъ-либо дальнѣйшихъ разспросовъ, очевидно, очень болѣзненно дѣйствующихъ на несчастнаго, бросилъ: «Это съ паномъ Голембiовскимъ сдѣлалъ врагъ. Его спрашно били до обмо-роковъ. Опливали водой и снова били. Въ этой норѣ, за неимѣніемъ другого помѣщенія, панъ жилъ всю осень, зиму и нынѣшнюю весну».

Панъ Голембiовскiй, когда-то богатый человекъ, стоялъ, расперянно разставивъ ноги, и, краснѣя отъ стыда и ужаса, говорилъ: «Да, да, это правда».

Но подумайте только, господа, какая кошмарная, какая страшная правда...

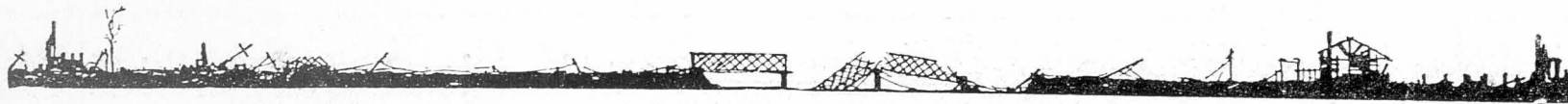
Главный врач одного из Варшавских госпиталей ввел меня в очень длинную, свѣплую и чистую, какъ платбе невѣсты, палату. Направо и налево стоятъ в два ряда кровати, на которыхъ лежатъ, мечутся, хрипятъ, ловятъ запекшимися губами воздухъ, нехватаящей пораженнымъ легкимъ, спонуть, судорожно просятъ подушекъ съ кислородомъ и тихо умираютъ «они», все «они» — милые, дорогие сѣрые герои.

Въ палатѣ лежатъ только отравленные ядовитыми газами. Боже мой, сколько ихъ... Идешь, идешь, а направо и налево все тянется двойной рядъ кроватей съ спрдающими пѣлами людей. Среди нихъ много больныхъ съ багрово-синимъ цвѣтомъ лица, характернымъ для пораженныхъ этимъ «боевымъ» средствомъ врага, нашептаннымъ ему самимъ адомъ. Многие больные жадно дышатъ кислородомъ изъ сѣрыхъ подушекъ, вдыхая его судорожно раскрытымъ ртомъ и цѣпляясь за нихъ дрожащими руками, когда настаетъ время прекратить вдыханіе... У нѣкоторыхъ на груди стоятъ банки — десятки небольшихъ стеклянныхъ колпачковъ, сквозь прозрачныя стѣнки которыхъ виднѣется энергично втянутая въ нихъ человѣческая кожа... Всюду заботливо склоненныя фигуры сестеръ милосердія въ синѣжно-бѣлыхъ халатахъ, однѣ изъ которыхъ зажигаютъ крошечныя фитильки,

а другія, ставя банки, сжигаютъ этими фитильками кислородъ заключеннаго въ объемѣ банки воздуха, уменьшая тѣмъ его давленіе и обезпечивая, такимъ образомъ, дѣйствіе этого простого и спасительнаго средства.

Ядовитые газы, какъ средство борьбы, категорически воспрещено декларациями Гаагской конференціи, вынесенными 29 Іюля 1899 г. Характернымъ является заявленіе одного изъ участниковъ конференціи, французскаго юриста Вильбуа-де-Парни, который по окончаніи выработки декларации воскликнулъ: «Конференція сдѣлала все, предвидѣвъ даже такія злодѣянія, на какія больше не способенъ ни одинъ народъ въ мірѣ». Декларация подписана также и представителемъ Германіи, но въ данный моментъ попирается ею со свойственнымъ только ей одной безстыдствомъ, такъ какъ является не болѣе, какъ «клочкомъ бумаги», не стоящимъ лучшей участи, чѣмъ бытъ распотаннымъ смрадной ногой, обутой въ сапогъ нѣмецкаго солдата.

Способъ употребленія ядовитаго газа на полѣ боя слишкомъ хорошо, хотя и въ общихъ чертахъ, извѣстенъ широкимъ кругамъ общества для того, чтобы на немъ стоило останавливаться. Для успѣха операціи необходимо лишь вѣтеръ, дующій отъ непріятельскихъ окоповъ къ нашимъ, и достаточное количество самаго газа, изготовляемаго на особьихъ

заводахъ и подвозимаго въ непріятельскіе окопы въ металлическихъ баллонахъ, гдѣ онъ находится подъ значительнымъ давленіемъ. Будучи тяжелѣе воздуха, выпущенный ядовитый газъ спелется по землѣ, слѣдуя за ней во всѣхъ ея неровностяхъ, заполняя собой всѣ воронки, канавы, ямы, встрѣчающіяся на его пути, насыщая до краевъ линіи окоповъ, застаиваясь въ высокой травѣ, стоящемъ на корню хлѣбѣ, въ лѣсахъ и кустарникахъ. Концентрація газа нѣсколько увеличивается сверху внизъ, газъ становится слѣдственно внизу болѣе ядовитымъ, почему человекъ, оказавшійся, вслѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ, лежащимъ на землѣ (раненый, одурманенный газомъ и т. п.), имѣетъ много шансовъ не вспасть болѣе никогда. Получается, такимъ образомъ, характерное добиваніе на полѣ боя раненыхъ и, при томъ, добиваніе массовое и безошибочное.

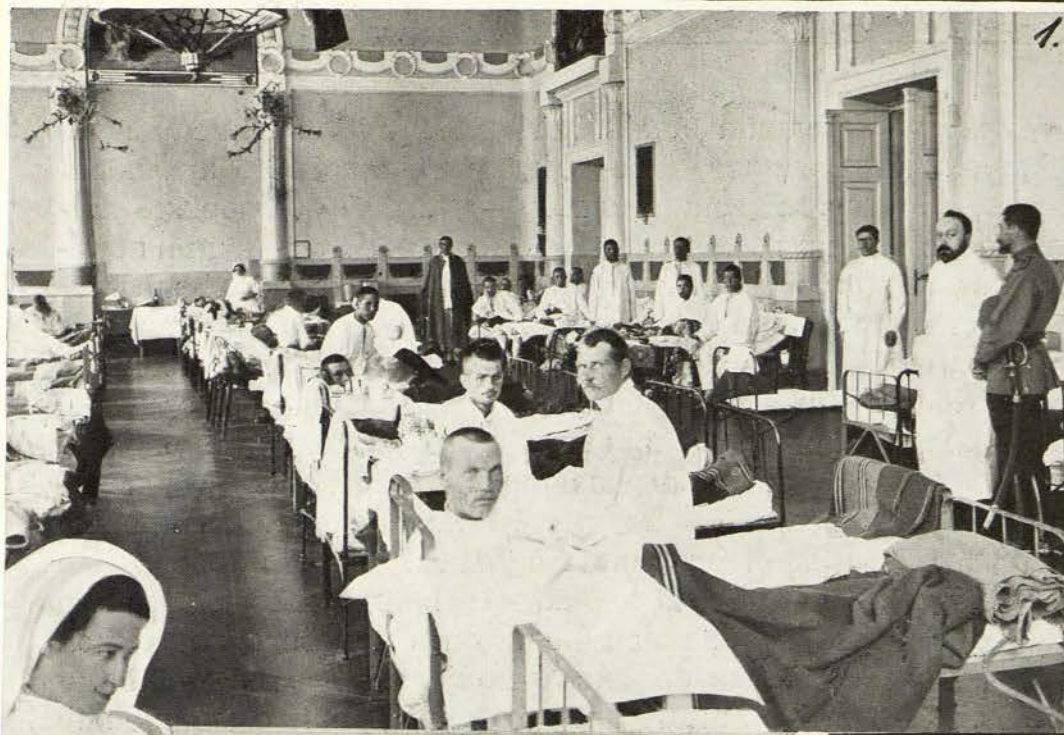
Вслѣдствіе того, что ядовитые газы являются элементомъ звѣрства, вприснутымъ противникомъ въ тѣло войны лишь съ весны 1915 года, врачебному персоналу военно-лечебныхъ заведеній самимъ существомъ дѣла было подсказанъ цѣлый рядъ работъ по изслѣдованію природы газа, по ряду клиническихъ наблюденій, производимыхъ надъ жертвами, оправленными газомъ, по выработкѣ наиболее цѣлесообразнаго способа леченія, наконецъ,

цѣлый рядъ работъ по профилактикѣ (устройство повязокъ, составъ жидкостей, пропитывающихъ повязку, рядъ мѣръ на полѣ боя для парализованія вреднаго дѣйствія газа и т. п.).

Быть можетъ, даже для широкихъ круговъ общества небезынтересно въ краткихъ чертахъ узнать, какъ изложены въ одномъ изъ докладовъ на эту тему, прочитанномъ въ Варшавѣ въ концѣ Мая 1915 года, клиническія наблюденія надъ цѣлымъ рядомъ оправленныхъ ядовитыми газами чиновъ арміи.

«Изъ наблюденій и изслѣдованій опдѣленныхъ лицъ», говоритъ докладчикъ, «съ достоверностью обнаружено, что применяемый противникомъ ядовитый газъ состоитъ изъ хлора. Возможно думать, что наряду съ хлоромъ и одновременно съ нимъ применяются и нѣкоторыя его соединенія *)... На основаніи результатовъ патолого-анатомическихъ вскрытій и изслѣдованій крови, обнаружилось съ достоверностью, что кровь оправленныхъ содержитъ метгемоглобинъ, густота ея и свертываемость повышаются, что въ бронхахъ развиваются явленія бронхита и дольковой пневмоніи; вслѣдствіе измѣненій состава крови, происходятъ небольшія измѣненія паренхиматозныхъ органовъ и мозга, а такжестройство дѣятельности сердца и крово-

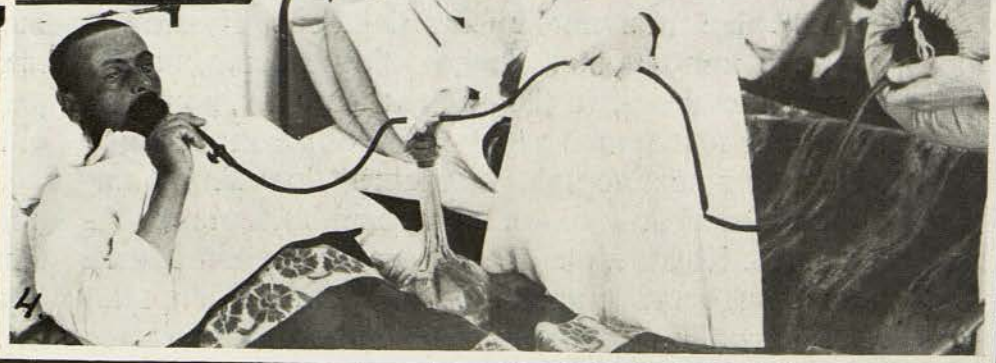
*) Напр., COCl_2 (хлорокись углерода).

1.

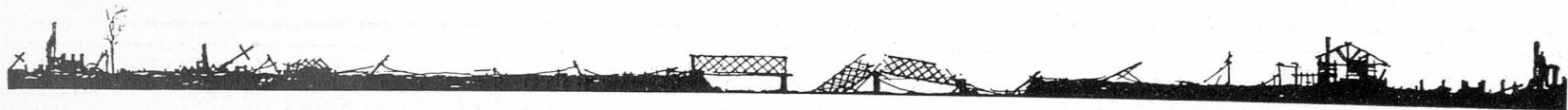

3.

4.

Жертвы удушливых газовъ. 1. Общій видъ одной изъ палатъ, наполненныхъ отравленными газами, въ Смоленскомъ госпиталѣ г. Варшавы. 2. Мл. унш.-оф. 53 Сиб. стр. полка Епанчинцевъ. Дышитъ кислородомъ, который онъ вымогалъ у сестры. 3. Стрѣлокъ 53 Сиб. стр. полка Замарасвъ, которому ставятъ банки. Умираетъ отъ сильного двухсторонняго воспаления легкихъ. Бровохарканье. 4. Стрѣлокъ 53 Сиб. стр. полка Харламовъ. Багрово-синее лицо. Периодически дышитъ кислородомъ. Можетъ жить лишь въ полусидячемъ положеніи.

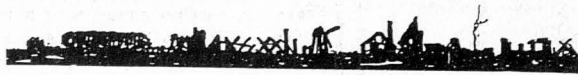
обращения, приводящая къ смертельному исходу, вслѣдствіе развитія пипической картины оспраго отека легкихъ.

Въ клинической картинѣ первыхъ часовъ оправленія, въ случаяхъ средней степени, на первомъ планѣ выступаютъ явленія со споронъ органовъ дыханія и кровообращенія и рѣзкое ослабленіе мышечной силы. Дыханіе учащается до 50—60 и больше разъ въ минуту и происходитъ со спонемъ, вслѣдствіе крайне болѣзненныхъ ощущеній въ груди, въ подложечной области. Появляется напужной кашель съ выдѣленіемъ жидкой пѣнящейся мокроты, весьма часто окрашенной кровью, а также кровавая рвота. Одышка—до такой степени сильная, что работаютъ всѣ дополнителныя дыхательныя мышцы... Пульсъ—слабаго наполненія, легко сжимаемъ, становится частымъ, до 120—140 въ минуту, и иногда не прощупывается въ лучевой артеріи. Общая мышечная слабость дѣлаетъ больныхъ неспособными къ самостоятельнымъ передвиженіямъ. Кожа лица и периферіи конечностей часто имѣетъ синюшную окраску... Въ тяжелыхъ случаяхъ у больного быстро развивается

картина отека легкихъ... У большинства появляется лихорадка, у нѣкоторыхъ температура достигаетъ 39°—40°... Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, хотя и замѣчается ціанозъ лица и периферіи конечностей, тѣмъ не менѣе болѣзнь протекаетъ не столь энергично, и съ кашлемъ выдѣляется гнойная, желтаго цвѣта мокрота. При объективномъ изслѣдованіи наблюдается картина дольковой бронхо-пнеймоніи и различныя степени расстройствъ сердечной дѣятельности, съ видимымъ переполненіемъ кровью правой половины сердца... У нѣкоторыхъ на 3-й—4-й день наблюдалась подкожная эмфизема шеи, въ зависимости отъ надрыва слизистой оболочки бронховъ при напужномъ кашлѣ».

Къ этому надо добавитъ, что смертность отъ оправленія ядовитымъ газомъ среди больныхъ доходитъ иногда до 12%, причемъ сюда не входятъ, конечно, всѣ тѣ, которые погибли отъ него на полѣ чести.

Подумавши обо всемъ сказанномъ и произведя нѣсколько несложныхъ ариѳметическихъ вычисленій, спросите себя, что вамъ хочется крикнуть въ гнойное лицо врага—слово благословенія или проклятія?

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.		Стр.
Чарторійскъ	1	Квартира сельскаго учителя въ Эллеѣ	47
Ужась на станціи Радзивилишки	9	Отправленія лепешки	49
Сестра милосердія Пепровская	12	Лагерная церковъ близъ Конска	56
Реликви Шопена	14	Первья звенья спрашной цѣпи жестокостей	61
Казакъ Цѣпинъ	16	Костелъ въ Парадѣвѣ	65
Горючая жидкостъ	17	Разрѣвныя пули	70
Холмщина	20	Драгунъ Новороссійскаго полка Брипвинъ	81
Кресты и сапуи	26	Село Рахане	86
Мешаніе бомбъ надъ Цѣхановомъ	33	Удушливые газы	93
О. Вознесенскій	41		

ИЗДАНИЕ СОСТОЯЩАГО ПОДЪ ВЫСОЧАЙШИМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ
СКОБЕЛЕВСКАГО КОМИТЕТА О РАНЕНЫХЪ. ПЕТРОГРАДЪ. МЫТНИНСКАЯ УЛ., 27.

КЛИШЕ И ПЕЧАТЬ ИСПОЛНЕНЫ ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННО-ГРАФИЧЕСКОМЪ
ЗАВЕДЕНИИ «УНИОНЪ». ПЕТРОГРАДЪ. Б. КАЗАЧІЙ ПЕР., 11. ТЕЛ. 30-11.